

ЯКУТИЯ

**В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ИМПЕРСКИМИ ОКРАИНАМИ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

**Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения
Российской академии наук»
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера**

Якутия
в условиях реформирования системы
управления имперскими окраинами
(XVIII – начало XX вв.)

Отгиск
2020

УДК 94(571.56)
ББК 63.3(0=Як)5
Я49

Утверждено к печати Ученым советом ИГиИПМНС СО РАН

Ответственный редактор

д-р ист. наук А.А. Борисов

Рецензенты:

д-р ист. наук С.И. Боякова, д-р ист. наук Ю.М. Гончаров,

д-р ист. наук Б.Н. Миронов

Авторский коллектив:

канд. ист. наук А.И. Архипова, д-р ист. наук А.А. Борисов, д-р ист. наук Н.И. Бурнашева, канд. ист. наук Т.В. Захарова, канд. ист. наук А.И. Макарова, канд. ист. наук П.П. Петров, канд. ист. наук Н.Н. Радченко, д-р ист. наук И.И. Юрганова.

Я49 Якутия в условиях реформирования системы управления имперскими окраинами (XVIII – начало XX вв.): Коллективная монография / Отв. ред. А.А. Борисов. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 268 с.

В коллективной монографии исследуется широкий круг вопросов, связанных с историческим опытом преобразований системы управления в Якутии в ранний, имперский и постимперский периоды. Рассматриваются реформы областного управления и государственной политики в Якутии в контексте их эффективности в условиях специфики имперских окраин.

ISBN 978-5-6045342-5-0

© А.И. Архипова, 2020

© А.А. Борисов, 2020

© Н.И. Бурнашева, 2020

© Т.В. Захарова, 2020

© А.И. Макарова, 2020

© П.П. Петров, 2020

© Н.Н. Радченко, 2020

© И.И. Юрганова, 2020

**Federal Research Center
“Yakut scientific center of
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”
The Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North**

Yakutia
and reforms of imperial margins
public administration
(XVIII – the beginning of the XX century)

Ottisk
2020

УДК 94(571.56)
ББК 63.3(0=Як)5
Я49

**Approved for publication by the Academic Council of the Institute
for Humanities Research and Indigenous Studies of the Horth
of the SB RAS**

Edited by Doctor of History A.A. Borisov

Reviewers:

Doctor of History S.I. Boyakova, Doctor of History Y.M. Goncharov,
Doctor of History B.N. Mironov

Authors:

PhD in History A.I. Arkhipova, Doctor of History A.A. Borisov, Doctor
of History N.I. Burnasheva, PhD in History T.V. Zakharova, PhD in History
A.I. Makarova, PhD in History P.P. Petrov, PhD in History N.N. Radchenko,
Doctor of History I.I. Yurganova.

**Я49 Yakutia and reforms of imperial margins public administration
(XVIII – the beginning of the XX century) / Collective monograph
/ Ed. by A.A. Borisov. Irkutsk: Ottisk, 2020. – 268 Pp.**

The collective monograph explores a wide range of issues related to historical experience in transforming the administrative system in Yakutia in the imperial and post-imperial periods. There were discussed reforms under consideration regional administration and public policy in Yakutia in the context of their efficiency in the context of the specifics of the imperial outskirts.

ISBN 978-5-6045342-5-0

© A.I. Arkhipova, A.A. Borisov, N.I. Burnasheva,
T.V. Zakharova, A.I. Makarova, P.P. Petrov,
N.N. Radchenko, I.I. Yurganova, 2020

Оглавление

Введение	7
Глава 1. Реформирование системы управления в Якутии: ранний период	20
1.1. Якутское областное управление (1775–1820-е гг.): опыт административно-территориальных преобразований .	20
1.2. Формирование системы управления городами Якутии (XVIII – начало XIX вв.)	53
1.3. Русская православная церковь в системе государственно-церковного реформирования (1731 г. – первая половина XIX в.)	87
Глава 2. Особенности региональной государственной политики в Якутии в период преобразований второй половины XIX в. – начала XX в.	120
2.1. Структура управления Якутской областью в середине XIX в.: областной начальник и губернатор.	120
2.2. Деятельность Якутского областного правления по внедрению системы кредитной поддержки населения во второй половине XIX в.	142
2.3. Государственная политика в области управления инородческим образованием во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Якутской области)	162
2.4. Якутский комитет общественной безопасности в контексте революционных преобразований 1917 г.	185
2.5. Политические организации в Якутии: участие в реорганизации системы управления (1917–1920 гг.)	222
Заключение.	247
Summary	253
Список принятых сокращений	258
Именной указатель	259
Приложения	263

Contents

Introduction	7
Chapter 1. Reforming the public administration in Yakutia: early period	20
1.1. Yakutsk Oblast Administration (1775–1820s): experience of administrative-territorial transformations	20
1.2. Formation of the city governance of Yakutia (XVIII – early XIX century)	53
1.3. The Russian Orthodox Church in the system of state-church reform (1731 – first half of the 19th century)	87
Chapter 2. Features of regional state policy in Yakutia during the transformations of the second half of the XIX century – early XX century	120
2.1. Administration structure of the Yakutsk province in the middle of the 19th century: provincial chief and governor	120
2.2. The activities of the Yakutsk regional government to introduce a system of credit support for the population in the second half of the XIX century	142
2.3. State policy in the field of alien education administration in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of the Yakutia)	162
2.4. The Yakut Committee for Public Security in the context of the Revolutionary Transforms of 1917	185
2.5. Political organizations in Yakutia: participation in the reorganization of the administration system (1917–1920)	222
Conclusion	247
Summary	253
List of accepted abbreviations	258
Name index	259
Annexes	263

Введение

Обширная и богатая ресурсами «Якутская земля» уже к середине XVII столетия прочно вошла в систему управления русского государства: повсеместно строились остроги и ясачные зимовья, из которых осуществлялся сбор «государева ясака». Крупные родовые и улусные объединения иноверцев-якутов были превращены в «ясачные волости». Образованное в 1638 г. воеводское управление, помимо обширности подведомственной территории, разнообразия народов и культур, имело в своей компетенции функции, выходящие далеко за рамки задач, возлагавшихся на местное управление. В частности, якутские воеводы обязаны были «проведывать» новые земли, защищать присоединенные территории, представлять верховную власть царя в сношениях с иностранными государствами. С этой целью они организовали экспедиции, многие из которых имели международное значение (походы С. Дежнева 1648 г., В. Пояркова 1643–1646 гг., Е. Хабарова 1649–1653 гг.).

Реформы Петра I затронули и Якутский уезд, и хотя Якутск сохранял свое значение форпоста страны на Дальнем Востоке, местное воеводское управление было переподчинено сибирскому губернатору, а с 1764 г. – иркутскому губернатору. Была в целом сохранена прежняя система «ясачных волостей» на местах. Территория государства постепенно расширялась, и его растущие потребности, стимулируемые политическими и экономическими факторами Нового времени, заставляли правительство развивать и совершенствовать систему организации региональной власти. И если большинство петровских реформ были достаточно симптоматичны и порой бессистемны, то начиная со второй половины XVIII в., охарактеризованного в историографии как «век просвещенного абсолютизма», проведение реформ

стало носить более стройный и системный характер. Так, например, некоторые положения областной реформы 1775 г. продолжали действовать до 1917 г.

В следующем, богатом на преобразования столетии государственная политика характеризуется крупными реформами, имеющими долгосрочный характер. Это, прежде всего, либеральные начинания Александра I первой половины XIX в., сибирская реформа М.М. Сперанского и, наконец, великие реформы, связанные с отменой крепостного права 1861 г., которые так или иначе нашли отражение и на имперских окраинах, в том числе и в Якутии, приобретшей статус области. Занимая значительную часть огромного сибирского региона, Якутская область нашла свою, особенную нишу в имперском пространстве азиатской России, и до середины XIX в., пока империя не утвердилась в Приамурье и Приморье, Якутское областное управление выполняло важную роль в организации коммуникаций и обеспечения дальневосточных рубежей страны. Отсюда вытекает актуальность исследования.

Главной задачей реформаторов являлась разработка наиболее приемлемой формы управления для многонационального и многоконфессионального государства. В связи с этим представляется очевидной параллель с современной проблемой организации управления в Российской Федерации, суть которой состоит в поисках оптимальных решений, учитывающих и федеральные, и региональные интересы, принимая во внимание геополитическую составляющую. Так, в революционных катаклизмах начала XX в. значительная роль принадлежит событиям, происходившим на имперских окраинах, и прежде всего – действиям, которые предпринимали противоборствующие стороны в вопросах организации власти, в том числе на местах.

Исторический опыт предоставляет современным реформаторам возможность понимания стоящих перед ними сегодня проблем, позволяет избежать ошибок и неудач и на основе имеющихся исторических источников провести анализ и дать оценку целесообразности тех или иных преобразований. Таким образом, они могут дать ответ на вопрос о том, достигли ли своей цели реализованные проекты, как они повлияли на дальнейшее историче-

ское развитие региона, а значит, в какой-то степени и всей страны. Этой теме посвящены материалы настоящей монографии.

Реформа системы государственного управления представляет собой сложный процесс преобразования организационной структуры, видоизменение связей, при помощи которых осуществляется администрирование, направленное на повышение эффективности регулирования объекта государственного управления – страны или её части, региона.

По мнению авторов, данная проблема в предлагаемом аспекте не разработана в историографии. Исследователи раннего периода, находясь под впечатлением сибирской реформы Сперанского (1822), уделили много внимания событиям данной реформы и анализу изменений, произошедших в аппарате управления Сибири¹. Не обошел вниманием этот вопрос и один из первых представителей якутской историографии в своем фундаментальном труде о податях и повинностях якутов². В ранний период историографии рассматривались преимущественно общесибирские процессы, так, Л.Г. Левенталь вплотную занимался материалами, касающимися управления Якутской областью. Тем не менее, анализируя налоговую политику правительства и взаимоотношения коронных властей с главным объектом налогообложения (ясакообложения) – инородцами-якутами, исследователь не задавался целью оценить эффективность проводившихся мероприятий в области местного управления.

В советское время внимание ученых также было привлечено именно к этой реформе, хотя был длительный период, а именно в 1920–1950-х гг., когда «вопросы внутренней политики, текущего управления и реформ затрагивались ... или мимоходом, или в общих трудах по истории отдельных народов

---

¹ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. В 2 кн. Кн. 2. (с 1742 по 1823 гг.). СПб., 1844; Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861; Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. В 2 т. СПб., 1872; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 328-337, 355-369; Прутченко С. Сибирские окраины. В 2 т. СПб., 1899. С. 231-235; Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032-1882 гг.). Сургут, 1993. 244-246, 253-272 и др. Последний труд был напечатан по одноименному изданию автора 1883 г.

² Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов (от 1766 г.) // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. С.357-362, 441, 443-446.

Сибири»³, за некоторым исключением⁴. Но и здесь вновь, как в ранний период, акцент сделан на общесибирских тенденциях. Также интерес фокусировался на инородческой политике государства.

Неизменная актуальность данной проблематики отмечается в трудах исследователей последующего периода⁵. Интерес, проявленный целым рядом советских ученых к реформам М.М. Сперанского, лишней раз свидетельствовал о глубине и важности этих преобразований.

Вопросы государственного управления, формулировавшиеся в советской историографии как внутренняя политика применительно к изучаемому региону, в масштабе Сибири рассматривались авторами 5-томной «Истории Сибири»⁶, Л.М. Дамешком⁷, Л.С. Рафиенко⁸, в аспекте регулирования правового положения инородцев – М.М. Федоровым⁹, городского управления – В.В. Рабцевичем¹⁰, управления образованием¹¹ и др. Заметим, что в обобщающих трудах управление, как правило, рассматривалось в аспекте политической или классовой (революционной) борь-

---

³ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. С. 19.

⁴ Светличная Л.И. Преобразовательные планы и административная деятельность М.М. Сперанского в Сибири (1819-1822 гг.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1952; Она же. «Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 1.

⁵ Парусов А.И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьковского ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1; Он же. Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819-1822 гг. // Уч. зап. Горьковского ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1; Хоч А.А. Административная политика М.М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 5; Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. М., 1991 и др.

⁶ История Сибири. В 5 т. Т. 2. Л., 1968. С. 124-138, 300-312, 453-456; История Сибири. В 5 т. Т. 2. Л., 1968. С. 104-109; 471-494.

⁷ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1983; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX вв. Иркутск, 1986.

⁸ Рафиенко Л.С. Проблемы истории, управления и культуры Сибири XVIII-XIX вв.: Избранное. Новосибирск: ИД «Сова», 2006.

⁹ Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск, 1978; Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск, 1991.

¹⁰ Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.

¹¹ Панчуков А.П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1959; Андреев В.И. История бурятской школы (1804-1926 гг.). Улан-Удэ, 1964.

бы, что характерно и для соответствующих разделов 3-томной «Истории Якутской АССР»¹². Вместе с тем благодаря вниманию официальной идеологии к положению «угнетенных» национальных меньшинств (инородцев) в нарратив исследований попали сюжеты, связанные с управлением, в том числе не только в Сибири, но и в Якутии.

В якутской историографии советского периода специальных работ по нашей проблеме не было. Интересующие нас вопросы из истории управления Якутии конспективно, кратко упоминались, например, в «Очерке» С.А. Токарева и во 2-м томе «Истории Якутской АССР», только Г.П. Башарин и Ф.Г. Сафронов в трудах, посвященных проблемам аграрной истории, истории русского населения, мирского управления на северо-востоке Азии XVII – середины XIX вв., обзорно рассмотрели преобразования в местном управлении Якутии в ранний период, в эпоху областной реформы 1775 г., а также сибирской реформы 1822 г.¹³ Двое последних ученых тем не менее также не имели цели оценить эффективность реформ, так как перед ними стояли другие исследовательские задачи. Причина того, что сюжеты, связанные с ролью имперских органов власти оказались обойденными советской историографией, ясна – мероприятия царского правительства принято было не замечать либо давать им критическую оценку.

Только в постсоветский период вопросы управления, отныне решавшиеся в парадигме империологии и фронта, стали рассматриваться на новом научном уровне¹⁴. Подобная ситуация во

¹² История Якутской АССР. В 3 т. Т. 2.

¹³ Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940; История Якутской АССР. В 3-х т. Т.2. М., 1957; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. В 2-х т. Т.1. М., 2003; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. В 2-х т. Т.2. М., 2003; Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. С. 16-48. Сафронов Ф.Г. Якуты. Мирское управление в XVII-начале XX в. Якутск, 1987.

¹⁴ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995; Проблемы истории местного управления Сибири XVI – XX вв. Новосибирск, 1998; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002; Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. Иркутск, 2007.

многим стала возможна не только с открытием границ в связи с падением «железного занавеса» и возможностью знакомства с достижениями мировой историографии. Многие зародилось и было вынесено в ходе дискуссий с теоретическими положениями, разработанными в фундаментальных трудах предшествующего периода. Речь идет об основополагающих работах П.А. Зайончковского¹⁵, Н.П. Ерошкина¹⁶. В ряду таких работ также следует отметить одну из первых работ, выполненных в аспекте реформ, монографию С.В. Мироненко¹⁷. В постперестроечное время выдвижение антитезы реформы или революции пробудило интерес к проблеме реформ¹⁸, в том числе и в области управления в Российской империи. Продолжением и заметным результатом этих дискуссий стали и такие крупные издания, как сборник материалов дискуссии петербургских и московских историков в начале 2000-х гг. «Власть и реформы»¹⁹ или статьи другого научного сборника дискуссионного характера, изданного одновременно²⁰. Наконец, был преодолен во многом намеренно формировавшийся тезис о несостоятельности имперского управления, в том числе на местном уровне, тем более когда речь шла о попытках реформ. В качестве блестящего образца реформирования рассматривается столыпинская реформа²¹, которая в советской историографии хрестоматийно считалась провальной. Активно дискутируются проблемы эффективности

---

¹⁵ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

¹⁶ Ерошкин Н.П., Куликов Ю.В., Чернов А.В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983; Он же. Местные государственные учреждения в дореформенной России (1800-1860). М., 1985.

¹⁷ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

¹⁸ Реформы или революция? Россия 1861-1917: Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; Реформы и контрреформы в России (круглый стол) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1995. № 5.

¹⁹ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.

²⁰ Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. док. экон. наук Р.Н. Байгузина. М., 2006.

²¹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 576-579.

управления в имперский период²². Рассматриваются различные аспекты государственного управления в различных сферах экономики, хозяйства, культуры и образования.

Применительно к сибирскому региону уже в наши дни стали появляться обобщающие работы в области истории государственного православия²³, образования²⁴, хозяйственного освоения²⁵. В якутской историографии выходят труды, посвященные изучению инородческого самоуправления якутов как части системы органов государственного управления²⁶, Якутской епархии в период существования консистории²⁷. Эти работы служат основой для исследования проблемы государственного управления в регионе в аспекте преобразовательной политики России.

Для нашей темы большое теоретическое значение имеют обобщающие труды по истории становления управления национальными окраинами²⁸. Ведь Якутия была одним из немногих регионов империи, которые вплоть до её конца оставались практически мононациональными. В 2018 г. издана обобщающая монография Д.М. Шиловского и М.В. Шиловского, посвященная истории административно-территориального устройства и управленческого аппарата всего обширного региона, лежащего к

²² Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург – Ижевск, 2010; Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 544-582.

²³ Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII – XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016.

²⁴ Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX вв. // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4.

²⁵ Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX вв.: сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 72-135; Катцина Т. А., Болонкина Е. В., Мариненко Л. Е. Общества взаимного кредита Сибири в начале XX в.: численность, структура управления и состав // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 38. Т. 4. С. 1047-1052.

²⁶ Иванова Т.С. Основные этапы общественно-политического и государственного развития Якутии в составе России (XIX в. – 30-е гг. XX в.). М., 2000; Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: мат. науч.-практ. конф. (г. Якутск, 3 апреля 2007 г.). Якутск, 2007; Борисов А.А. Социальная история якутов позднего Средневековья и Нового времени. Новосибирск, 2010.

²⁷ Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870-1919 гг. (деятельность духовной консистории): монография. Якутск, 2007.

²⁸ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. Реформы и контрреформы в России (круглый стол) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1995. № 5; Реформы или революция? Россия 1861-1917: Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.

востоку от Уральских гор²⁹. Это одно из первых подобного рода фундаментальных исследований, позволяющих представить общую историческую картину в динамике исторического развития на протяжении большого отрезка времени от XVI в. до наших дней. При этом в фокусе исследования находилась эволюция таких органов власти, как разряды, губернии, генерал-губернаторства, области и, соответственно, первые лица, возглавлявшие их, от воевод до современных губернаторов, а также факторы, оказавшие влияние на рассматриваемые процессы.

В зарубежной историографии в центре внимания М. Раева, в частности, также была реформа М. Сперанского³⁰. Он обратил внимание на трансформацию политики империи, на смещение её акцентов с меховой экспансии на другие составляющие казенного интереса к Сибири.

В зарубежной историографии пристальный интерес имел место к истории организации управления в Сибири более раннего периода³¹. Г.В. Лантцев и Р.А. Пирс, как и их предшественник, проследили эволюцию политики царского правительства, но вместе с тем и отметили её слабые места, связанные с недостаточными, на их взгляд, темпами освоения перспективного во всех отношениях региона. В русле развития империологии как научного направления в современной историографии стала важной вехой вышедшая в 1990-х гг. монография А. Каппелера³². Идентичность сибирских аборигенов, преимущественно представителей малочисленных народов Севера, в условиях меняющейся национальной политики Российской империи и СССР находится в фокусе монографии Ю. Слезкина³³. В данной работе, как и в других исследованиях, управление рассматрива-

---

²⁹ Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI вв.). Новосибирск, 2018.

³⁰ Raeff M. *Siberia and reforms of 1822*. Settle, 1956.

³¹ Lantzeff G.V. *Siberia in the seventeenth century. A study of Colonial Administration*. New York: Octagon books, 1972; Lantzeff G.V., Pierce R.A. *East ward to empire: exploration and conquest on the russian open frontier, to 1750/ Montreal – London: McGill-Queen's university press, 1973*.

³² Каппелер А. *Россия – многонациональная империя* / Пер. с нем. яз. С. Червонной. М.: Традиция – Прогресс-Традиция, 2000.

³³ Слезкин Ю. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. 2-е изд. / Пер. с англ. М., 2017.

ется как инструмент формирования воображаемой конструкции малых народов Севера от иноземцев до инородцев, туземцев и советских граждан. По-прежнему пристальное внимание уделено реформе М. Сперанского, особенно «Уставу об инородцах» 1822 г.³⁴

Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной историографии проблематике, связанной с историей управления в Якутии в периоды преобразований, уделено недостаточное внимание. В масштабе общесибирского исторического процесса большим интересом пользовалась проблема реформы Сперанского в различных её аспектах. В трудах историков, особенно советского периода, пореформенные буржуазные или революционные преобразования начала XX в., в том числе по истории управления Сибирью и Якутией, рассматривались в контексте классовой, политической борьбы при превалировании социально-экономической составляющей.

Специальных работ по истории управления Якутии немного, и в них обзорно представлен процесс его исторического развития. Отсутствуют специальные исследования по изучению мероприятий Якутского областного правления в реализации тех или иных преобразовательных инициатив и реформационной деятельности. События революционных преобразований преимущественно исследовались с точки зрения идеологической и политической борьбы. В настоящее время по-прежнему остается в тени переходный период между революциями начала XX в. в аспекте изменений, трансформаций и преобразований в региональном управлении с учетом местной специфики. Изменению ситуации должны способствовать новые научные методологические подходы. Авторами коллективной монографии использованы методы, основанные на концептуальных положениях современной империологии и цивилизационной исследовательской парадигме, учитывающие этнокультурное своеобразие Якутии как части цивилизаций Центральной и Северной Азии, вступившей во взаимодействие с православной евразийской державой и оказавшейся под воздействием закономерностей имперского строительства.

³⁴ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. 2-е изд. / Пер. с англ. М., 2017.

В исследовательское поле настоящей монографии входит собственно государственное управление на его областном уровне в периоды преобразований. При этом в исследовательском фокусе находятся структуры областного управления (воеводы, коменданты, областные начальники, губернаторы, областное правление, областные комиссары, комитеты общественной безопасности), окружного (исправники, земские суды, инородческое управление в форме улусных голов и инородных управ), городское (городничие, магистрат), духовного управления (духовное правление, благочинные, приходы), региональные организации политических партий и региональная политика в экономической и социокультурной сферах, проводившаяся названными структурами и организациями в условиях преобразований. В результате Первой русской революции впервые политические партии получили возможность участвовать в управлении страной, имея представительство в Государственной Думе, а в ходе Февральской революции начинается их участие и в работе органов исполнительной власти (Советах и комитетах общественной безопасности). Этот отправной момент (объект исследования), т. е. анализ деятельности управленческих структур под влиянием процессов реформирования на региональном уровне, как показывает представленный обзор, еще не находил специального изучения как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Таким образом, впервые в историографии поставлена цель исследования целого ряда региональных реформ (губернской 1775 г., сибирской 1822 г., распространение буржуазных реформ 1860–70-х гг. на окраины, революционных преобразований на местах начала XX в.) в контексте их исторической целесообразности и эффективности в Якутии.

Для успешного достижения намеченной цели поставлены задачи: охарактеризовать предреформенное состояние изучаемых объектов исследования (законодательно-правовые основы, их организационные структуры), определить причины проводившихся реформ, проследить ход преобразований, наконец, осветить и оценить результаты успеха/неуспеха проведенных реформ.

Структурно материалы монографии составили две главы. Первая глава посвящена истории реформирования регионально-го управления в Якутии. Она открывается кейсом, посвященным преобразованиям управления городами, которые играли исключительную роль в организации управления на этой отдаленной окраине империи. В качестве важнейших ориентиров исследования выбраны областная реформа 1775 г. и сибирская реформа 1822 г.

В центре внимания находятся исходные позиции административных структур региона и итоги преобразований в аспекте оценки целесообразности и эффективности того или иного рассматриваемого реформационного процесса. Это и областные формы управления с предшествовавшими им уездными и провинциальными властными институтами, а также такие важные его элементы, как городские структуры управления, основы которых были заложены «Жалованной грамотой городам» 1775 г. Особое место занимает раздел о государственно-церковном реформировании в условиях Якутии также на обширном отрезке исторического времени от 1730-х до 1850-х гг.

Вторая глава также в своей постановочной части содержит единый отправной момент, связанный с реформированием, но в данном случае он экстраполируется на особенности государственной региональной политики в некоторых сферах хозяйственной и социокультурной жизни края. Они связаны в большей степени с воздействием буржуазных реформ 1860-х гг. Но начинается она рассмотрением важнейшего изменения, произведенного в областном управлении, а именно введения института губернатора. Представляется, что первое лицо в области в условиях централизации управления имело важное значение, и именно от него во многом зависел успех проводившихся преобразований, что можно рассматривать как одну из предпосылок эффективности управления.

Отдельный раздел монографии посвящен распространению государственной системы кредитования. Эвристическая составляющая данного материала заключена в рассмотрении деятельности областного управления по внедрению данной новации в традиционное общество. Исследовательская новизна присут-

ствует в разделе, повествующем о новшествах, вводимых в управление образованием в Якутской области. Завершают главу разделы, посвященные сюжетам, связанным с реорганизацией областного управления в эпоху революций начала XX в. Безусловно, несмотря на решающую зависимость революционного процесса от общероссийских тенденций, в регионах проявлялись местные особенности в решении вопросов, в том числе связанных с организацией управления. Сюжеты рассматриваются на примере Якутского комитета общественной безопасности и участия политических партий и организаций в учреждении областного управления.

Материалы монографии предлагаются по принципу кейсов – примеров, выбранных среди тех, которые либо хронологически соответствуют реформам областных управленческих структур, либо фокусируют внимание на конкретных сферах экономической и социокультурной жизни края, когда очевидна деятельность областных институтов власти по их реформированию. Все кейсы объединены целью рассмотрения и оценки целесообразности и степени успешности тех или иных преобразований.

В исследовании использованы различные виды опубликованных исторических источников: законодательные, статистические, делопроизводственные, личного происхождения и др. Это нормативные акты «Дополнения к актам историческим»³⁵, «Полного собрания законов Российской империи»³⁶, «Свод законов Российской империи»³⁷, «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного вероисповедания Российской империи»³⁸, статистические сборники³⁹, тематические сборники⁴⁰. Законодательные документы, многие из кото-

³⁵ Дополнение к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1867. Т. 10.

³⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1884. Тт. 21, 24, 27, 28, 38, 44.

³⁷ Свод законов Российской империи. Законы о состояниях. Т. 9. СПб., 1899.

³⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного вероисповедания Российской империи. Петроград, 1915.

³⁹ Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810; Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. Составил А.К. Голубев. СПб., 1899 и др.

⁴⁰ Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области с 1650 до 1800 г. Якутск, 1916; Колониальная политика Московского государства в Якутии. XVII в.: Сб. документов. Л., 1936 и др.

рых и ранее были известны и введены в научный оборот, впервые рассматриваются с точки зрения реализации нормативных актов и установлений, ставятся вопросы, связанные с их целесообразностью и применимостью в условиях местной специфики.

Привлечены материалы периодики: «Журнал МВД», «Якутские епархиальные ведомости», «Вестник ЯКОБ», «Социал-демократ», «Социалист», «Голос труда», «Якутский голос», «Народная свобода» и др. Данный тип источников представлял интерес как отражение текущих событий и фактов синхронного времени, в том числе публикации правовых актов, официальных отчетов, протоколов собраний и т. д., составляющих срез событий, связанных с преобразованиями, в частности, рассматриваемого в монографии местного управления.

Задействованы архивные фонды региональных архивов Национального архива Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), центральных архивов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Впервые вводятся в научный оборот картографические материалы об изменении административно-территориального управления, делопроизводственные документы различных органов светской и духовной власти, переписка, протоколы заседаний духовных и революционных органов власти, челобитные и прошения, земельные ведомости и описания.

Введение и заключение подготовлены А.А. Борисовым; глава 1: раздел 1.1. – П.П. Петровым, раздел 1.2. – А.А. Борисовым, раздел 1.3. – И.И. Юргановой; Глава 2: раздел 2.1. – А.И. Архиповой, раздел 2.2. – Н.И. Бурнашевой, раздел 2.3. – А.И. Макаровой, раздел 2.4. – Т.В. Захаровой, раздел 2.5. – Н.Н. Радченко.

Глава 1

Реформирование системы управления в Якутии: ранний период

1.1. Якутское областное управление (1775–1820-е гг.): опыт административно-территориальных преобразований

Долгий период, в течение которого на северо-востоке России существовал самый большой уезд⁴¹, административный статус которого на протяжении первой половины XVIII в. непропорционально его значению заметно снизился, подходил к концу. Огромный вклад в государеву соболиную казну, значительная роль в качестве транспортного узла, соединившего страну с побережьем Тихого океана, скрытый потенциал природных ресурсов заставляли правительство задумываться о перспективах в организации управления этим обширным регионом.

Решение данной проблемы осуществлялось в нескольких направлениях. Во-первых, определение статуса всей территории, с первых лет прихода русских землепроходцев названной «Якольской землицей», а затем Якутским уездом. С тех пор как Петр I ввел административно-территориальное деление в стране, приближенное к западным образцам (губернская система), не раз возникали сложности в применении новых принципов организации управления в этой отдаленной окраине. Во-вторых, стояла задача организовать внутреннее административное устройство края. Дело осложнялось экстремальными климатическими условиями и большими пространствами. Сибирским властям, которым подчинялись якутские власти, нужно было обустроить

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 739. Л. 39, 41, 43.

такие региональные центры (зимовья, остроги, города, сельские административные пункты: волости, села), которые учитывали бы местные особенности расселения, коммуникации и удобство сообщения с вышестоящими управленческими структурами. В-третьих, ввиду многонациональности управляемой территории необходимо было организовать взаимодействие с традиционными потестарными органами власти иноверческого/инородческого населения, выстроить иерархию власти в местах его проживания. Трудность состояла в том, что большинство населения в крае вело кочевой или полукочевой образ жизни. Ведь для эффективного управления имперским властям на всех уровнях нужно было обустроить территориальные границы между различными административными подразделениями.

В историографии в связи с изучением проблем правового положения податного населения⁴², освоения русским населением северо-востока Азии⁴³, а также аграрных отношений Якутии⁴⁴ и в обзорных трудах, посвященных истории административно-территориального устройства Якутии в XVII–XXI вв.⁴⁵, не раз обращалось внимание на поставленную проблему. Тем более, что на протяжении XVIII столетия имело место шестикратное изменение географических границ Якутии⁴⁶. Кроме того, как считают специалисты, протестное движение в Сибири вынудило правительство провести Первую ясачную комиссию 1760-х гг., что привело к выделению «этнических родов» из крупных

---

⁴² Павлинов Д.М. Об имущественном праве якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 1-46. Левенталь Л.Г. Подати, повинности и земля у якутов // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 221–448.

⁴³ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978;

⁴⁴ Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. 2-е изд. В 2 томах. Т. 1. М., 2003.

⁴⁵ Сафронов Ф.Г. Якуты. Мирское управление в XVII – начале XX вв. Якутск, 1987; Федорова Е.Н., Пахомов Е.А. Административно-территориальное устройство Якутии: прошлое и настоящее. Новосибирск, 2011. В некоторых трудах Г.А. Попова (в основном опубликованных посмертно) также содержатся сведения справочного характера. См., например, Попов Г.А. Сочинения. В 7 т. Т. 1. Якутск, 2005. С. 185-186; 197; Попов Г.А. Сочинения. Т. 3. Якутск, 2007. С. 86-87, 182-184 и др.

⁴⁶ Egorova T.P., Zakharova T.V., Fedorova E.N. Evolution of administrative and territorial transformations in the XVIII century Northeastern Asian part of Russia, *Astra Salvensis*, VI (2018), Special Issue, p. 593-602.

волостей в самостоятельные наслеги⁴⁷. До сих пор составить общую картину с охватом трех вышеназванных направлений в развитии изучаемого исторического процесса не удалось. Исследователи констатировали разнообразие форм организации управления как с точки зрения территориальных единиц (волости, наслеги, улусы, комиссарства, округа, уезды и т. д.), так и в плане местных органов власти (князцы, старосты, старшины, комиссары, исправники и т. д.). Вместе с тем остались вне поля зрения исследователей вопросы, связанные с координацией действий между имперскими чиновниками с одной стороны и представителями традиционных структур управления – с другой. Запутанными являются и вопросы организации территориальных управленческих структур на местах. Именно в последней четверти XVIII в. был осуществлен переход к улусно-наследной системе организации инородческого управления.

После реализации губернской реформы 1775 г. в Российской империи основной административно-территориальной единицей стали наместничества (генерал-губернаторства) и губернии⁴⁸. Они состояли из уездов и округов. Уездными и окружными центрами согласно реформе стали определенные города, расположенные в удобных с географической и экономической точки зрения⁴⁹ местах. Низшей единицей управления были волости. Нерусское население со своими иноверческими потестарными институтами было подчинено окружным управлениям. Лишь на окраинах правительство стало создавать несколько отличную форму управления. Там начали формироваться области. По замыслу реформаторов, они должны были стать переходной формой к губернскому управлению.

Провинциальный период

В 1775–1783 гг. вместо упраздненного Якутского уезда в составе вновь образованной Иркутской губернии (с 1764 г.) существовала Якутская провинция со сложной внутренней струк-

⁴⁷ Egorova T.P., Zakharova T.V., Fedorova E.N. Evolution... p. 601-602.

⁴⁸ Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 239.; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008.

⁴⁹ Материал, связанный с городским управлением, в данном разделе упоминаемый лишь вскользь, представлен в разделе настоящей монографии, написанном П.П. Петровым.

турой: два воеводства, шесть комиссарств (Приложение 3). Сложность была обусловлена обширностью территории. Кроме того, с 1769 г. был отменен институт сборщиков ясака, которые были наделены большими административными полномочиями.

Сохранилось «Описание Якуцкой провинции» от 2 октября 1794 г.⁵⁰, но, судя по косвенным данным, в нем отражены более ранние сведения, предположительно относящиеся к началу 1780-х гг. или даже к 1760-м гг. Об этом говорит номинация внутренних подразделений Якутской провинции и численность их населения.

Таблица 1. Административно-территориальное устройство Якутской провинции

№	Уезд/Округ	Улус/волость	Количество мест, поселений	Количество родов	Количество душ	Количество душ по округу
1	Якутский	Кангаласский	14	28	5651	9118
		Намский	16	13	3151	
		Тунгусы	19	7	316	
2	Олекминский		13	9	2041	2041
3	Верховилуйский		65	40	7736	7736
4	Жиганский		15	14	1402	1402
5	Верхоянский		40	37	2389	2389
6	Среднеколымский		42	25	918	918
7	Алданский	Батуруская	25	25	6381	14198
		Майское, Тонтарское и Бутальское зимовья				
		Борогонская	45	8	592	
		Баягантайская	17	18	2947	
		Мегинская	26	7	915	
			15		3363	
8	Удский	Тунгусы		4	134	134
Итого по области					47761	

⁵⁰ РНБ ОР. Эрмитаж. собр. 238, 6-ф. Л. 12об., 31-33, 55, 57, 59, 62, 64, 66-68,

Центральная часть вновь образованной провинции была самой населенной, поэтому было решено распределить властные полномочия между собственно якутским провинциальным воеводой, которому были непосредственно подчинены Кангаласский улус с 28 волостями и Намский улус с 13 волостями, с одной стороны и алданским воеводой, в ведении которого оказались все якутские улусы правобережья р. Лены: Батурусский с 27 волостями, Борогонский с 18 волостями, Мегинский с 15 волостями, а также Баягантайская волость с 6 волостями в своем составе⁵¹, кроме того, Майское, Бутальское, Тонторское зимовья, Оймякон, Удский острог. Другими словами, вся юго-восточная часть провинции. Здесь основным населением были якуты с небольшими группами эвенков. Обратим внимание на дальнейшее формирование улусной организации якутов. Напомним, что перечисленные выше административные улусы были образованы в Центральной Якутии ещё в середине 1720-х гг.

В этой части провинции, называвшейся Якутским уездом, на территории Кангаласского улуса численностью 7106 ревизских душ (по IV ревизии 1781 г.) были зарегистрированы: Хоринская (182)⁵², Нерюктейская (257), 1-я Кангалейская (109), 2-я Кангалейская (208) волости, 5-й Хоринский (181), 6-й Хоринский или Ходоринский (72) роды, 1-я Нахарская (259), 2-я Накарская (254), 1-я Хайтагайская или Нерюктейская (172), Кангалайская (54). Следующие 18 родов отмечены в Кангалайской волости: Сатычинский (416), Жерский (156), Немюгинский (658), Жемконский (158), Жемконский «он же» (252), Хачикацкий (277), Сатинский (121), 1-й Моржегарский (240), 2-й Моржегарский (288), 3-й Моржегарский (173), 4-й Моржегарский (350), 5-й Моржегарский (228)⁵³, 1-й Кангалайский (169), 2-й Кангалайский (335), 3-й Кангалайский (320), 4-й Кангалайский (350), 2-й

⁵¹ Здесь и далее при описании административно-территориальной организации в 1775–1783 гг. использованы материалы из следующего источника: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во 2-й половине XVIII в. // Советская этнография. 1966. № 3. С. 32–35.

⁵² Ревизских душ, также и ниже при перечислении других волостей и родов. Приводим условную численность населения волостей и родов ввиду сложности идентификации конкретных административно-территориальных единиц по причине того, что складывание их в единую систему еще не завершилось.

⁵³ Очевидно, что здесь речь идет о Мальжегарских родах, будущих наслегах.

Нерюктейский (317) и еще один просто Кангалайский (664). В среднем на одну волость приходилось 253,7 ревизской души. На примере этого улуса видно, что это был переходный период в формировании административно-территориального устройства региона. Под названием «Кангалайская» (Кангалаская) фигурируют восемь административных единиц. Более того, почему-то десять волостей (родов) названы отдельно от упомянутой «Кангалайской волости» в составе 18 родов, хотя в следующем столетии все они последовательно будут числиться в едином Кангаласском улусе. Изменяются лишь некоторые названия волостей. Например, не останется ни одной волости (в будущем наслеге) с названием «Кангаласский», все они обретут то или иное название.

В том же уезде в Намском улусе зафиксированы Одейский (336), 1-й Намский (231), 2-й Намский (627), 3-й Намский (195), 4-й Намский (296), 5-й Намский (148), 6-й Намский (441), Мадущкая (177), Хатырьцкая (244), Бетюйская или Бетюницкая (465), Кобенонская (195), Атамайская (415), Баяназейская (77) волости. В улусе насчитывалось 3847 ревизских душ, в среднем по 295,9 ревизской души на волость. Видно, что власти еще не отличали, в смысле терминологии, «роды» от «волостей».

Продолжая описывать улусы Якутского уезда, перейдем на правобережье реки Лены. В многочисленном Батурусском (написано «Батуруйском») улусе, где проживало 7 632 ревизских души, были выделены следующие подразделения: 3-я Алагарская (159), Сыланская (238), Хатылинская (172), Хаяхсыцкая (124), 1-я Игидейская (416), 2-я Игидейская (539), 1-я Жехсогонская (736), 2-я Жехсогонская (266), 3-я Жехсогонская (388), Тырасинская (232), 1-я Хатылинская (438), 2-я Хатылинская (422), Телейская (137), Хатырская (592, названа родом), отделенная от неё волость-род (203, названия нет), 1-я Чақырская (385), 2-я Чақырская (97), 1-я Балагурская (363), 2-я Балагурская (19), 3-я Балагурская (66), Сулгачинская (115), 1-я Скороумская (266, правильное Скороульская), «в отделенной от неё волости» (207), 4-я Балагурская (238), 2-я Скороумская (109), Бетюнская (372), Иминская (91) волости. В среднем в одной волости было 282,6 ревизской души.

В Борогонском улусе численностью 3 497 ревизских душ отмечены: Содуцкая (258, соответствует позднему Соттинскому наслегу), 2-я Содуцкая (147), 3-я Борогонская (237), 1-я Оспецкая (307), 2-я Оспецкая или Няяхинская (121), Чириктейская (268), 1-я Онерская (269, ошибочно написано «Вонерская»), 3-я (повторно) Борогонская (183), «отделенная от 3-й Борогонской» (46), 4-я Борогонская (216), 5-я Борогонская или Курбусацкая (384), Оспецкая или Олтецкая (161), Олтецкая (109), Борогонская (186), 1-я Борогонская (107), Батагайская (123) волости. На одну волость в этом улусе приходилось 194,2 ревизской души.

В Мегинском улусе (4077 ревизских душ) были отмечены: Мельжахсинская (307), Маюрутская (390, записана как «род»), Алтанская (278), Тараганская (186, также названа «родом»), Батаринская (331), 2-я Мельжахсинская (370), Жанхадинская (245), Баксинская (305), Хабельская (270) (по-видимому, Жабьльская), Долдинская (278, названа также «родом» и ещё «Мегинской волостью»), Мегуренская (379), Тулагинская (305), 3-я Мельжахсинская (162), Холгуминская (217) волости, и Майруцкий род (54). Здесь в одной волости было около 271,8 ревизской души в среднем.

Отдельно отмечены Оспецкая волость Верхоянского зимовья (100), 1-я Баягантайская (265), 2-я Баягантайская (89), 3-я Баягантайская (339), 4-я Баягантайская (120), 5-я Баягантайская (89, также названа как Борогонская), Кангалайская волости, численность которых подсчитана вместе (1093 ревизских души). Это свидетельствует о том, что перечисленные волости были по-прежнему объединены в административную Баягантайскую волость, существовавшую с середины 1720-х гг. В этой волости (будущем улусе) на одну волость приходилось 156,1 ревизской души.

Кроме того, в уезде зафиксирован Ласитский/Тесигирский тунгусский род ламутов численностью в 126 ревизских душ. Судя по всему, Мемельский род Баягантайской волости (185) также был ламутским.

Тунгусы (эвенки) в административном отношении были распределены по родам Майского зимовья: Мекагирском (73), 1-м Ежанском (74), 2-м Ежанском (26), 3-м Ежанском (61), 4-м Ежан-

ском (79), 5-м Ежанском, образованном из 1-го и 4-го Ежанских (82), Купском (35), Тонгорского и Бутальского зимовий: 6-м Ежанском (212), 2-м Купском (28). Всего здесь их числилось 670 ревизских душ, в среднем на один род приходилось по 74,4 ревизской души.

В восьми подгородных (под Якутском) тунгусы числились в: Баягирском (113), Нинаганском (62), 2-м Нинаганском (14), Шологонском (52), 1-м Белдецком (64), 2-м Белдецком (48), 3-м Белдецком (42), Барагатском (21) родах. Итого 416 ревизских душ, значит, в этом регионе на один род приходилось всего лишь 52 ревизских души.

Наконец, 216 ревизских душ тунгусов были зафиксированы в родах Удского острога: 1-м Аникагарском (36), 2-м Лалыгирском (95), 3-м Ежанском (57), 4-м Анганском (28) или в среднем по 54.

В Якутском уезде городским властям города Якутска подчинялись 429 ревизских душ русского податного населения, 134 – из купеческого сословия, 101 отставной чин, 113 – духовенства, 25 ссыльных, в Амгинской слободе – 217, в Удском остроге – 6 ревизских душ русских крестьян.

Вдоль Охотского и части Иркутского тракта, входивших в состав этих территорий, только формировалось немногочисленное крестьянское население с волостным управлением. Как видно, кроме острогов и зимовий, самым крупным русским населенным пунктом была Амгинская слобода, где также существовало волостное управление. Всего 29 890 ревизских душ числились в Якутском уезде.

В эти годы существовало Киренское воеводство с преимущественно русским населением, оно временно подчинялось якутскому провинциальному воеводе.

В других частях Якутии были назначены комиссары. Это илимский комиссар, также в тот период подчинявшийся Якутску, который управлял крестьянскими волостями в верховьях р. Лены.

Юго-Западная часть провинции, или Олекминский уезд (административные центры: Олекминский острог, Чаринское зимовье), перешла в подчинение Олекминского комиссара. Здесь

формировался якутский Олекминский улус (2255 ревизских душ) в составе пяти волостей: 1-й Нерюктейской (489), 2-й Нерюктейской (344), 1-й Меицкой (549), 2-й Меицкой (432) и Молжегирской (441, правильнее Мальжагарской). Это были довольно крупные административно-территориальные образования в среднем по 451 ревизской душе в каждом.

Под управлением олекминского комиссара находились также восемь волостей Верхневилуйского зимовья: 1-я Жарханская (486), 2-я Жарханская (547), 1-я Бордонская (304), 2-я Бордонская (373), Нерюктейская (76), Нахарская (196), Хоринская (242), Кангалайская (539), которые объединятся впоследствии в Сунтарский улус (2763 ревизских души). Здесь тоже были сравнительно крупные по численности волости, насчитывавшие в среднем по 345,3 ревизской души.

Под его управлением было более разношерстное население: кроме якутов, эвенки, русские крестьяне. 477 ревизских душ тунгусов (эвенков) были объединены в пять родов: Хагагирский (90), Жеюганский (98), Киндигирский (57), Логотский (59), Барагатский (173) (в среднем по 95,4 ревизской души на один род). Среди русских крестьян (593 ревизских души) также были организованы волости в Амгинской, Витимской слободах и на 36 притрактовых станциях («станках»). Всего под управлением олекминского комиссара находилось население из 6088 ревизских душ.

Земли, находившиеся ранее в ведении Верхневилуйского и Средневилуйского зимовий, которые соответствуют ныне Западной Якутии, стали называться Оленским уездом под управлением Верхневилуйского комиссарства. Большинство местного населения были якутами. После Первой ясачной комиссии здесь было зафиксировано более 20 якутских ясачных волостей. Половина из них впоследствии будет объединена в Верхневилуйский улус⁵⁴: Чечуйская (252), Намская (178), Батулинская (270), Меитская (118), Одеиская (224), Кангалайская (707), 1-я Жарханская (407), 2-я Жарханская (557), 1-я Бордонская (444), 2-я Бордонская (421), 3-я Жарханская (596), 2-я Удюгейская (118), Оргоцкая (116). Всего 4854 ревизских души, на одну волость

---

⁵⁴ Сафронов Ф.Г. Якуты... С. 31.

приходилось по 346,7 ревизской души. Здесь были в среднем крупные волости по сравнению с волостями Якутского уезда и сопоставимые с волостями Олекминского уезда.

Следующая группа якутских волостей общей численностью 1236 ревизских душ по-прежнему была зарегистрирована как волости Средневилюйского зимовья: Модуцкая (90), 1-я Тагуйская (209), 2-я Тагуйская (79), 3-я Тагуйская (169), Кыргыдайская (70), 2-я Модуцкая (36), Теинская (60), Мукучинская (64), Лючинская (236), Жемконская (55), 4-я Тагуйская (77), Кыргыкинская (40), Оргоцкая (51). Средняя численность здешних волостей была маленькая, всего 103 ревизских души.

В этом уезде также были тунгусские роды: Верхневилюйского зимовья Фугляцкий (189), Шологонский (282), Средневилюйского зимовья Калтянского (117), Жакуцкого (147). У местных тунгусов были в среднем довольно крупные по размерам роды: у первой группы родов 235 ревизских душ, а у второй – 132 ревизских души.

На севере Якутской провинции было образовано три комиссарства: Жиганское, ему подчинялись Жиганское, Нижневилюйское, Сиктяхское, Оленекское зимовья; Верхоянское в составе Верхоянского, Устьянского зимовий, Зашиверского острога и Среднеколымское, ведавшее Нижне-Колымским, Среднеколымским и Верхнеколымским, а также Алазейским зимовьями. Как мы увидим ниже, такое разделение просуществовало недолго, до 1783 г., и в результате новых преобразований два последних комиссарства были объединены в составе Зашиверского уезда. В северных комиссарствах также было представлено этническое многообразие: якуты, русские старожилы, эвенки, эвены, юкагиры.

Итак, в Жиганском уезде было 11 якутских волостей Жиганского и Усть-Вилюйского зимовий: 1-я Хатыгинская (199), 2-я Хатыгинская (151), Кангаласская (135), Бетюнская (206), 3-я Хатыгинская (172), Хохуйская (153), Бажегажинская (82), Батулинская (69), Тумацкая (81), Хатыминская (107, по-видимому, также Хатыгинская), 2-я Батулинская (91) (всего 1446, в среднем на волость – по 131,4 ревизской души).

Тунгусы названных зимовий представлены в трех родах: Ежановском (87), Купском (87), Бетильском (189), всего 363, или на одну волость приходилось по 121 ревизской душе.

Русские крестьяне и мещане числились в Усть-Оленском и Усть-Янском зимовьях (43 ревизских души). Всего в уезде числилось 1852 ревизских души. Это был самый маленький по численности населения уезд.

В объединенном Зашиверском уезде, самом большом, было еще большее этническое разнообразие и дробность в административно-территориальном делении. Например, Елгецкая (54), Елгинская (38), Бандуйская (52), Юрюгейская (67) якутские волости считались приписанными к г. Зашиверску. Они отличались своими маленькими размерами по численности населения (по 52,7 ревизской души на один род) и были сопоставимы с тунгусскими и ламутскими родами.

Следующие 20 якутских волостей Верхоянского зимовья – Юсальская (92), 2-я Юсальская (40), 3-я Юсальская (37), Егинская (20), Усальская (236), Куринская (65), 4-я Юсальская (143), отделенная от 4-й Юсальской к князьку Выборовскому (86), Юсальская или Жусальская (83), Борогонская (38), Кангалайская (84), Бандужская (130), Метюнская (26), Байдунская (123), отделенная от Бадунской (71), Батагайская (164), Егинская (134), отделенная от Егинской (92), Батулинская (38), Удюгейская (35) – должны соответствовать будущим Эльгетскому и Верхоянскому улусам. Общая численность этих подразделений равнялась 1737 ревизских душ. В среднем они также были малы – 86,8 ревизской души приходилось на одну волость.

Усть-Янского зимовья якуты четырех волостей: Тумацкой (52), Батулинской (44), Нагоцкой (134), 2-й Батулинской (28), которые в какой-то момент объединились в Усть-Янский улус, якуты трех Среднеколымских острожков: Верхнего (157), Среднего (314), Нижнего (24), Алазейского зимовья (232), а также «переведенные из Анадырска Нижнеколымска «в Чуванском и Ходынском родах» (38), зарегистрированные в этот период, очевидно, в скором времени будут объединены в Среднеколымский улус. Их численность (1023 ревизских души) здесь подсчитана

вместе. В среднем на одну волость приходилось 113,6 ревизской души.

Юкагирские роды, подчинявшиеся в то время зашиверскому комиссару, в административном отношении были отнесены к г. Зашиверску: Юкагирский (22), Каменный (33), другие числились как «Среднековымских двух острожков»: Верхнего (57) и Нижнего (220), Устьянского зимовья Омолонского (97) и Алазейского зимовья (27). Всего их числилось 456 ревизских душ, по 76 в среднем в каждом роду.

Ламуты общей численностью 695 ревизских душ были распределены между Устьянским зимовьем в Ламутском роде (60), при г. Зашиверске: в Буякарском (32), 1-м (82) и 2-м (40) Кункугурских, Каменном (129), Тюгесирском (24), Жалжанском (31) родах, а также в Среднеколымском верхнем острожке (212) и в Верхоянском зимовье в Тюгесирском роде (85). В среднем на каждый ламутский род приходилось по 77,2 ревизской души. Обратим внимание не только на относительную малочисленность как якутских, так и юкагирских и ламутских родов, но и на неопределенность в их наименованиях. Некоторые из них отсутствуют и заменены припиской тех или иных групп этих народов к ясачным зимовьям. Поскольку эта «прописка» изживала себя ввиду отмены института ясачных сборщиков, шел процесс установления более четкой номенклатуры волостей и родов.

Русские были разбросаны в г. Зашиверске: 109 душ мещан, 88 душ государственных крестьян (из них отнесенных к купечеству – 23), в Усть-Янском и трех «Ковымских» зимовьях – 41 душа государственных крестьян. В Алазейском зимовье было только 9 крестьян, в Среднеколымских Среднем и Нижнем острожках и Алазейском зимовье – 82 ссыльнопоселенца. Всего в уезде было 320 ревизских душ русских. Все они управлялись зашиверскими властями. Ввиду их малочисленности в этот период у них не было волостного управления, только в Зашиверске благодаря признанию его городом имелась соответствующая городскому самоуправлению властная организация. Во всех прочих местах было прямое подчинение комиссарам.

Если в Якутском, Алданском и Олекминском уездах русское население было организовано в волости, то в северных, несмо-

тря на проживание русских старожилов, например, оленских или русскоустыинских, в сельской местности, их приписывали к уездным городам. Всего ревизских душ русского населения по данным V ревизии (1795 г.) насчитывалось 1,4 тыс. чел., из которых крестьян было 0,8 тыс. чел.⁵⁵

Напомним также, что в этот период временно охотское побережье и Камчатка находились в подчинении Якутской провинции⁵⁶.

Таким образом, в этой провинции было три воеводы: один провинциальный и двое ниже рангом, шесть комиссаров. В отличие от предыдущего периода, когда все делопроизводство было сосредоточено в воеводской канцелярии, теперь на местах, на уровне комиссарств появляется штат канцеляристов.

Первый областной период

В 1783–1796 гг. Якутская провинция стала также называться Якутской областью с прежним подчинением Иркутску, ставшему наместничеством. Изменения были связаны с тем, что перевод целого ряда полномочий центральных органов власти в регионы, в наместничества привел к развитию местных структур административно-территориальной власти. В составе Иркутского наместничества было выделено четыре области: собственно Иркутская, Нерчинская, Якутская, Охотская области, а те в свою очередь были разделены на 17 уездов⁵⁷. Территориальная организация Якутии несколько изменилась. Киренское воеводство и Илимское комиссарство были выведены из подчинения Якутску и переданы непосредственно Иркутску. В области остались Якутский, Олекминский, Оленский, Жиганский, Зашиверский уезды. Последний объединил Верхоянское и Среднеколымское комиссарства.

Глава Якутской области тем не менее теперь стал называться комендантом, по-видимому, с не меньшими, чем у провинциального воеводы, полномочиями. «При устройстве Иркутского наместничества в образе учреждениями нашими предписанном,

⁵⁵ Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. С. 90, 102; Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810. С. 289-354.

⁵⁶ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 617. Л. 1.

⁵⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 21. № 15.675. С. 873; Там же. Т. 44. Книга штатов. № 15.737. С. 268.

мы, уважая на положение сей отдаленной губернии и состояния обитателей, для пользы её повелеваем: 1. В Нерчинской области обер-коменданту, а в Якутской и Охотской комендантам, в областных городах полагаемым, сверх обыкновенных их должностей, иметь наблюдение за всеми присутственными местами, в тех областях учрежденными, и вообще за тишиною и благоустройством в земле», – говорится в указе Екатерины II от 6 марта 1783 г. «Об устройстве Иркутского наместничества»⁵⁸.

Обратим внимание на тот факт, что точной даты образования улусов за пределами Центральной Якутии нет. По-видимому, они стали появляться гораздо позже, чем это представлялось ранее⁵⁹. Как видно из приведенных материалов, группировки якутских волостей в Оленском (Верхневилуйском), Жиганском, Олекминском, Зашиверском уездах ведутся все еще по острожкам и зимовьям, где управляли комиссары. По-прежнему основные административно-территориальные единицы якутов называются волостями и родами. Такая номинация в некоторых случаях применялась и в Якутском уезде, но выделенные здесь еще в 1720-х гг. пять улусов сохранились.

Постепенно область стала делиться на пять уездов с земскими исправниками во главе: Якутский, Олекминский, Оленский (Вилуйский), Жиганский, Зашиверский. Якутский уезд охватил под своей юрисдикцией земли в центральной части Якутии: два улуса левобережья, бывшее Алданское воеводство, а также Удский округ. Два последующих уезда сохранились в прежних границах соответственно двух одноименных бывших комиссарств. Три прежних северных комиссарства были укрупнены в два уезда.

Усложнились аппарат и штат управления. Вместо якутской воеводской канцелярии был образован целый ряд предусмотренных областной реформой 1775 г. органов власти: Верхняя и Нижние расправы, выделилось казначейство. Суд стал сословным и многоступенчатым, возникли Нижний земский суд, уездный суд. Причем в Верхней расправе работали не только дворян-

---

⁵⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 21. № 15.680. С. 875.

⁵⁹ По данным Ф.Г. Сафронова, это могло случиться уже в 1770-х гг. См.: Сафронов Ф.Г. Якуты... С. 31.

ские, но и сельские (от якутов) заседатели⁶⁰. Обратим внимание, что среди сельских заседателей, например, Якутской Верхней расправы появились представители якутского населения. Например, в 1786 г. упоминаются заседатели 2-го Департамента Якутской верхней расправы князцы Бегунской волости Батурусского улуса Леберия Баигин и Нерюктейской волости Кангаласского улуса Петр Старостин⁶¹. Были заседатели из числа якутских князцов из других улусов и волостей. Особо известен также заседатель той же Расправы (1793–1796 гг.) мальжегарский князец Кангаласского улуса Илья Шадрин, заслуживший благодарность от начальства⁶². Таким образом, усиливалась связь управляемых территорий с региональными административными центрами. Город Якутск получил своего городничего, и с этого времени формируется городское управление. Таким образом, на Якутию были распространены реформы, проводившиеся правительством Екатерины II.

Переходный период

12 декабря 1796 г. по указу императора Павла I Иркутское наместничество было упразднено и заменено губернаторством⁶³. В течение последующих семи лет Якутия перестала существовать как самостоятельная административно-территориальная единица. Должность коменданта была упразднена. В Якутске остался городничий, правда, со своим штатом, а вместо исправников вновь вернулись комиссары⁶⁴. Из 15 уездов, на которые разделялась Иркутская губерния, пять сохранились на территории края. Якутский уезд включал в себя территорию на левом берегу р. Лены от излучины р. Вилюя, бассейн рр. Лунгха, Сиинэ (Синей) и Марха, далее на юг граница уезда шла по р. Туолба, правому притоку р. Лены, захватывая верховья р. Алдан и далее по Становому хребту до впадения р. Уды на юго-востоке, по р. Маймакан, бассейн р. Юдомы, верховья р. Восточной Хандыги, по р. Томпо до впадения её в р. Алдан и по левому берегу р.

⁶⁰ Левенталь Л.Г. Подати... С. 256, 264-265.

⁶¹ НА РС (Я). Ф. 178-и. Оп. 1. Д. 59. Л. 11-12 об.

⁶² РГИА.Ф. 468. Оп. 43. Д. 571.

⁶³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 24. № 17.634. С. 229.

⁶⁴ Там же. Т. 44. Ч. 2. Табл. VI. С. 259-263.

Алдана до её впадения в р. Лену⁶⁵. Это по-прежнему был самый крупный уезд (округ). По сравнению с предыдущим административно-территориальным размежеванием он сохранил те же границы. Чего не скажешь об Олекминском и Вилюйском уездах. Граница между первым из них и Якутским уездом осталась прежней. Северная же граница его теперь пролегла по р. Вилюй до её верховьев. На западе и юге пределы уезда остались прежними. Топография северных Жиганского и Зашиверского уездов осталась прежней. Граница между ними пролегла от устья Алдана до слияния притоков р. Яны Бурулаха и Адычи по верховьям притока р. Индигирки Бёрёлёх по тундренной зоне Приполярья до побережья Ледовитого океана. Граница между Жиганским и Вилюйским уездами проходила от р. Тюнг, левого притока р. Вилюй до среднего течения р. Оленек и далее по её водоразделу с р. Леной.

Сокращение штатов оставило без содержания много местных чиновников. Понижение общего административного статуса территории сказалось на благосостоянии якутского чиновничества, о чем писали якутские чиновники И. Эверс и С. Горновский в своем плане переустройства управления в Якутском крае, составленном в 1798 г.⁶⁶ Они просили вернуть прежний областной статус.

Здесь также немалую роль сыграл первый областной начальник И. Кардашевский, служивший в то время несколько лет вилюйским комиссаром. Знакомый с положением дел изнутри и имея опыт управления на местах, он оказал большую помощь своей поездкой в столицу. Информация, представленная им, показала местную специфику, требовавшую организации в Якутске самостоятельного областного управления. Прежде всего это было обусловлено важным значением региона в обеспечении Дальнего Востока через Иркутский и Охотский тракты.

В именном указе тобольскому и иркутскому генерал-губернатору Селифонтову 11 августа 1803 г. говорилось: «Прежде, нежели будет устроен в Якутске образ управления для успешнейшего надзора за казенными в той стране подрядами, заготовлениями и перевозками, так как и для исправления разных в том краю дел,

⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 741. Л. 89.

⁶⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 908. Л. 40-79.

вы имеете избрать и определить туда из достойнейших чиновников начальника, снабдив его по силе данной вам инструкции соразмерным доверию и нужде степенем власти разрешаться и разрешать подчиненных ему людей в обстоятельствах, не терпящих времени. Жалованье ему назначить от 600 до 1000 рублей и на канцелярские расходы до 200 рублей»⁶⁷. Помимо этого было еще неясно с внутренней административно-территориальной организацией края. Если в отношении центральной, западной и юго-западной его частей было более-менее ясно, то на севере и на востоке дело обстояло сложнее. Может, поэтому в 1803 г. количество комиссарств было вновь увеличено. Их стало семь: Амгинское, Верхневилуйское, Олекминское, Удское, Жиганское, Зашиверское, Среднеколымское.

Областной период

Через два года на основании полученных сведений и их анализа согласно указа от 22 апреля 1805 г. было решено: «По великому пространству, разделяющему Якутский край от главного губернского начальства, дабы доставить обывателям сего края более удобства как в суде и расправе, так и в других отношениях их к начальству, учредить в городе Якутске особенное гражданское правление под именем Якутского областного правления, которое соединять в себе имеет часть полицейскую, судную и казенную. Правлению сему подчинен будет Якутский край с его комиссарствами»⁶⁸. Это был возврат к уже ранее возникшей системе провинциального (областного) управления 1775–1796 гг., но на новых основаниях. Прежнее управление называлось Нижним земским судом, что было не совсем точно в отношении его реальных властных полномочий.

В этот период формируются улусные инородные управы вокруг улусных голов (улусных предводителей) Центральной Якутии, должности которых были учреждены де-факто после выборов депутата Софрона Сыранова в 1767–1768 гг. С 1800 г. в малых улусах улусному голове было придано по одному, а в больших – по два помощника (выборных). Кроме того, в слу-

⁶⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 27. № 20.890. С. 826.

⁶⁸ Там же. Т. 28. № 21.726. С. 1002.

чае отлучки головы оставляли вместо себя поверенных из числа старшин или «лучших» родников. Хотя созданные таким образом управы продолжали находиться прямо в юртах улусных голов⁶⁹, но это уже постоянно действующие органы управления.

Основной административно-территориальной единицей у якутов, которыми управляли инородные управы, становятся наслеги. О происхождении последних много написано в якутской историографии⁷⁰. Если до конца XVIII в. как наслег, так и улус вошли в практику административно-территориального устройства Якутии лишь частично, то в начале следующего столетия они распространяются повсеместно.

В 1805 г. с образованием Якутского областного правления вновь повысился административный статус местного областного управления. Теперь во главе его был поставлен областной начальник. Он председательствовал в областном правлении.

Тем не менее более обширные и малозаселенные территории, а также обслуживание отдаленных участков Охотского и Колымского трактов заставляли задуматься. Несмотря на значительные расстояния, успехи в налаживании коммуникаций между Жиганским, Зашиверским и Среднеколымским, схожесть в этнической карте и образе жизни и хозяйстве местного населения позволили выбрать наиболее сбалансированный вариант. 18 июня 1804 г. г. Зашиверск, впрочем, как и другие три центра комиссарств Олекминск, Оленкск и Жиганск как уездные города, учрежденные в 1784 г., был упразднен⁷¹, утратив свое важное транспортное положение. В 1808 г. там осталось не более 130 чел.⁷² Выгодность расположения Верхоянского зимовья стала ощутима, и это позволило произвести новое административно-территориальное размежевание на севере формировавшейся области. Вместо трех административных единиц удалось организовать две. Развитие Охотского тракта и разведывание аянского направления заставили пересмотреть статус Удского комиссарства. Одновременно южнее шло освоение Приамурья и Приморья.

⁶⁹ Левенталь Л.Г. Подати... С. 263.

⁷⁰ Левенталь Л.Г. Подати... С. 251; Башарин Г.П. Указ соч.; Сафронов Ф.Г. Якуты... С. 48-52 и др.

⁷¹ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

⁷² Окладников А.П. Древний Зашиверск: древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. С. 71-72.

Наконец, вновь было решено количество комиссарств сократить с семи до пяти. Из Жиганска, Удского острога и Амгинской слободы комиссары были переведены в Якутский земский суд «в помощь земского исправника с переименованием в заседатели»⁷³.

Виллойское, Олекминское, Среднеколымское комиссарства сохранились в прежних границах. Было образовано Верхоянское комиссарство на месте Жиганского и части Зашиверского. В составе Якутского округа, по-видимому, некоторое значение сохраняли Амгинское и Удское комиссарства. Может, поэтому в 1806 г. в Амгинской слободе уже проживало 443 чел.⁷⁴, что было сопоставимо с численностью населения городов Виллойск, Верхоянск, Олекминск. «Комиссарства же те как Жиганское разделены в заведывании Оленского и Зашиверского комиссарств, в удском управлении станичный старшина, а Амгинское присоединены к Якутской округе под управление Земского суда»⁷⁵. На севере Якутии, по некоторым данным, проживало всего 850 русских⁷⁶.

Население области стремительно росло. Если к концу предыдущего столетия оно, по-видимому, превысило 100 тыс. чел., то в 1816 г. приблизилось к отметке 150 тыс. чел. Например, число инородческого населения равнялось 71 554 ревизским душам⁷⁷. Все это требовало принимать меры к еще более эффективной административно-территориальной организации управления. Кроме того, до сих пор неясным оставалось подчинение территорий, лежавших на Дальнем Востоке. Так, на карте 1807 г. г. Охотск вновь показан в составе Якутской области. На крайнем северо-востоке находилась Нижне-Камчатская область⁷⁸, которая имела свое отдельное управление.

К 1810-м гг. уже четко видны границы и внутренний состав Верхоянского округа⁷⁹ из четырех улусов: Верхоянского, состо-

⁷³ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 35. Л. 5об.

⁷⁴ Калашников А.А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. / Сост. А.А. Калашников. Якутск, 2000. С. 127.

⁷⁵ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 35. Л. 5об.

⁷⁶ Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966.

⁷⁷ Минницкий М.И. Описание Якутской области // Журнал МВД. 1830. Кн. VI. С. 154.

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 742. Л. 29.

⁷⁹ Так теперь стало называться бывшее Зашиверское комиссарство. См.: НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 35. Л. 5об.-6.

явшего из 15 якутских наслегов и одного ламутского Тюгяси́рско-го рода, Усть-Янского улуса из четырех наслегов, Эльгетско-го улуса из восьми якутских наслегов и одного ламутского рода, Жиганского улуса из восьми якутских наслегов и двух тунгусских родов⁸⁰. За истекшее после провинциального периода время количество якутских административно-территориальных единиц волостей-наслегов практически не изменилось, произошло лишь размежевание их между двумя образованными на рубеже веков улусами.

В Среднеколымском, превратившемся в Колымский округ, возник один одноименный улус из 11 якутских наслегов. Впервые в этот период стали известны в исторических документах их названия: пять Мятюжских, два Байдунских, два Кангаласских, Борогонский и Эгинский⁸¹. Как видно, они в основном повторяют и перекликаются с названиями волостей Верхоянского, Усть-Янского и Эльгетского улусов.

Также в округе было 13 юкагирских (ранее было шесть), восемь ламутских (то же количество, что и прежде) и один тунгусский род⁸².

Согласно указу «Учреждение для управления сибирских губерний» от 22 июня 1822 г.⁸³, вся Сибирь территориально была разделена на Западную и Восточную с центрами, соответственно, в г. Тобольске и г. Иркутске. В этих городах были созданы Главные управления Западной и Восточной Сибири. Принципы организации управления Якутской областью были изложены в главе II «Управление Якутской области» части II «Учреждения» под названием «Особенное образование управления»⁸⁴. В особом параграфе было дано объяснение этого особенного управления:

«§321. Особенное образование управления прилагается к тем частям Восточной и Западной Сибири, кои, по малому их населению и по роду обывателей, не могут составить губерний, а по обширности их и удалению, одного окружного управления было

⁸⁰ Сафронов Ф.Г. Якуты... С. 44-46.

⁸¹ Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 47.

⁸² Там же.

⁸³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29.125. С. 345-394.

⁸⁴ Там же. Т. 38. Там же. С. 374-375 .

бы для них недостаточно; таковы суть: Область Омская, Область Якутская, Приморские управления: Охотское и Камчатское, и Троицко-Савское пограничное управление»⁸⁵.

Хотя в §322 и записано: «Образование сих управлений, не составляя особенного степени, есть токмо приложение губернского или окружного управления сообразно местному положению»⁸⁶, тем не менее со временем оно все более выделялось из установленных рамок, медленно эволюционируя в сторону губернской формы.

В 1822 г. Якутское областное правление по своему составу еще более приблизилось к форме губернского правления. Оно состояло из областного начальника, одного старшего советника и двух советников, канцелярии (одного секретаря, четырех столоначальников, четырех помощников, одного журналиста, двух переводчиков), архива (архивариуса, писца), медицинской части (областного инспектора, лекаря, двух учеников, землемерской части (областного землемера, младшего землемера), вакантных на тот момент должностей областного стряпчего и чиновников для особых поручений⁸⁷. Правление стало более разветвленным, с охватом более широких полномочий, которые делегировались ему от губернского управления. Что касается управления на местах, то оно стало более стройным, наконец обретя большую устойчивость ввиду лучшей «оцентровки» административно-территориальных единиц управления.

В «Табели разделения Сибири», содержащейся в «Учреждении», в Области Якутской значились округа: 1. Якутская. 2. Олекминская. 3. Вилюйская. 4. Верхне-Янская. 5. Средне-Колымская⁸⁸. Якутская округа в целом сохранилась в прежних границах времен комиссарства. Несколько изменилась лишь её северо-восточная граница. Теперь она от бассейна р. Юдомы доходила до верховьев р. Охоты и затем стала охватывать часть территории бывших северных комиссарств, в частности, бассейн р. Оймякон до впадения её в р. Индигирку. Далее шла гораздо севернее верховьев р. Хандыги до верховьев р. От-Юрях, притока

⁸⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29.125. С. 370.

⁸⁶ Там же. С. 370.

⁸⁷ Там же. Т. 44. Табл. VI. С. 52-53.

⁸⁸ Там же. С. 392.

р. Лены, и упиралась в правый берег последней почти напротив впадения в неё р. Виллой. Границы Олекминской округи также изменились. Вновь правобережье р. Виллой перешло под управление виллойских властей. Что касается сунтарских тепер уже наслегов, то новая граница пролегла через земли, находившиеся в то время во владении князя Ючекана Бугдюкова. Между двумя северными округами граница была проведена по линии водораздела притоков р. Индигирки Оймякон и Улахан Тарын Уулаах по верховьям р. Ожогина, левого притока р. Колыма и далее по р. Алазея до впадения её в Северный Ледовитый океан. Город Жиганск, бывший центр Жиганского комиссарства, вместе со своей территорией оказался в составе Виллойской округи. Граница между последней и Верхо-Янской округой пролегла от устья р. Виллой по Верхоянскому хребту по верховьям р. Хара-Уулаах, впадающей в Северный Ледовитый океан⁸⁹. Эти границы оказались, очевидно, удачными, потому что просуществовали фактически более столетия.

На местах стали формироваться волостные и окружные управления: «§ 390. Управление Якутской области в двух низших степенях, то есть: в волостном и окружном учреждается на точном основании правил в общем образовании постановленных»⁹⁰. Такие принципы были распространены на русское население, но поскольку подавляющее большинство населения составляли инородцы, административно-территориальное деление районов, где они расселялись, регулировалось «Уставом об управлении инородцев» 1822 г.⁹¹, «законами, обрядами и обычаями якутов»⁹².

При этом их штаты стали зависеть от их людности. Все округа были разделены на четыре категории: округа, в которых полагалось иметь общее и частное окружное управления (полиция, суд, казначейство), округа, в которых предусматривалось только частное окружное управление, округа с «особенными отделениями», представленными «отделенными заседателями», наконец, округа, имевшие одних исправников.

⁸⁹ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 743. Л. 63-64.

⁹⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29.125. С. 374.

⁹¹ Там же. 126. С. 39-416.

⁹² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1-54.

В Якутской области ко второй категории был отнесена только Якутская округа, а остальные четыре округа по своей малочисленности считались по четвертой категории⁹³. Низшие инородческие административные единицы – роды управлялись старшинами, наслеги, имевшие территориальные границы – родовыми управлениями и старостами (наследными князьями), наконец, улусы – головами и инородными управами. Все эти ступени местного инородческого управления зависели в административном управлении от окружных властей. Лишь улусные головы имели право (дарованное русскими властями с незапамятных времен) сносятся с областными властями, вплоть до областного начальника и выше.

По данным М. Минницкого, «уезд города Якутска простирается примерно более нежели на 20000 верст; оный еще не измерен во всем его пространстве. Общее число жителей в уезде 50.561 муж. и 50.000 женского пола; в том числе дворян поместных 1, личных 2, духовенства белого 77, крестьян казенных 468, якутов 47.186, тунгусов 2.758»⁹⁴. Из числа крестьян около 120 ревизских душ числилось в Амгинской деревне, остальные – на почтовых станциях.

Якутское население в округе распределялось по семи административным улусам, эвенки были объединены в двадцать родов, русские – в Амгинской волости и на станциях Якутско-Иркутского тракта⁹⁵:

Таблица 2. Якутский округ

Мегинский улус	Кангалаский улус	Намский улус	Дюпюнский улус	Борогонский улус	Батурусский улус	Баяганайский улус	Тунгусы 20 родов	Амгинская волость	Волость 12 ленских станций
13652	25787	12404	5412	7519	24359	6249	4156	?	199 ⁹⁶

⁹³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1-54. С. 352-353, 393-394.

⁹⁴ Минницкий М. Указ. соч. С. 155.

⁹⁵ Здесь и далее приводятся данные из кн.: Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. 2-е изд. В 2 томах. Т. 1. М., 2003. С. 169-173, 456-462.

⁹⁶ Ревизских душ.

В Мегинском улусе по сравнению с периодом существования Якутской провинции и первой Якутской области в 1775-1796 гг. теперь числилось 13 наслегов (бывших волостей и родов) вместо 15. В этом списке не оказалось одной Мойрудской и Бахсинской волостей. По данным Ф.Г. Сафронова, «исчезли Тулагинский, один Мельжахсинский и два Мегинских наслега» и появился новый – Долдинский наслег⁹⁷. Но если обратиться к материалам, приведенным нами ранее, то ни о каких подобных переменах говорить не приходится.

В Кангаласском улусе общее количество наслегов осталась тем же (28), но многие названия их (12) не совпадают с прежним перечнем волостей. Остались неизменными два из трех Хоринских, Жерский, Немюгинский, один Нахарский, Нерюктейский, Хаптагайский, оба Жемконских, Сатинский (ошибочно поименованный Соттинским), пять Мальжегарских, Качикатский наслеги. Один Хоринский, восемь «Кангалейских», один Нахарский, Сатычинский, один Нерюктейский из раннего перечня соответствуют Кильдемскому, Багарадскому, Хаяхсытскому, Октемскому, Малтанскому, Эргисскому, Мытахскому, Одуинскому, Орсюдскому, Догдогинскому, Харанскому и Тыллыминскому наслегам. Их идентификация – задача будущих исследований.

Намский улус, ранее состоявший из 13 волостей, теперь в своем составе имел 15 наслегов. Названия семи прежних волостей сохранились в названии десяти наслегов: двух Едейских, Атамайского, Бетюнского, Хатырыкского, Кобеконского, двух Модутских и двух Быжагажинских (Баяназейских). Шесть Намских волостей стали Хомустахским, Морчукинским, Хамагаттинским, Кусаган-Ыалским, Хатын-Аринским наслегами. В данном случае стоит та же задача, что и с кангаласскими наслегами, но несколько облегчаемая фактом меньшего разнообразия сопоставляемых этнонимов.

За прошедшее время в Якутском округе (бывшем уезде) добавился новый улус – Дюпсинский, образованный в 1815 г. путем выделения из состава Борогонского улуса⁹⁸. В него вошли

⁹⁷ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. С. 18.

⁹⁸ Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 16, 61-62 со ссылкой на кн.: Березкин И.Г. По следам

по меньшей мере семь бывших волостей Борогонского улуса: четыре Оспецких, Чириктейская, Онерская, Батагайская. Всего в этом улусе на тот момент было восемь наслегов. Кроме названных упоминаются Тюляхский и Тебиковский наслеги, возможно, такие названия получили два из упомянутых Оспецких наслегов.

Борогонский улус состоял из двенадцати наслегов, которые восходят к прежним двум Содуцким (Соттинским), восьми Борогонским и Олтецкой волостям из состава улуса, разделенного в 1815 г. Если первые и последняя волости находят аналогии с этим составом наслегов, то остальные также предстоит сопоставить с Оюн-Усовским, Легейским, Хоронским (видимо, Хоринским), Сабарайским, Борогоно-Сынгахским, Сасылыкканским, Бэртусовским и Курбусахским наслегами.

В Батурусском улусе осталось 26 наслегов. Из ранее известных 27 волостей 21 сходны по названию с 21 наслегами. Пока невозможно сопоставить названия одной Игидейской, отделенной от 1-й Скороумской, 4-й Балагурской, Иминской волостей, а также Хатырского рода и «отделенного от него рода» из раннего списка батурусских волостей с упоминаемыми в наследном списке подразделениями. По логике вещей с ними можно лишь гипотетически сопоставить Алданский, I Хадарский, II Хадарский и Кугдинский наслеги из включенных в наследный список. В этот период по какой-то причине Бахсинский наслег (волость) попал также в этот список, хотя ранее он входил в Мегинский улус.

Хотя список из семи наслегов Баягантайского улуса количественно сопоставим с семью волостями прежней Баягантайской волости, далеко не все их названия совпадают. Так, находят аналогии три Баягантайских волости и Кангалайская (Кангаласская). Что касается других, то одна из Игидейских волостей бывшего Батурусского улуса могла перейти в состав Баягантайского улуса под названием Игидейского наслега. Об этом свидетельствует территориальная близость двух улусов. Числившаяся в улусе «Оспецкая волость Верхоянского зимовья» могла перейти под управление улусов Верхоянского округа. Две из Баяган-

---

наших предков и современников. Якутск, 1981. С. 142-143.

тайских волостей раннего списка, по-видимому, стали соответственно, Сасыльским и Оймеконским наслегами в наследном списке этого улуса.

В Якутском округе в провинциальный период было девять тунгусских родов Майского зимовья. В период образования Якутской области в первой четверти XIX в. они назывались алдано-майскими, и их осталось семь. Вместо шести Эжанских родов стало числиться три Эсэских (Эсэских), из двух Купских остался только один. Сохранился также Мекагирский род. Кюрбюгдинский и Бутальский роды, по-видимому, соответствуют двум прежним Эжанским родам. Три тунгусских рода Удского острога сопоставимы с поздними удскими Лалагирским, Эсэским и Аникарским родами. Перестал упоминаться 4-й Анганский род, но зато среди удских зафиксирован Жерский род, состоявший из якутов Якутского округа.

Если ранее некоторые из перечисленных родов подчинялись комиссарам Удского острога, то теперь вновь созданному окружному управлению приходилось управлять ими непосредственно. Остальные десять родов приписывались к якутским улусам: три Бельдетских, Баягирский, Шологонский, Нюрмагатский. Никагирский (два последних, возможно, назывались ранее Нинаганскими родами) – к Кангаласскому (ранее числившийся здесь Барагатский род, по-видимому, перешел под управление Вилуйского округа), Мэмэльский, Годниканский (в прежнем списке его не было) – к Баягантайскому и Тюгэсирский ламутский – к Борогонскому.

На такой значительной территории с довольно большим населением было образовано Якутское окружное частное управление в составе: окружного суда (судьи, двух заседателей – окружного казначея и мещанского старосты), земского суда (исправника, письмоводителя), окружного казенного управления (казначея, четверых присяжных счетчиков)⁹⁹. Поскольку в округе в сельской местности проживало хоть и немногочисленное русское население, здесь было создано волостное правление в составе волостного главы, старосты и писаря. Оно подчинялось непосредственно окружному зем-

⁹⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29.125. С. 354-355; Там же. Т. 44. Табл. VI. С. 52-53.

скому суду¹⁰⁰. Как видно на таблице, в округе было две крестьянских волости со своим предусмотренным законом волостным управлением. Кроме общества амгинских крестьян, по-видимому, на рубеже столетий формируется волость ленских крестьян, живших на станциях, которые были организованы начиная с 1770-х гг.

В остальных четырех округах управление в то время ограничивалось исправником и писарем. Второй по величине Вилюйский округ также преимущественно был населен якутами:

Таблица 3. Вилюйский округ

Средневилюйский улус	Верхневилюйский улус	Мархинский улус	Сунтарский улус	Тунгусы 8 родов
6247	6974	10583	14548	3920

На рубеже веков возникли три якутских улуса в Вилюйском (бывшем Оленском) округе: Верхневилюйский, Средневилюйский, Сунтарский. В 1824 г. раздел первого привел к появлению четвертого – Мархинского улуса¹⁰¹. Средневилюйский улус объединил 13 наслегов, которые восходили к одноименным волостям Оленского округа провинциального периода, за исключением Кокуйского (бывшая Хохуйская волость), который перешел сюда из Жиганского уезда.

Верхневилюйский улус был образован в составе семи наслегов: Чачуйского, I Едюгейского, II Едюгейского, Батулинского, Орготского, Меитского, Намского, хотя он был создан на основе волостей Верховилюйского зимовья, но которых, напомним, насчитывалось 14 единиц. Все семь упомянутых наслегов были зафиксированы среди последних. Остальные семь волостей, по-видимому, образовали Мархинский улус, но в нем насчитывалось только шесть наслегов. Из этих наслегов почти все со-

¹⁰⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29.125. С. 354-355; Там же. Т. 44. Табл. VI. С. 358.

¹⁰¹ Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 33, 38.

впадают по названию с названными выше волостями, разве что здесь нет 3-й Жарханской волости.

Наслеги (бывшие волости) названного четвертым Сунтарского улуса в предыдущий период входили в состав Олекминского уезда. Их было восемь, наслегов же данного улуса зафиксировано девять. По названиям только восемь бывших волостей совпадают с названиями восьми наслегов. Девятым же числился III Жарханский наслег. С таким названием волости не было и в том списке якутских волостей Верхневиллойского зимовья Олекминского уезда, поэтому возникает предположение, что можно сопоставить его с 3-й Жарханской волостью бывшего Оленского уезда. Таким образом, следует вывод о переходе этой волости в состав Сунтарского улуса. Это случилось в промежуток между 1796 и 1805 гг. Наши предшественники зафиксировали прибавление этой волости в 1805-1821 гг.¹⁰²

Числившиеся в округе тунгусы были объединены в восемь родов и были приписаны к якутским улусам: Жакутский, Бетюнский, Бэтильский, Кельтятский – к Средневиллойскому, Хатыгинский – к Верхневиллойскому, Шологонский и Углятский – к Мархинскому, Барагатский – к Сунтарскому. Из них ранее Бэтильский, Бетюнский и Хатыгинский управлялись жиганскими комиссарами, причем последние числились как якутские волости. Барагатский род находился под управлением олекминских властей. Такие перемены связаны были с изменением границ округов, а также с кочевым образом жизни тунгусов.

В 1827 г. в Виллойском округе рассеянно жило 112 душ русских крестьян¹⁰³. Они при этом не составляли никакого административного образования и были приписаны к городу Виллойску, т. е. были подчинены виллойскому исправнику.

Таблица 4. Олекминский округ

Олекминский улус	Тунгусы четырех родов	Волости олекминских крестьян Олекминской и Амгинской деревень	16 станций Олекминского участка Якутско-Иркутского тракта
------------------	-----------------------	---	---

¹⁰² Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 33.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5213. Л. 5об.

7889	942	283 ¹⁰⁴	152 ¹⁰⁵
------	-----	--------------------	--------------------

Здесь во вновь образованном якутском Олекминском улусе было отмечено пять наслегов, которые полностью совпадают с пятью волостями г. Олекминска бывшего Олекминского уезда. Те же тунгусские роды за исключением Барагатского рода теперь подчинялись администрации Олекминского округа.

Русское население за вычетом Витимской волости, отошедшей под управление властей Иркутской губернии, и части почтовых станций Якутско-Иркутского тракта, располагавшихся в верховьях реки Лены, также подчинялось олекминским властям, как и прежде, также имея свои волостные органы самоуправления.

Таблица 5. Верхоянский округ

Жиганский улус	Усть-Янский улус	Верхоянский улус	Эльгетский улус	9 эвенских родов	Два юкагирских рода	Русские старожилы низовой рр. Яны и Индигирки
1936	793	4762	1330	1075	366	?

Под управлением инородной управы Жиганского улуса находилось семь наслегов, все наименования которых сопоставимы с семью волостями «ясашных якутов Жиганского и Усть-Виллойского зимовий» провинциального периода. Бетюнская, Хатыгинская волости, Хохуйская, как мы уже писали, отошла под управление виллойского исправника. Предположим также, что бывшая Бажегажинская волость была присоединена к Намскому улусу, ведь там стало два подразделения с таким названием. Обратим внимание на перемену в названии трех Хатылинских наслегов, которые несколько десятилетий назад считались Хатыгинскими.

В перечне названий наслегов (волостей) Усть-Янского улуса почти не произошло перемен по сравнению со списком якутских волостей Усть-Янского зимовья, единственно, одна из Батулин-

¹⁰⁴ Ревизских душ.

¹⁰⁵ Ревизских душ.

ских волостей стала называться предположительно Едюгейским наслегом.

Заметные изменения произошли в территориально-административном управлении бывших якутских волостей г. Зашиверска и Верхоянского зимовья. Они были разделены между двумя улусами: Верхоянским с 15 наслегами и Эльгетским с восемью наслегами. Основу последнего составили четыре волости, приписанные к упраздненному г. Зашиверску, которые находят параллели с Едюгейским (Юрьюгейская волость, хотя в ведении Верхоянского зимовья также была Удюгейская волость), Байдунским, Эльгетским, двумя Эгинскими (Елгинская) наслегами. Батагайский и два Юсальских наслега, по-видимому, в прошлом находились в ведении Верхоянского зимовья. Остальные 17 бывших волостей этого зимовья по своим названиям сходны с наименованиями 15 наслегов Верхоянского зимовья. Обратим, кроме того, внимание на тот факт, что помимо этнонимов «Юсальский», «Эгинский» и «Байдунский», которые встречаются неоднократно в названии наслегов обоих улусов, такова же ситуация с наслежными названиями «Батагайский» и «Эльгетский». Более того, в перечне наслегов Среднеколымского улуса из Колымского улуса также будут встречаться и этнонимы «Байдунский», «Эгинский», а также «Борогонский», «Кангаласский». Это свидетельствует о трудностях, с которыми встретились власти при установлении административно-территориальных границ в двух северных округах¹⁰⁶.

Купский и Эсэский ламутские роды были приписаны к Жиганскому улусу, Буякигирский, два Тюгэсирских ламутских, Омолонский, Кунгурский юкагирские роды – к Устьянскому улусу, Тюгэсирский, Матютский, Киндигирский ламутские роды – к Верхоянскому улусу, Желженский ламутский род – к Эльгетскому улусу. В целом, все эти родовые группы упоминаются в названиях прежних родов, за исключением Каменного рода ламутов, который был приписан к г. Зашиверску.

Проживавшие здесь русские старожилы считались мещанами Верхоянска и подчинялись в административном отно-

¹⁰⁶ Более подробно см.: Старостина М.И. Личности Эльгетского улуса (генеалогическое исследование). Пермь, 1999.

шении верхоянским городским властям. И это несмотря на то, что они могли проживать за сотни километров от окружного центра.

Таблица 6. Колымский округ

Среднеколымский улус	19 родов эвенов и юкагиров	Русские старожилы Колымы и Алазеи ¹⁰⁷
2445	2244	325

В Среднеколымском улусе было образовано 11 якутских наслегов: пять Мятюжских, Борогонский, два кангаласских, два Байдуновских и Эгинский. Считается, что все они восходят к 11 волостям, известным еще с Первой ясачной комиссии¹⁰⁸. Тем не менее в провинциальный период управление этими волостями находилось в трех колымских острожках.

Среди 19 родов «бродячих» инородцев в предыдущий период упоминались лишь Омомонский, Кунгурский и Каменный роды, остальные представлены лишь в числе ясакоплательщиков колымских острожков и Алазейского зимовья.

Выводы

Рассмотренный довольно значительный отрезок исторического времени продолжительностью около полстолетия, как показывают приведенные материалы, был важнейшим в истории административно-территориального развития Якутии. Произошло оформление территории, которая в целом почти не изменилась до наших дней. Определелись главные административные центры (уезды – округа), которые также до сих пор не утратили своего значения. Оформилась «география» власти, которая приняла областную форму. В ходе изучения темы выделено четыре периода: провинциальный (1775–1783 гг.), первый областной (1783–1796 гг.), переходный (1796–1805 гг.), областной (с 1805 г.).

¹⁰⁷ Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. СПб., 1841. С.

¹⁰⁸ Более подробно также см.: Старостина М.И. Колымские якуты в середине XVIII – начале XX вв. (по материалам генеалогий). Якутск, 2009.

В провинциальный период с упразднением прежней воеводской системы управления с ясачными сборщиками на местах появляется провинциальная канцелярия (Нижний земский суд), от которой обособляются судебные органы власти (Верхняя и Нижняя расправы). На местах взамен по большей части временных административных центров – острожков и зимовий – устанавливаются постоянно действующие комиссарства со своей небольшой канцелярией, как правило, во вновь учрежденных уездных городах. Хотя внутренняя структура административно-территориального управления еще не вполне определилась: на территории Якутии существовало два воеводства, 6–7 комиссарств. Подчиненная им территория называлась также уездами. Устанавливается стабильная иерархия власти над улусной системой иноверческого/инородческого населения, которая именно в последней четверти XVIII в. начала утверждаться повсеместно. Незначительное русское население также в этот период было организовано в сельской местности по крестьянским волостям, а в городах – под непосредственное управление комиссаров, позднее – исправников.

В последующий период, когда была образована так называемая Первая Якутская область, власть сосредоточивается в Якутском нижнем земском суде. Внутреннее устройство области приобретает большую стройность. Вместо уездов постепенно утверждается пятичленная окружная структура. Власти колеблются лишь в определении окружных центров. В иноверческих волостях большой вес приобретают улусные головы, сельские заседатели областных и окружных судебных органов власти.

С 1796 по 1805 гг. в результате перемен, введенных Павлом I, Якутия лишается статуса области, а вместе с этим и всей внутренней административно-территориальной структуры. Вместо полновластного коменданта остается заурядный городничий, вместо разветвленной системы сословных и выборных органов исполнительной и судебной власти управление ограничивается пятью разобщенными уездами, перешедшими в подчинение иркутского губернатора. Это время тяжело отразилось на положении служилого населения и местного чиновничества.

В поисках оптимальной формы местного управления в Якутии важную роль сыграла последняя четверть XVIII в., когда в результате серии преобразований в структуре органов управления, административно-территориального устройства, а главное – в формировании новой вертикали власти выбор остановился на областном формате организации власти.

В 1805–1822 гг. окончательно закреплено деление на пять округов, сложилась стабильная структура улусов и наслегов, распределенных между ними (Приложение 4). Оформился аппарат областного правления и самое главное – окружного управления. Хотя в целом эти структуры носили усеченный характер по сравнению с общероссийскими принципами, но по своим функциям они не уступали общепринятым и охватывали под своей юрисдикцией огромные территории. Важно, что такая система действовала почти столетие. Подобный временной период свидетельствует о высокой степени эффективности проведенных преобразований.

1.2. Формирование системы управления городами Якутии (XVIII – начало XIX вв.)

Одно из центральных мест в исследовательском пространстве региональной истории занимает проблема возникновения и усовершенствования системы управления острожками и зимовьями, которые в процессе административных изменений превратились в города. Городские поселения Якутии, возникшие в ходе преобразования имперской системы управления периферии в XVIII в., имели как общие черты управления с российскими городами, так и специфические особенности, что дает возможность выделения их в качестве предмета отдельного исследования. Основание первых острожков и зимовий, переносы и их номинация, преобразование зимовья до статуса города, символика, городская, хотя и малочисленная общность, наличие в составе населения слоя представителей власти, в то же время не до конца оформленный состав сословных различий, отдаленность и суровые условия выживания – далеко не полный перечень вопросов, требующих разрешения. Следует подчеркнуть, что система управления северными городами, включая областной центр Якутск, где органы самоуправления находились на общих принципах городского управления страны, входила в орбиту государственной политики, учитывавшей особенности социально-экономических отношений как в метрополии, так и в далекой провинции.

Исследовательская разработка посвящена уникальному явлению в истории российского городоведения, а именно существованию в Якутии особой сети населенных пунктов, носящих статус «малолюдных городов», в которых учреждались государственные органы по управлению обширными территориями, состоящие в основном из чиновников среднего и низшего звена. В дальнейшем исследовательском поиске первостепенное

значение будут иметь следующие проблемы: город как административный центр округа, государственное управление городом, городское самоуправление.

Город Якутск

С конца 20-х гг. XVII в. в среднее течение реки Лены наряду с русскими промышленными людьми стали проникать первые казачьи отряды, которые, налагая соболиный ясак на представителей местного населения, в удобных местах, главным образом на берегу рек, стали основывать зимовья и острожки. С присоединением Ленского края к Московскому государству Якутский острог, основанный в 1632 г., прочно вошел в число российских населенных пунктов. Известно, что Якутский острог, поставленный енисейским стрелецким сотником П.И. Бекетовым, находился на правом берегу реки Лены, на территории современного Второго Хомустахского наслега Намского улуса, что примерно в 70 км от города Якутска. Историки и краеведы, занимающиеся социально-экономической историей Якутии XVII в., к вопросу о номинации первого русского острога относятся, по нашему мнению, несколько рассеянно. Одни считают, что острог, поставленный П. Бекетовым, носил название «Ленский острог», другие – «Якутский», дата основания которого принята советской и российской историографией временем присоединения обширной территории северо-востока Азии к России¹⁰⁹. Расхождения историков по данному вопросу дают повод тем, кто, в общем-то, не обращая внимания на первоисточники и историографию XVII в., пытается сделать ревизию давно установленных фактов и утверждать, что Якутск возник в 1643 г., когда воевода П.П. Головин построил новую крепость на левом берегу реки Лены в долине Туймаада. Правобережные остроги, носившие иное название, по их мнению, не могут быть отнесены к начальной истории Якутского острога¹¹⁰.

Для разрешения запутанного вопроса следовало бы обратиться к историографии и архивным документам XVII в., рас-

¹⁰⁹ Петров П.П. К вопросу об историографии датировки вхождения Якутии в состав Российского государства // Якутия – форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII – XX вв.). Якутск, 2004. С. 81.

¹¹⁰ Эверстов А.И. Племена Кюн Айбы. Вторая книга. Якутск, 1998. С. 3–5.

крывающим обстоятельства и события основания Якутского острога. Историк С.В. Бахрушин в статье «Исторические судьбы Якутии», опубликованной в 1927 г., однозначно пишет только о «Якутске». Другой известный советский ученый, С.А. Токарев, в книге «Очерки истории якутского народа», изданной в 1940 г., утверждает, что «Бекетову удалось, построив Якутский острог в 1632/33 гг., покорить и объяснить якутские племена». Лишь позднее, в очерках «Якутия в XVII в.» С.В. Бахрушин острог Бекетова назвал «Ленским»¹¹¹. Представитель якутских историков О.В. Ионова указала, что в 1638 г. с установлением Якутского воеводства «Ленский острог становится его центром», и что Якутским назван позднее¹¹². С этого времени у местных историков стало превалировать мнение о том, что острог Бекетова имел название «Ленский».

Профессор Ф.Г. Сафронов, специально занимавшийся историей города Якутска, в своих книгах утверждал, что острог, поставленный Бекетовым, вначале был назван Ленским, и только со строительством нового острога на левом берегу Лены в долине Туймаада острог стал называться Якутским¹¹³. Старейший исследователь истории Якутии XVII в. В.Н. Иванов в одной из своих статей, посвященной факту основания Бекетовым первого острога, тоже пишет как о Ленском остроге¹¹⁴. В средствах массовой информации Республики Саха (Якутия), особенно в последние годы, на основании разночтений учеными источников появляются статьи, рассказывающие, что правобережный Ленский острог – это другой острог, не имеющий ничего общего с современным Якутском. Поэтому дату основания Якутска следует передвинуть на 1643 г. Чтобы закончить бесплодную дискуссию среди историков и краеведов, следует обратиться к источникам, касающимся времени основания первого острога и его переносов, связанных с разрушительными наводнениями. Эти документы в основном опубликованы в разных изданиях.

¹¹¹ Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Якутия / Сб. статей под ред. П.В. Виттенбурга. Л., 1927. С. 276; Токарев С.А. Очерки истории якутского народа. М., 1940. С. 44; Якутия в XVII в. С. 55.

¹¹² Ионова О.В. Город Якутск. Якутск, 1950. С. 8.

¹¹³ Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVIII–XIX веках. Якутск, 1957. С. 10.

¹¹⁴ Якутск: история, культура, фольклор. Якутск, 2007. С. 55.

Основанный П.И. Бекетовым острог первоначально не имел точно установленного и официально принятого названия. В одном документе, заполненном стрелецким сотником, указано, что он поставил «на Лене реке острог», в другом – «острог в Якуцкой земле»¹¹⁵. Очевидно, стрелецкий сотник понимал, что поскольку острог, поставленный им «на Лене реке», является «государевым», то порядок присвоения новому острогу названия относится к прерогативе царя или московских органов власти в лице Сибирского приказа.

Затем новый приказчик острога атаман И. Галкин после случившегося весной 1634 г. наводнения под благовидным предлогом перенес строения острога, по его мнению, на более высокое и удобное место. Ф.Г. Сафронов считал, что новый острог был поставлен в 15 верстах выше от старого бекетовского острога¹¹⁶. С этого времени галкинский острог стал носить название «новый Ленский острог». Во всяком случае, в заполненной Галкиным «Книге ясачного сбора за 1634/35 гг.» острог проходит под названием «в новом Ленском острожке». В нашем понимании, название «Ленский острог» плавно перешло от названия другого острога, срубленного «на Лене реке на Усть-Куты реки под острожком», который поставил вновь атаман Иван Галкин «с товарыщы» в 1633 г. и который тоже носил название «Ленский новый острожек»¹¹⁷. Надо полагать, что атаман И. Галкин весной 1634 г. разобрал укрепление основанного им острожка на верхней Лене и по высокой воде доставил на предполагаемое место переноса бекетовского острога. Поэтому второй острог, поставленный им вместо старого, механически назван «новым Ленским острожком». Вполне возможно, атаман И.А. Галкин своими действиями по переносу и переименованию острога хотел обрести звание основателя нового русского населенного пункта на северо-востоке Азии.

Основанию Бекетовым нового острога на «Ленской землице» было придано большое значение выдачей особой печати. Описание первой печати Якутского острога, сделанное через три года

¹¹⁵ Материалы по истории Якутии XVII в. М., 1970. Ч. 3. С. 1070, 1085, 1094.

¹¹⁶ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 140; Материалы по истории. Ч. 1. С. 1, 2; Ч. 3. С. 1067, 1068, 1069.

¹¹⁷ Материалы по истории. Ч. 1. С. 1, 2; Ч. 3. С. 1067, 1068, 1069.

после основания, включено в «Росписи государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Руси сибирским печатем какова в которых городах и острогах и в которой печати что вырезано и подписано. В лето 1635 году», помещенной в «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова. Для нас важно описание печати острога: «На якуцкой бабр в роте несет соболя, высподе горы и трава, а около вырезано: «Печать государева земли Сибирские Якуцкого острогу»¹¹⁸. Получилось так, что на основании отписки П.И. Бекетова 1632 г. об основании первого острога на якутской земле московские власти приняли решение присвоить название «Якуцкий». Однако в Якутии служилые люди в ясачных книгах 30-х годов XVII в. острог Галкина неизменно писали как «новый Ленский острожек» или «Ленский острожек». Таким образом, этот острог носил двойное название: в правительственных бумагах как «Якуцкой острог», в якутских ясачных книгах, в большинстве случаев заполненных атаманом И. Галкиным, как «Ленский острожек».

Затем в 1638 г. вышел указ о создании самостоятельной административной единицы – Якутского уезда с центром в Якутском остроге. С приездом воеводы П.П. Головина в 1641 г. вопрос о двойном названии острога был решен окончательно и бесповоротно. Еще до переезда на левый берег р. Лены Головин подписывал документы с указанием названия Якутского острога.

Как видно, период с 1632 по 1634 гг. бекетовский острог носил название «Якутский», а с 1634 по 1641 гг. галкинский острог носил двойное название. Поэтому на основании вышеизложенного предлагается этот период времени острог обозначить названием «Якутский (Ленский) острог», поскольку прерогатива номинации нового населенного пункта принадлежала московским властям, которые уже на заре его основания приняли решение наименовать «Якутским». Вместе с тем, учитывая сведения источников XVII в., в которых острог проходит под названием «Ленский», можно его заключить в скобки.

Первые воеводы вновь образованного в 1638 г. Якутского уезда П. Головин и М. Глебов получили в Москве новую «государеву печать». Профессор В.Н. Иванов приводит описание этой

¹¹⁸ Петров П.П. Исторические гербы Якутской области // Официальные символы Республики Саха (Якутия). Якутск, 2006. С. 56.

печати: «Государева печать серебряная, вырезано на ней орел поймал соболя, а около орла вырезано: печать государева новые Сибирские земли, что на великой реке Лене»¹¹⁹. Это наиболее раннее описание печати с орлом. Очевидно, «государева печать» выполняла также роль острожной печати, поскольку Якутский острог как резиденция воевод и центр обширного уезда должен был иметь свою печать. Прежнюю печать с «якутским бабром», вероятно, передали Якутской таможене, которой опечатывали ценную мягкую рухлядь, отправляемую в Москву. Затем в связи с переносом Якутской таможни в Иркутск ее таможенная печать постепенно приобрела статус его городской печати. Об этом может подтвердить один факт. Воеводе князю И. Волконскому в 1671 г. была выдана печать Якутского острога: «...резан на ней орел, поймал соболя, около орла вырезано: «печать государева новые Сибирские земли, что на великой реке Лене». Вместе с тем ему было указано, что «государеву печать» держать в ящике и «печатать тою государевою печатью отписки к Великому государю и в города к воеводам, и ясачную, и всякую государеву мягкую рухлядь». В Якутск Волконский привез еще одну печать – «таможенную», с таким описанием: «Государева особая печать, вырезан на ней барс, поймал соболя, а около печати вырезано: «печать Государева Сибирского государства, великой реки Лены таможенный»¹²⁰.

Статус города Якутска был официально подтвержден в 1708 г. при включении его в «Роспись городов Сибирской губернии», куда в качестве составной ее части вошел Якутский уезд. С этого времени прекращается наименование его как острога. Воеводы, обладавшие всей полнотой власти на всей территории Якутского уезда, управляли острогом, несли персональную ответственность за обеспечение его безопасности, занимались выделением селитебной территории, строительством казенных и храмовых сооружений, поддерживали порядок и спокойствие в остроге, совершали надзор за действиями подчиненных и требовали их отчета и многое другое. Служилое, торговое и промысловое население Якутского острога по всем

¹¹⁹ Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства (XVII век). Якутск, 2002. С. 59.

¹²⁰ Акты исторические. Т. VI. СПб., 1842. С. 247, 443.

вопросам, требующим вмешательства воеводы, обязано было безотлагательно обратиться к нему.

После строительства воеводой И. Приклонским новой рубленой крепости в 1682–1684 гг., проходившей в некоторых документах под названием «город», исследователи нередко путают ее с городом в полном смысле слова, приравнивая ее к населенному пункту. Причем этот рубленый город находился внутри тынового острога, сооруженного воеводой М. Кровковым, и в нем, кроме воеводской канцелярии, «жилицкие избы» посадского, торгового и казачьего населения не значились. Тем не менее при воеводе П.П. Зиновьеве в исходящих распорядительных документах с 1688 г. стали писать «Якутцкой город»¹²¹.

В 1719 г. возникла Иркутская провинциальная канцелярия, которой в административном отношении подчинялся Якутский уезд. Тем не менее во главе Якутска стояли прежние воеводы. Во второй половине XVIII в. последовало принятие нескольких законодательных актов, возведших в статус городов ряд зимовий и учредивших в Якутии новые города. В связи с преобразованием Иркутской провинции в губернию Якутский уезд механически превратился в часть этой губернии. Затем после разделения Иркутской губернии на провинции в 1775 г. Якутск был объявлен центром провинции, во главе которой был поставлен воевода с провинциальной канцелярией в Якутске. Но в 1783 г. вышел именной указ «О составлении Иркутской губернии из четырех областей», согласно которому возникла Якутская область с центром в Якутске. Во главе Якутской области стали назначать вместо воевод, должность которых упразднили повсеместно, комендантов. В 1796 г. должность коменданта тоже была упразднена. Якутией и ее центром управляли городничие¹²². Правительство путем издания новых законов нащупывало наиболее устойчивую структуру государственных органов и пыталось внести некоторые элементы городского самоуправления, отделив их от местных провинциальных и губернских властей. Первые изменения последовали в результате принятия закона «Учреждения

¹²¹ Материалы ... Ч. 3. С. 973.

¹²² ПСЗ. Собр. 1. Т. 20. С. 21, 23, 33–42; Там же. Т. 21. С. 873, 923; Там же. Т. 22. С. 18; Там же. Т. 24. С. 229, 508; Там же. Т. 27. С. 825, 856; Там же. Т. 28. С. 1002.

для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г., который, впрочем, как и все последующие законы, учитывая отдаленность, вводился на местах после прошествия ряда лет.

В результате многократных административных преобразований, проходивших в сфере управления губерниями и областями, происходило изменение структуры управления сибирскими городами. В системе управления городами по указу 1775 г. в Сибири с 80-х гг. XVIII в. создавались органы по административному и судебному надзору. Губернские магистраты были открыты, согласно штатным расписаниям, в Тобольске, Иркутске и Колывани, а в Томске, Нерчинске, Якутске и Охотске создавались магистраты с более низкой компетенцией. Функции магистрата в основном заключались в проведении правительственной политики среди городского населения: магистрат наблюдал за выполнением указов вышестоящих властей по судебным и гражданским делам, контролировал органы сословного самоуправления, представлял интересы государственного фиска, следил за поступлением местных сборов с горожан, занимался учетом городского населения и т. д. По реформе 1775 г. Якутск как административный центр обширной провинции был преобразован в самостоятельную единицу. В сибирских городах вводились, как мы выше говорили, институты городничих со штатом, а там, где расквартировывались войска – коменданты. В 1782 г. штатное расписание предусматривало комендантов только в Колывани, Якутске и Охотске. На запрос иркутского губернского правления от 17 ноября 1787 г. о городских органах самоуправления из Якутска сообщали, что в «областном городе Якутске имеется оной Городовой магистрат»¹²³. В уездных городах Зашиверске и Жиганске также были учреждены магистраты, в мелких русских поселениях, например, в Усть-Оленске, существовали подведомственные им земские избы, возглавляемые старостами. В городах Оленске и Олекминске, наоборот, действовали ратуши. Органами городского самоуправления руководили городничие, которым по установленному порядку поступали распоряжения и предписания. В 1794 г. городничий Оленска Горохов занимался вопросами обеспечения «пособием командированному

¹²³ НА РС (Я). Ф. 177-и. Оп. 1. Д. 24. Л. 1; Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 56, 57.

для изыскания земляных куриозных произрастаний, редкостей, каменьев, равно окаменелостей» сыну боярскому А. Аргунову. Городничий Жиганска направил в командировку сержанта «Жиганской штатной команды» Пирожкова «по всей Жиганской округе, а особливо около рек и самого моря» с рекомендацией изыскать «куриозные произрастания и редкостей». Из скудного содержания редких архивных источников, относящихся к XVIII в., видно, что городничие были обязаны первым делом выполнить предписания вышестоящего начальства. Городничим, магистратам и ратушам вменялось «смотрение за благосостоянием» города. Если в крупных городах в помощь городничим определялись частные приставы, квартальные надзиратели и десятские по выбору из купеческого и мещанского сословий, то в городах с малочисленным населением вряд ли их набиралось. По данным «Ведомости списка купцов и посадских», в 1787 г. в городе Олекминске в 10 домах проживало всего 23 купца и мещанина с детьми, в Оленске в 17 домах – 57¹²⁴.

Одним из элементов городского самоуправления считался герб. Права российских городов на герб, в том числе и Якутской области, закрепила, так сказать, в обобщенном виде «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», опубликованная 21 апреля 1785 г. Она, более известная под названием «Жалованная грамота городам», предоставляла городам право самоуправления, строго ограниченное монархией, в нашем случае – под контролем губернатора. Среди городских привилегий имелся пункт, гласящий: «Городу иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городских делах»¹²⁵. «Обществу градскому» дозволялось применять печать с городским гербом.

Производством городских гербов занималась Герольдмейстерская контора, руководителем которой с 1771 г. был видный историк России М.М. Щербатов, проводивший политику составления гербов с учетом характерных особенностей города, его истории, хозяйства, традиций, природных условий. В императорскую Герольдию на ее запрос поступили ответы от адми-

¹²⁴ НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 119. Л. 3, 19, 33; Ф. 177-и. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

¹²⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 74.

нистраторов из Якутска, которые, по всей вероятности, передали описание изображения старинной печати Якутского острога, что было использовано художниками Герольдии в качестве основы герба. Поэтому в докладе Сената «О гербах Иркутского наместничества», представленном на высочайшее утверждение 26 октября 1790 г., говорилось: «Якутск и Олекминск гербы имеют старинные, донныне там употребляемые...». Таким образом, Якутск в числе сибирских городов получил герб как символ городского самоуправления, т. е. в нем выражались юридические права и привилегии, что предоставлялись горожанам. Этот герб качественно отличал Якутск от сельских поселений, подчеркивая, что он – полноправный член содружества российских городов. Герб Якутска: «В серебряном поле орел, держащий в когтях соболя. Сей герб старой», утвержден 26 октября 1790 г.¹²⁶ В основе этого герба лежит изображение печати Якутского острога, о котором мы выше говорили.

В 1805 г. произошло очередное изменение административного деления Иркутской губернии. В городе Якутске на основании именного указа было учреждено «особенное гражданское правление под именем Якутского областного правления», которое соединяло в себе полицейскую, финансовую и судебную власть. Затем согласно «Росписанию городов по их разрядам» 1822 г. Якутск был отнесен к группе средних городов Сибири. В областном городе Якутске хозяйственными и судебными делами мещан и купцов ведала ратуша, учрежденная еще до введения положений реформы 1822 г. Например, в 1818 г. по ее указу было определено место, отводимое под городское кладбище. В 1819 г. Якутская городская ратуша издала указ о вызове желающих «к занятию в кортом, состоящих в Гостином дворе лавок»¹²⁷. Она заменила, вероятно, по указу 1805 г. городской магистрат, носивший типично сословный характер.

В Якутской городской ратуше, по замыслу законодателей имеющей право ведать всесословными городскими вопросами, присутствовали городской судья (бургомистр), он же председатель торгового депутатского присутствия, и 2 заседателя (ратма-

¹²⁶ ПСЗ. Собр. 1. Книга чертежей и рисунков: Рисунки гербам городов. СПб., 1843. Л. 26, 27; ПСЗ. Собр. 1. Т.23. № 16913.

¹²⁷ Там же. Ф. 164-и. Оп. 1. Д. 111. Л. 5; Д. 130. Л. 2, 3.

ны). Вплоть до июля 1852 г. в городской ратуше решались все коммерческие, уголовные и гражданские дела горожан. Торговые депутаты из купеческого сословия в составе 3 человек избирались якутским градским обществом на 3 года и утверждались областным начальством. Общественный староста, он же словесный судья, относил годичную службу. Кроме них, для составления «обывательских» книг и в квартирную (жилищную) комиссию избирались депутаты – один из купеческого, один из мещанского сословий. Каждый год определялись ревизоры для «обревизования» общественных сумм, состоящих в производстве у общественного старосты, в составе 3 человек: один из купцов местных, один из иногородних, торгующих в Якутске, один из мещанского сословия, на год – 2 присяжных ценовщика из мещан. Из них один относил обязанность аукциониста, а должность публичного маклера и нотариуса исправлял один из заседателей городской ратуши. Он же депутат и член при решении в окружном суде коммерческих дел, другой заседатель относил обязанность казначея. Таким образом, по административной реформе М.М. Сперанского (1822 г.) в областном городе Якутске, в отличие от окружных городов, складывается довольно сложный аппарат управления.

«Малолюдные города» Якутии

Преобразовательный процесс по управлению якутскими городами имел строго вертикальный характер. Правительство по изданным высочайшим указам спускало ведомственные распоряжения в виде указов в губернские управления об основании новых городов. Из всех этих распоряжений интерес вызывает доклад сената от 31 января 1776 г., по которому в тогдашнем Якутском уезде, составлявшем часть Иркутской губернии, поручено было учредить: один провинциальный город Якутск, а другой – воеводский, по Охотскому тракту на берегу реки Алдана в 70 км ниже впадения речки Белой. Эта воеводская канцелярия должна была называться по названию реки – Алданскою, с причислением к ней Удского острога. Кроме того, по указу велено было образовать 5 комиссарств: Верхневиллойское, Жиганское, Верхоянское, Среднеколымское и Олекминское. 13 марта 1777 г.

был утвержден герб города Алдан с описанием «в серебряном поле протекающая посредине щита голубая извитая полоса, показывающая самую ту реку, по которой сие правительство наименовано и учреждено»¹²⁸.

Но интересным является то, что еще до выхода указа об учреждении нового города 24 февраля 1772 г. в Якутскую воеводскую канцелярию из канцелярии иркутского губернатора поступило письмо с распоряжением «о дозволении тою канцеляриею на вновь изыскании и строении Алдана города месте по плану строение яко то магазейны, казармы и дома, по заготовлению тому строению лесу». Выполнение распоряжения вышестоящего органа власти по строительству города Алдана Якутской воеводской канцелярией было поручено прапорщику Пирожкову¹²⁹. Город Алдан, по соображению учредителей, предполагалось заложить по Охотскому тракту, на берегу реки Алдан «в расстоянии от Якуцка на 239 версте» как центра одноименного воеводства. В этом городе предполагалось учредить отдельную воеводскую канцелярию. В Якутии под нажимом иркутских чиновников собственно ее со всеми штатами организовали, а вот город ко времени составления топографического описания Якутской провинции 1792 г. не был полностью построен, хотя, по некоторым сведениям, имелись дом для офицерских покоев, казарма, четыре магазина и несколько хозяйственных построек. Канцелярия Алданского воеводства – управление несуществующего города, располагалась то в Амгинской слободе, то в областном городе Якутске¹³⁰. Упоминание Амгинской слободы говорит о том, что якутские власти, возможно, построили предназначенные для города Алдана сооружения в этой слободе.

Однако ни городу, ни воеводству не суждено было появиться в означенной в Алдане местности, вероятно, из-за затруднений и нерешенности проблемы финансовых средств, выделенных на строительство новых городских сооружений, включая «жилецкие избы», в которых селить было некого по причине отсутствия посадского и торгового населения. Власти заселение города Ал-

¹²⁸ ПСЗ. Собр. 1. Т. 20. № 14242; Там же. Т. 20. № 14598.

¹²⁹ НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 58. Л. 1, 2.

¹³⁰ Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск, 1988. С. 145, 167; Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке..., с. 26.

дана пытались решить путем переселения провинившихся каким-то образом людей. Зимой 1771 г. иркутский губернатор А. Бриль предлагал поселить «оказавшихся в преступлениях бывших сынов боярских Ивана Поротова, Конона Мухоплева, Дмитрия Атласова и казаков вновь строящемся Алданском городе и прочим местам»¹³¹. Тем не менее «пустопорожние места», отведенные под строительство жилых и казенных домов, никто занимать не спешил. Вопрос о строительстве города Алдана местные власти к 1784 г. постепенно свели на нет, хотя указ об его упразднении не был издан. Подведомственные Алданскому воеводству якутские улусы, остроги и зимовья перешли во вновь образованный Якутский уезд, впоследствии превратившийся в округ.

Не менее запутанной была история возникновения еще одного города, а именно Вилюйска, ставшего впоследствии центром обширного округа, который по численности населения и развитости уступал только центральному, Якутскому, округу. Из исторической литературы известно, что на реке Вилюй было заложено три зимовья. Б.О. Долгих приводит список зимовий с указанием года их основания: Вилюйское Нижнее (Усть-Вилюйское, 1636 г.), Вилюйское Среднее (1635 г.), Вилюйское Верхнее (1634 г.). Далее в своей книге он пишет: «Вилюйское Верхнее (или Верхневилюйское) ясачное зимовье восходит к ясачному зимовью в устье р. Туканки (совр. Тюкян), в котором в 1634–1635 г. собирали ясак мангазейские служилые люди. Здесь, на правом берегу Вилюя, Верхневилюйское ясачное зимовье оставалось в дальнейшем. Когда Верхневилюйск был перенесен на свое современное место, на 45 км вниз по Вилюю от устья р. Тюкян, нам неизвестно»¹³².

К сожалению, Б.О. Долгих, утверждая, что Верхневилюйское зимовье, поставленное мангазейскими казаками в 1634 г., находилось в устье р. Тюкян, свои выводы не подкрепил достоверным для нас источником. Его утверждения впоследствии, к сожалению, без должного анализа взяли на вооружение историки. Более того, Ф.Г. Сафронов, а затем Г.П. Башарин безоговорочно поддержали ошибочное заявление Б.О. Долгих о том, что

¹³¹ НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 45. Л. 12, 13.

¹³² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 470.

Верхневилуйское зимовье, восходящее к казачьему поселению в устье р. Тюкян, когда-то было перенесено на то место, где сейчас расположено село Верхневилуйск. При таком раскладе мнений Верхневилуйское зимовье как историческая основа становления и развития крупного населенного пункта в бассейне Вилюя действительно могло стать предшественником современного села Верхневилуйск. Но это не так. Новейшие исследования показали следующее.

Предшественником города Вилуйска является не зимовье, а острог. Якутским приказчиком И. Галкиным в 1634 г. на реку Вилую были отправлены служилый человек Посник Иванов «с товарищи» для ясачного сбора. Об этом событии в сборнике архивных документов «Материалы по истории Якутии XVII века» записано так: «Да в прошлом во 142 г. по государеву цареву великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу посыланы енисейские служилые люди Посничко Иванов, Оничко Микитин с товарищи 13 человек по их челобитью в новую землю вверх по Вилую реке на стороннюю реку Туню (совр. р. Тюнг. – П.П.) к новым и тунгусским у лутчего князца Гориулы сына иво Гориулева Килтноги. А государева ясаку новые прибыли под того аманата взяли они Посничко да Ничка с товарищи с того князца Гориула и с его роду 80 собoley с хвостами...»¹³³.

Достигнув устья р. Тюнг на крутом берегу, отряд Посника Иванова поставил в 1634 г. «острожец крепкой», в котором они зазимовали. В течение всей зимы им пришлось выдерживать осаду и отбиваться от приступов тунгусов, но в итоге добились подчинения Гориула (по нашему мнению, Хорула или Хороуола. – П.П.) и в Якутск принесли известие, что «та... сторонняя Туна река судовая, и по ней тунгусских людей сидит много и многих родов»¹³⁴. Этот острог впоследствии превратили в обычное зимовье с названием Верхневилуйское или Верховилуйское. Зимовья как один из типов временно обитаемых поселений известны в Сибири с XVII – XVIII вв. Они устраивались в местах промыслов звероловами или сборщиками ясака. Из таких зимовий выросли города Иркутск, Илимское, Олекминск и многие другие. Иногда это были простые избы, но в условиях Якутии ясачные

¹³³ Материалы по истории Якутии..., ч. 1. С. 19.

¹³⁴ Сб. «Якутия в XVII веке», с. 36.

зимовья чаще были укреплены и походили на небольшой острожек. В последнем случае для их устройства выбирались хорошо защищенные места: высокие обрывистые места рек, овраги, водоемы и др. В укрепленных зимовьях и острожках содержались аманаты (заложники. – *П.П.*), которых, естественно, пытались освободить их сородичи. Поэтому эти зимовья часто подвергались нападениям. Так, в 40-х гг. XVII в. было сожжено Средневилюйское зимовье, поставленное В. Шаховым.

До 1641 г. в бассейне реки Вилюя действовали отряды мангазейских, томских, енисейских, тобольских служилых людей, которые попеременно налагали на местное население непосильные поборы, что приводило к восстанию последних, в результате чего укрепленные зимовья и острожки горели дотла. Во второй половине XVII в. Верховилюйское зимовье было перенесено выше по реке Вилюй в сунтарские наслег, вернее, к землям мирных меитских якутов в местности Бутугас Арыылаах. Верхневилюйское зимовье этого времени было укрепленным, о чем свидетельствовала сохранившаяся от зимовья деревянная башня, остатки которой находили вплоть до 1925 г. Кроме того, в книге «Цветущее состояние Всероссийского государства» И.К. Кириллов на основании документов середины 20-х годов XVIII в. пишет: «...на той реке (Вилюй. – *П.П.*) в вершинах Верховилюйское зимовье, в котором одни избы, и приезжают в них на зиму приказчик с служилыми людьми с человеками з двадцатью для сбора ясачного и для перемены аманатов...»¹³⁵.

Второму переносу Верхневилюйского зимовья на свое историческое место способствовало строительство первого на Вилюе православного храма, а именно церкви во имя Николая Чудотворца. История его возведения связана с именем архиепископа Иркутского Иннокентия, который в начале 1740-х годов путешествовал по вилюйским улусам. 12 августа 1741 г. высокопреосвященный Иннокентий дал указ сыну боярскому Канаеву и отставному служилому человеку Луке Санникову о постройке в Верхневилюйском зимовье церкви во имя св. Николая Чудотворца, о чем он также просил разрешения св. Синода в письме

¹³⁵ Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 2. С. 95; Никифоров В.В. Солнце светит всем (Статьи, письма, произведения). Якутск, 2001. С. 306.

от 22 августа 1741 г. Церковь была заложена «ради многих новокрещенных из иноверцев» и освящена епископом в следующем году¹³⁶. Во исполнение его просьбы Верховилуйское зимовье из сунтарских наслегов было перенесено на то место, где раньше стоял острог П. Иванова-Губаря. Деятельность первого православного храма в бассейне реки Вилюя дала толчок к складыванию постоянного населения в Верхневилуйском зимовье, и во второй половине XVIII в. оно превращается в небольшое селение русских казаков, духовенства и чиновников.

В документе, датированном июлем 1764 г., сообщаются любопытные сведения: «В Средневилуйске острог огорожен стоячим полисадником старой ветхой мерою в длину 12, в ширину 10 сажень к северной и западной стороны ворота рубленные, над воротами анбар небольшой наподобие башенки, ...строения и изба ясашная рубленая, перед сеньми анбар ветхой, да при том три юрты, перед сеньми с анбарами да за палисадом одна юрта, при ней 2 анбара, да позади той юрты баня, все ветхие и к житию неспособны и запущены с давних лет и стоит пуст. От вышеписанного острогу верстах в 30 построено прежними комиссарами, где состоит ныне Средневилуйское зимовье, строение ясашных юрты с сеньми, при ней два анбара рубленых. Близ оной юрты анбар же, в котором кладется збираемая во оном зимовье ясашная мягкая рухлядь, да при ней 4 юрты, при них в анбаре, в которых жительство имеют приезжающие повсягдно за ясашным сбором комиссары с командою, а по отбытии ясашного зборушка бывают пустыи. ...В Верховилуйском церковь на имя святого Николая Чудотворца деревянный, небольшой анбар казенной, да дом приезжающих камиссаров, обывательских домов священного сана и протчих чинов 7»¹³⁷. Из содержания этого документа видно, что даже в середине XVIII в. Средневилуйское зимовье по числу построек немного превосходило Верхневилуйское. Последнему, стоящему на берегу судоходной части реки Вилюя, было отдано предпочтение строительством православной церкви, что дало возможность формированию постоянно проживающего населения. Так, в 1771 г. управитель

¹³⁶ Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. Иркутск, 1870. № 38. С. 467.

¹³⁷ Петров П.П. Город Вилюйск: события основания и переименования (к 370-летию основания) // Якутский архив. 2004. № 4. С. 18–26.

вилюйских зимовий И. Аргунов, резиденция которого находилась в Верхневилюйском зимовье, подал рапорт в Якутскую воеводскую канцелярию о выполнении их распоряжения по выдаче якутским князьям медных печатей.

В 1775 г. Верхневилюйское зимовье становится центром комиссарства. Постепенно зимовье выросло до уровня селения, и в нем находилось управление вилюйских зимовий, а с 1783 г. – управление Оленского уезда, которое было упразднено указом Павла I в 1798 г. В 1805 г. Верхневилюйское селение становится центром округа, а в 1822 г. получает статус города и переименовывается в Вилюйск. Следует сказать, что прилегающие к зимовью территории переходили в подчинение к данному населенному пункту и получали соответствующее название. Например, к Средневилюйскому зимовью относились роды Хохуйский, Теинский, Лючинский, Мукучинский, 1 Тагуйский, 2 Тагуйский, 3 Тагусский, 4 Тагуйский, Жемконский, Оргоцкий, Кырыкыйский, Кыргыдайский, Модутский; частью кочевых и бродячих инородцев: Жакутский, Бетонский, Бетильский, Кяльятский. В связи с образованием улусов в начале XIX в. они вошли в Средневилюйский улус. Вновь образованный в 1760-х гг. Верхневилюйский улус получил свое название от Верхневилюйского селения, которому административно подчинялись вилюйские улусы и наслега. Поэтому не следует утверждать, что Верхневилюйское зимовье находилось на территории современного Верхневилюйского улуса.

В доступном для читателя «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» о Вилюйске написано следующее: «Время основания Вилюйска мангазейскими казаками относится к первой половине XVII столетия. Первоначально он был известен под названием Верхневилюйского зимовья (волости), которое в 1775 г. при разделении Иркутской губернии на провинции и ведомства обращено было в комиссарство с причислением к Олекминскому острогу Якутской провинции; в 1805 г. образовано Вилюйское комиссарство. В 1822 г. Вилюйск назначен окружным городом Якутской области. От древнего города остался один деревянный столб около церковной ограды». Вероятно, речь идет об остатках острога, поставленного енисейскими казаками в 1634 г. под водительством П. Иванова-Губаря.

Несмотря на то, что в ведении Верхневилуйского комиссарства находилось второе по численности населения обширное пространство Якутии, в начале XIX в. иркутские чиновники чуть было не ликвидировали сложившуюся систему управления якутскими улусами из Верхневилуйского селения. 17 декабря 1808 г. иркутский гражданский губернатор И.Б. Пестель отправил указ, полученный в Якутске 23 января 1809 г. Этим указом губернатор распорядился прикомандировать амгинского и верховилуйского комиссаров в Якутский земский суд по причине того, что Якутский земский исправник много времени тратит на командировки в якутские улусы, а в земском суде остаются «люди безграмотные и дела никакого незнающие». На этом основании гражданский губернатор посчитал, что верховилуйский и амгинский «тамошние комиссары не имеют никакого почти занятия, а потому полагая, что оба сии Комиссара с большею пользою могут быть употреблены в Якутском Земском суде». Пестель приказал амгинскому и верховилуйскому комиссарам завершить все дела и с канцелярскими служителями и денежной казной «немедленно... поспешить в Якутск, отнюдь не проживая напрасно»¹³⁸.

Вместе с тем 26 апреля 1809 г. выходит другой указ, на этот раз – иркутского генерал-губернатора Н.И. Трескина. Он, принимая во внимание рапорт Якутского областного правления от 21 января 1809 г. и «находя изъясненные в оном затруднения, с коими сопряжено прикомандирование верховилуйского частного комиссара в Якутский земский суд, уважительными», приказал: «1-е, вместо верховилуйского комиссара прикомандировать в Якутской земский суд для исправления дел жиганского комиссара; 2-е, управление жиганским комиссарством по разделению Якутского областного правления поручить верховилуйскому и зашиверскому комиссарам»¹³⁹. На основании этого указа жиганский комиссар со всеми делами и штатом вынужден был переехать в Якутск (в данном случае в должности жиганского земского комиссара служил отец писателя А.Я. Уваровского. – П.П.), а город Жиганск переведен «в заштат» и превратился в обычное селение. По реформе М.М. Сперанского Вилюйск получил

¹³⁸ НА РС (Я). Ф. 7-и. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–3.

¹³⁹ Там же.

статус «малолюдного города», и в нем находилась резиденция исправника Вилуйского окружного полицейского управления, в ведении которого находилось управление городскими делами. На запрос канцелярии иркутского гражданского губернатора о зданиях, принадлежащих обществу, в 1839 г. был представлен такой ответ: «в Вилуйском управлении обществ городских и все не имеется, то и не в каких зданиях ратуши не известно»¹⁴⁰.

Не менее загадочной является история возникновения и упразднения города Оленска. 2 марта 1783 г. именным указом была образована Якутская область с уездами, одним из которых был Оленский. Этим же указом Оленск был возведен в разряд городов¹⁴¹. В деловых бумагах якутских бюрократов того времени он иногда пишется как «город Аленск», что, конечно, неправильно. В некоторых архивных документах название Верхневилуйского селения обозначается словом «город Оленск», вероятно, по нахождению в этом селении управления Оленским уездом. Например, название Оленск встречается в «Походном журнале» экспедиции сержанта Степана Попова в 1794 г., которому было приказано составить планы городов Якутска, Оленска, Олекминска и Жиганска¹⁴².

Местонахождение и даже существование этого города до недавнего времени оставалось невыясненным, что давало повод для возникновения различных версий и разногласий между историками, которые, начиная с конца XIX в., в итоге создали трудноразрешимую проблему определения местонахождения города Оленска.

Еще в конце XIX в. местонахождение города Оленска пытались определить исследователи. Публикация в 1889 г. «Посмертных записок Николая Васильевича Берга» в февральском томе «Русской старины» вызвала «легкую полемику» между теми, кто выказывал сомнение в существовании когда-либо подобного города в Якутии, и теми, кто им возражал. Н.В. Берг еще ранее опубликовал весьма любопытное воспоминание «Из записок ма-тушки моей о прежней Сибири». Оказалось, что его мать родилась в городе Оленске в семье чиновника Е.Ф. Ромадина, кото-

¹⁴⁰ НА РС (Я). Ф. 366-и. Оп. 1. Д. 131. Л. 27–28.

¹⁴¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 21, № 15675. С. 873.

¹⁴² НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 119. Л. 42.

рый, по ее словам, занявшись строительством первых срубных домов в этом населенном пункте, является основателем города Оленска, расположенного на речном берегу, заросшем лиственницей и кедром. Обыватели города занимались скотоводством, хлебопашеством, огородничеством, садили картофель и т. п. Вскоре в связи с упразднением города Оленска семья Ромадина переехала в Иркутскую губернию¹⁴³. Вполне понятно, что у читателя создавалось впечатление, что город Оленск находился на средней полосе Ленского края.

Наиболее была известна версия Ф.Г. Сафронова о расположении города Оленска на широкой поляне, где росла трава «өлөн», от названия которой будто бы и произошло видоизмененное слово номинации города. Он опирался на данные топонимики местности краеведов Г.Р. Кардашевского и М.С. Иванова, которые ввели его в заблуждение недостоверной информацией¹⁴⁴. Эта местность, ныне известная под названием «Остуорас анна», находится на территории современного Верхневилуйского улуса (района) и не имеет ничего общего с городом Оленском.

Некий Ф. Шперк, прослуживший чиновником в Якутском областном управлении в 1859–1860 гг., специально посвятил этому загадочному городу статью «Город Оленск». Изучив законодательные акты и статьи участвовавших в полемике авторов, он пришел к мнению, что город Оленск основан на берегу реки Оленек, впадающей в Ледовитый океан. При этом Шперк выразил удивление содержанием статьи Н.В. Берга, опубликовавшего воспоминания бабушки, в которых говорится, будто бы город Оленск расположен «на берегу реки Лена» (как потом выяснилось, в «Записке» допущена опечатка, речь идет о реке Вилюй. – П.П.). И здесь вполне резонно возникает вопрос, где же находился город Оленск: на берегу устья реки Оленек, на территории современного Верхневилуйского улуса или на том месте, где располагалось Верхневилуйское селение?

Автор статьи Шперк прав в одном: что город Оленск по высочайшему указу был основан не на территории Верхневилуйского улуса, а на берегу Ледовитого океана, вернее, на правом берегу устья реки Оленек. Он возник не на пустом месте. Еще в 30-х

¹⁴³ Русская старина. М., 1892. Т. 75, июль.

¹⁴⁴ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии..., с. 208.

годах XVIII в. в устье реки Оленек обнаруживается поселение русских зверопромышленников. Из Якутска туда добирались до устья р. Лена и далее морским путем, а зимой – на собачьих нартах. С учреждением города немногочисленное население сельского пункта было переведено в разряд мещан. Причем русское население, проживавшее в вилюйских улусах и закрепленное за Верхневилуйским зимовьем, также вынуждено было перейти в мещанское сословие. В 1787 г. в Верхневилуйском селении проживало 57 «посадских и купецких» лиц, вошедших в разряд ревизских душ, т. е. в этой переписи, по сложившейся традиции, были учтены только лица мужского пола¹⁴⁵.

В указе от 6 марта 1783 г. об устройстве Иркутского наместничества сказано: «В Якутской области состоят коменданту. По великой обширности уездов, для пособия земским исправникам в удобнейшем отправлении должности их, назначили мы в нижних земских судах всех четырех областей Иркутской губернии дворянских заседателей; а как там жительствоющих дворян нет, то и наполнять сии места со стороны правления дворянами других губерний; тоже, разумеется, и о заседателях дворянских совместного суда»¹⁴⁶. Из «Записок» Н.В. Берга видно, что по этому указу чиновник из Малороссии Е.Ф. Ромадин был направлен в Сибирь и с семьей, преодолев многоверстное расстояние, сумел переехать в город Оленск. Вполне понятно, что в такую даль, как побережье Ледовитого океана, никто из чиновников не собирался ехать. Путники выбрали Верхневилуйское селение и остановились там. Е.Ф. Ромадин с помощью сосланных участников восстания Пугачева и башкир построил срубные дома, которые приняли за постройки города Оленск.

Ф.Г. Сафронов в своих книгах «Русские крестьяне в Якутии» и «Русские на северо-востоке Азии» приводит 2 плана, названных им в первой книге «Планом города Оленска 1798 года», а во второй – «Планом Верхневилуйска 1798 года»¹⁴⁷. Это по сути дела план одного и того же населенного пункта. При ближайшем сравнительном рассмотрении всех обозначений двух

¹⁴⁵ НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–6.

¹⁴⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 21., № 15680.

¹⁴⁷ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии..., с. 207; Русские крестьяне в Якутии..., с. 97.

планов, совпадающих вплоть до мелочей, их идентичность не подлежит никакому сомнению. Оригинал плана, возможно, был составлен губернским землемером 9-го класса Турчаниновым, которому было поручено составление планов городов Якутии. В 1798 г. он успел составить планы городов Якутска, Верхневиллюйска и Зашиверска, впоследствии обнаруженные исследователями в архивах страны. В составленном Турчаниновым документе записано: «План Верхневиллюйскому селению, в котором помещено правление города Оленска. Сочинен 1798 года». Вероятно, в эти годы чиновник Е.Ф. Ромадин силами сосланных по делу восстания Пугачева уральских казаков и башкир построил срубные дома, четко обозначенные в «Плане Верхневиллюйского селения...».

Второй план, по всей видимости, представляет копию турчаниновского плана и снят иркутским губернским землемером, титулярным советником Федоровым. В этой копии была повторена запись с оригинала: «План Верхневиллюйскому селению, в котором помещено правление города Оленска. Сочинен 1798 года». Таким образом, становится понятным, что управление одним обширным регионом Якутии осуществлялось не из города Оленска, находящегося в устье реки Оленек, а из Верхневиллюйского селения. В нем находилась администрация по управлению Оленским комиссарством, куда входила и часть виллюйских улусов за исключением Сунтарских «осьми наслегов», которые были отнесены к Олекминскому комиссарству. На этих планах четко видно, что Верхневиллюйское селение было расположено на берегу протоки р. Виллюй. Юго-восточная окраина селения упирается в овраг. А к северу от селения, в отдалении, на берегу речки, впадающей в Виллюй, расположены кирпичные сараи и «обывательские строения». Среди других обозначений в плане выделяется церковь «во имя Николая Чудотворца». Сравнение местности и строений Верхневиллюйского зимовья, отраженных на этих двух планах, с современной топографией г. Виллюйска показывает, что Верхневиллюйское зимовье находилось на том самом месте, где ныне располагается центральная часть современного города Виллюйска. Таким образом, управление города Оленска, в котором служил земский заседатель Е.Ф. Ромадин, находилось в Верхне-

вилуйском селении, в котором также обитали служащие, управлявшие вилуйскими зимовьями. Поэтому Верхневилуйское зимовье с 1783 г. параллельно стали называть городом Оленском. К тому времени Оленск получает герб: «В нижней части в голубом поле серебряной олень, в знак того, что в округе его великое множество сих зверей», утвержденный в 1790 г.¹⁴⁸

В походном журнале сержанта Степана Попова от 1794 г., в частности, записано: «20 апреля отправились из города Оленска по тракту к Сунтару чрез селения наследных князцов и выехали того числа 50 верст до чачуйского князца Николая Томского»¹⁴⁹. Эта запись еще раз подтверждает тот факт, что управление города Оленска находилось в Верхневилуйском селении, а само селение в 1822 г. без каких-либо переносов, как обычно бывает, указным порядком переименовано в город Вилуйск.

Высшие власти, за исключением правителей Иркутского наместничества, по всей видимости, не знали фактического местонахождения чиновников по управлению городом Оленском, полагая, что этот населенный пункт находится на том месте, где и было намечено указом от 1783 г., т. е. в устье реки Оленек. В Иркутское управление наместничества от князцов вилуйских наслегов поступали жалобы на то, что в такую даль, как «в город Аленск с ясачной кладью ехать опасно и невмочь». На разных уровнях административной власти рассматривались несколько вариантов упразднения неудачно расположенного города. Одним из них было представление иркутского губернатора Л. Нагеля «об упразднении городов Оленска и Окланска (Камчатская область. – П.П.) с обращением штатных сумм на обмундирование казаков и воинской команды Иркутской губернии». 10 февраля 1798 г. он писал сенатору князю Куракину, что «более шести лет замечает излишний казне убыток, обитателям отягощение» из-за того, что «Якутской области город Оленск, которого по пустоте, где ему быть назначено присутственные места расположены в Вилуйском селении»¹⁵⁰. Указом императора Павла от 18 июня

¹⁴⁸ ПСЗ. Собр. 1. Книга чертежей и рисунков: Рисунки гербам городов. СПб., 1843. Л. 26, 27; Там же. Т. 23. № 16913.

¹⁴⁹ НА РС (Я). Ф. 1-и. Оп. 1. Д. 119. Л. 51; Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск, 1988. С. 228.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 1245. Л. 3.

1798 г. город Оленск был упразднен без ущерба для казны, поскольку уездное управление находилось в другом населенном пункте, а именно в Верхневиллюйском селении¹⁵¹.

Первое поселение русских в полярной зоне реки Лены возникло во время освоения ее нижнего течения. Основатель Якутского острога сотник П. Бекетов посылал казачьи отряды «для государева ясачного сбора на сторонные реки на Виллой и на Алдан, по Молоде реке, и в Ижиганы...». Так, 1 августа 1632 г. вниз по Лене отправился небольшой отряд казаков под водительством А. Архипова и Л. Яковлева. Приплыли «в Жиганскую землю, и в Жиганской земле поставили ясачное зимовье». Вероятно, это случилось глубокой осенью 1632 г., но точное местонахождение его неизвестно¹⁵². На следующий год казаки П. Иванов-Губарь и М. Стадухин, возможно, не заметив первое зимовье, спустились по реке дальше и на левом берегу недалеко от устья р. Муна поставили другое зимовье, которое – вероятно, из-за неудобного расположения – перенесено к устью р. Гулянки (в местном наречии Күүлээнки. – П.П.) «на красных песках», но когда именно, тоже неизвестно. Зимовье под названием «Жиганское» отмечено в чертеже С.У. Ремезева. Значит, оно «с красных песков» перенесено вверх по Лене к устью р. Стрекаловка еще до начала XVIII в. В 1675 г. в Жиганском ясачном зимовье, в котором, как писали современники, «зимою солнца не видно», было на службе 14 казаков «годовальщиков». Летописи 1764 г. сообщают, что «при Верховиллюйском и Жиганском зимовьях никакой крепости и ограждения не имеется»¹⁵³. В 1783 г. при образовании Иркутской губернии Жиганское зимовье превращено в уездный город. В 1798 г. в нем имелась деревянная Никольская церковь, казенные магазины, административные учреждения уезда, старинная часовня, 19 домов и 12 юрт горожан. Ревизских душ насчитывалось 79. Герб Жиганска с описанием: «В нижней части в голубом поле два осетра, в знак того, что около сего города жители промышляют ловлею рыбы» – утвержден в 1790 г.¹⁵⁴

¹⁵¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 25. № 18556.

¹⁵² Материалы по истории Якутии XVII века, с. 1083.

¹⁵³ АСПБ ФРАН. Ф. 3. Оп. 10 «а». Д. 199. Л. 241.

¹⁵⁴ ПСЗ. Собр. 1. Книга чертежей и рисунков: Рисунки гербам городов. СПб., 1843. Л. 26, 27.

Частые административные преобразования в XVIII в. отражались на изменениях границ комиссарств или уездов Якутской провинции. Они проводились в основном приблизительно, и чтобы избежать двойного взимания с якутского населения ясачного сбора, а также более точного определения границ округа иногда проводились работы по составлению планов уездов. Например, жиганский уездный землемер 14 класса Ефим Кожевин в 1795–1799 гг. составил важный документ под названием «План-карта Иркутской губернии Жиганского уезда окуратной мерою измеренным рекам Лены, Яны, Оленека с малыми ручьями и речками с показанием и части Северного Ледовитого моря, матерого берега с лежащими островами и всеми местонахождениями». В 1801 г. город Жиганск подвергся нападению «варнаков», беглых каторжан с Охотских солеварен. Каторжане убили нескольких сторожей, разграбили уездную казну, земские ясачные амбары, имущество горожан. В 1805 г. уезд и город Жиганск были упразднены. Оставшийся не у дел комиссар по распоряжению иркутского генерал-губернатора в 1809 г. был вынужден перебраться в Якутск. В «уничтоженном городе» Жиганске, по данным 1829 г., были церковь, 7 домов, в которых проживали 95 чел.¹⁵⁵

Первое русское зимовье на р. Яне было заложено И. Ребровым, но следы его не сохранились. Основание нынешнему Верхоянску было положено енисейским казаком Посником Ивановым-Губарем «с товарищи», которые зимой в 1638 г. на левом берегу р. Яны на лугу под названием Боронук заложили зимовье «с нагородней». Во второй половине XVII в. вокруг него был поставлен «косой острог». Из Якутска сюда посылались по 3–5 казаков «годовальщиков». К началу XVIII в. острог развалился, и на карте С.У. Ремезова поселение показано как зимовье без укреплений. В 30-х гг. XVIII в. около зимовья вместо острога был поставлен «заплот в столбах», который окружал ясачную и казачью избы, амбар и 3 юрты. В 1775 г. Верхоянское зимовье становится административным центром комиссарства и по предписанию – резиденцией комиссара в чине обер-офицера,

¹⁵⁵ НА РС (Я). Ф. 164-и. Оп. 1. Д. 383. Л. 238; Уваровский А.Я. Воспоминания. Якутск, 1993. С. 21.

в подчинении которого находились «подканцелярист и копист»¹⁵⁶.

В 1805 г. в составе Якутской провинции был образован Верхоянский уезд, и поселение стало официально именоваться его центром. К ведению Верхоянской администрации присоединили не только обширные территории упраздненного Зашиверского ведомства, но и Жиганского. Верхоянск входил в перечень поселений провинции, и в нем имелись церковь во имя Благовещения, казенное здание, несколько лавок и около 15 жилых домов. Вся основная масса числившихся по городу жителей и мещан проживала в Русском Устье на Индигирке. Земские заседатели города с помощью приданных казаков собирали ясак с 37 родов местных жителей, проживавших в обширном округе, славящемся «отменной добротой промышленного зверя... отличающихся от прочих и цену имеет немалую»¹⁵⁷.

Посетивший в мае 1808 г. Верхоянск путешественник М.М. Геденштром писал: «На левой стороне Яны находится ныне часовня, почтовое отделение и комиссарский дом. На правой же стороне, в версте от реки, на довольно просторном и мелкими перелесками пересекаемом поле, стоят три зимовья, из коих в одном живет купец Горохов»¹⁵⁸. Переносу администрации уезда с левой стороны реки Яны в правую способствовало строительство церкви в 1823 г. в местности «Эббэ» на средства прихожан¹⁵⁹. По реформе М.М. Сперанского в 1822 г. уезд переименовывается в округ, а Верхоянск возводится в ранг «малолюдного» города. К этому времени окружная администрация перебирается на правый берег, дома располагались у церкви. Поле, занимаемое городом, раньше принадлежало казакам, и под этим предлогом они не платили земских налогов в казну города. По данным 1829 г., число домов Верхоянска составляло 10, из которых 1 казенный, в которых проживало 48 мужчин, 33 женщины¹⁶⁰.

История заполярного «города-призрака» Зашиверска до 70-х гг. прошлого столетия привлекала большой интерес исследо-

¹⁵⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 20. С. 35–36.

¹⁵⁷ Описание Иркутского наместничества 1792 г. ... с. 167.

¹⁵⁸ Казарян П.Л. Старейший город заполярья Сибири // Якутский архив. 2003. № 3–4. С. 23.

¹⁵⁹ Юрганова И.И. Церкви Якутии (краткая история). Якутск, 2010. С. 41–42.

¹⁶⁰ НА РС (Я). Ф. 164-и. Оп. 1. Д. 383. Л. 210.

вателей и научных организаций, которые в основном обращали внимание на чудом сохранившуюся древнюю Зашиверскую Спасскую церковь. Основанный русскими во время освоения северо-восточной части Азии острог испытал фееричный взлет и трагический конец. В 1639 г. отряд служилых людей под началом Посника Иванова-Губаря с верховьев р. Яны сухим путем перешел на Индигирку. Здесь в среднем течении реки, за бурными порогами, называемыми «шиверами», было поставлено зимовье, которое на первых порах представляло из себя, по-видимому, простую избу с нагородней. В середине века зимовье было обнесено острожной стеной, внутри выстроены еще аманатская изба, а также амбары для хранения ясачной пушнины и «казны». По углам острога находилось несколько башен. Все укрепление было выстроено по принципу «косого острожка»¹⁶¹.

В исторической литературе о дате основания Зашиверского зимовья существует иное мнение, которое, на наш взгляд, более обоснованно. Первым на это обстоятельство обратил внимание М.И. Белов. Затем Б.О. Долгих в книге «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. (М.: 1960. С. 398) пишет буквально следующее: «Последнее ясачное зимовье на Индигирке Зашиверское, а с 1667 г. называвшееся Индигирским верхним, было основано, вероятно, в 1653 г.». Он установил, что в ясачных книгах Зашиверское зимовье появляется с 1655 г. В этом зимовье платили ясак юкагиры племени шоромба, а с 1656 г. – отдельные группы тунгусов.

Его точку зрения по дате основания Зашиверского зимовья поддержали Ф.Г. Сафронов и О.Н. Вилков. Первый из них обратил внимание на существование на Индигирке трех зимовий: Нижнеиндигирское (Уядинское), Среднеиндигирское (Подшиверское) и Верхнеиндигирское (Зашиверское). Приблизительной датой основания последнего зимовья, т. е. Зашиверского, он указывает 1653 г. Новосибирский ученый О.Н. Вилков «возникновение около 1653 г.» Зашиверского зимовья связывает с изменением социально-экономической обстановки на северо-востоке Сибири к этому времени¹⁶².

¹⁶¹ Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков А.Е. Древний Зашиверск / Древнерусский заполярный город. М., 1977. С. 30.

¹⁶² Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. //

Около 1676 г. острожные укрепления Зашиверска были реконструированы. Вероятно, ясачная и аманатская избы, казенные амбары были поставлены в одну стену, к которой уже примыкал рубленный острог. Одна из башен служила колокольней, где стояла икона Спаса-воина, столь привычная для малых острогов. Зашиверск считался острогом и таким был изображен на «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезева в 1701 г.: три соединенные в вертикальный ряд заостренные острожины. В самом конце XVII в. было предпринято новое строительство. Вместо острожных стен были возведены городни, состоящие из бревенчатых срубов. Острог был сооружен в форме прямоугольника размером примерно 45 x 34. В 1700 г. была выстроена Спасо-Преображенская церковь силами местных плотников во главе с А. Хабаровым. Церковь находилась внутри острога, в который вели двое ворот: северные и западные. Над ними были надстроены боевые башни, по углам же острожных стен, по-видимому, вместо башен стояли амбары и избы.

В середине XVIII в. Зашиверск был опять перестроен, и по плану 1798 г. его крепостные укрепления имели форму прямоугольника. На северной стороне стены были врублены аманатская изба, казенные амбары и «будка», в южную стену были врублены церковь и колокольня. Первоначально его русское население было немногочисленным и состояло из нескольких казаков, приказчика и 2–3 промышленных людей. В конце XVII в. русское население составляло 11–13 служилых людей. В 1740 г. в Зашиверске было 10 дворов и несколько якутских балаганов. В 1783 г. острог был сделан уездным городом Якутской провинции Иркутского наместничества, и в его округе проживало русских 62 крестьянина, 33 купца и 99 мещан¹⁶³. В городе появились новые органы управления и обеспечения: земский исправник, частный комиссар, городничий, уездный суд, мещанский староста, соляная стойка, хлебозапасный магазин. В 1793 г. горожане избрали

История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 178; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 379, 398; Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.; Вилков О.Н. Источники и литература об условиях возникновения г. Зашиверска и об архитектурных особенностях Спасо-Зашиверской церкви // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX вв. Новосибирск, 1987. С. 7, 8.

¹⁶³ НА РС (Я). Ф. 177-и. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–7.

первый состав ратуши, деятельность которой восстановить вряд ли удастся за неимением архивных документов. По этому поводу можно привести документ, датированный 19 сентября 1860 г., такого содержания: «МВД. Департамент полиции исполнительной, рассмотрев описи архивным делам Якутской воеводской и провинциальной канцелярий с 1674 по 1785, признает возможным все поименованные в них дела уничтожить»¹⁶⁴.

В самом городе в 1796 г. жили 32 купца, 83 мещанина, было 30 домов и 21 якутский балаган. Каждый год в декабре и в январе в городе проводилась ярмарка, на которую собиралось русское и местное население всей Индигирки, а также Алазеи и Колымы. За все годы существования города в нем случались опустошительные эпидемии кори и оспы, вследствие чего находящееся в городе и округе население, спасаясь, разбежалось, что предопределило его упадок. В 1803 г. Зашиверск был переведен в разряд заштатного города провинции. В 1829 г. «в уничтоженном городе» Зашиверске было 5 домов, 1 церковь. Население составляло всего 43 чел. обоего пола¹⁶⁵. В результате административно-территориальных преобразований, последовавших в 1803–1805 гг., Жиганское и Зашиверское комиссарства (уезды), как указано выше, были упразднены и их центры переведены в штатные города Верхоянск и Среднеколымск. Вместо них образованы одноименные с городом Верхоянский и Среднеколымский округа (уезды).

Среднеколымское зимовье – первое русское поселение на р. Колыме. Оно поставлено М. Стадухиным в июле 1643 г. на землях оседлых юкагиров князца Алая. Зимовье представляло из себя обыкновенную избу «с нагородней». Впоследствии изба была обнесена деревянным частоколом. На карте С.У. Ремезова конца XVIII в. изображена значком-рисунком в виде частокола без башен и церкви. В течение XVII в. в Среднеколымском ясачном зимовье «годовало» по 8–10 казаков. В начале XVIII в. построены острог и церковь. По описанию 1764 г. Среднеколымский острог «деревянной, в заплоте, вышиною печатку сажень, а по окружности 100 сажень», однако «острог ветхой, разломан». В остроге находились Троицкая церковь и 7 обывательских дво-

¹⁶⁴ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 6. Д. 2597. Л. 7.

¹⁶⁵ Там же. Ф. 164-и. Оп. 1. Д. 383. Л. 238.

ров, вне острога – 3 частных дома. Всего проживало 60 человек¹⁶⁶. Сохранилось краткое описание Среднеколымского острога начала XIX в.: «Крепость ветхая, рубленая из лиственничного тонкого лесу без крыши, расположенная в окружности на 43 саженьях с одним аршином вышиною, по местам от трех до четырех аршин. С восточной стороны над воротами амбар в виде башни, крытый тесом. Внутри крепости – дом, построенный из лиственничного лесу, расположенный вокруг на 6-ти саженьях с аршином с сеньми, крыт тесом на желобах, обнесен завалинками по окна, а внутри – капитальной стеною и перегородкою с камельком на манер якутской. Дом занимается ныне караульным окружного управления». Составитель описи, пытаясь ответить на вопрос, «кто, когда, кем, и по какому случаю и на какой предмет» построена крепость, поднял архивные дела, относящиеся к 1785 г., но не нашел никаких сведений. Он выдвинул предположение, что «все постройки произведены при начальном еще заселении здесь русских для защиты от нападения небывших в то время в подданстве народов, нынешних ламут, юкагирей и чуванцев»¹⁶⁷.

Основной функцией Среднеколымского зимовья, а потом острога в течение XVII–XVIII вв. был сбор ясака. Кроме того, здесь производился небольшой обмен русских промышленников с юкагирами, почему и сам острог одно время назывался «Ярмонка». Только за 1651 г. было «явлено» к таможене около 20280 шкурок соболей, добытых промышленными и служилыми людьми. Среднеколымск был важным транспортно-транзитным пунктом на дороге с Индигирки на Алазею, Колыму и далее на северо-восток. По данным Ф.Г. Сафронова, в середине XVIII в. в остроге проживало, кроме казаков, 26 посадских и 4 разночинца мужского пола. В 1805 г. Среднеколымск был объявлен городом и стал центром Колымского уезда, с 1822 г. – центром Колымского округа¹⁶⁸. Несмотря на малочисленность населения, колымские и верхоянские исправники о наличии городского общества писали: «Общества в Верхоянском и Колымском окружных управлениях хотя и есть, но они считаются ведомством уже

¹⁶⁶ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии..., с. 210.

¹⁶⁷ НА РС (Я). Ф. 366-и. Оп. 1. Л. 3.

¹⁶⁸ Сафронов Ф.Г. История северо-востока Азии..., с. 187.

не тамошним, а к Якутску принадлежащие»¹⁶⁹. Тем не менее городскими вопросами непосредственно занимался окружной полицейский исправник.

Первое русское поселение близ устья р. Олекмы на Лене было поставлено енисейским сыном боярским И. Козьминым в 1633 г. В 1635 г., возвратившись с Илима, стрелецкий сотник П. Бекетов на этом месте поставил острог. Через некоторое время он был перенесен на левый берег р. Лены, примерно на 15 верст выше устья р. Олекмы. В 1660 г. внутри острожной стены были две избы «с нагороднями» да амбар «с перерубом и с нагороднею», а за острожком – амбар с казенными хлебными запасами. В 1675 г. в острожке жили 7 казаков – сборщиков ясака и 2 тунгусских аманата.

Из «Росписи» населенных пунктов Якутии, составленной в 1675 г., видно, что до Олекминского острожка «от Якуцкого ходу на судах две недели, а на конях ехать десять день, а в том Олекминском острожке ясачных якутов и тунгусов против книг 183 году (1674 г. – П.П.) 206 человек, а оклад на них ясаку 9 сороков 17 соболей, лисица черночеревая, 30 лисиц красных, в тот острожек посылаются служилых людей 11 человек, в том острожке аманатов тунгусов 2 человека, а якуты платят ясак без аманатов». По росписному списку 1684 г. Олекминск был обнесен частоколом, а в острожную стену была врублена «изба ясачная с нагородней, да против избы в острожке же сенишка, да против сенишек в острожной стене два амбара». С середины века он приобретает важное торгово-транспортное значение как перевалочный пункт. Олекминский острог московским властям стал известен с событиями, связанными с самовольным, без разрешения на то переходом значительного числа служилых людей и крестьян в Даурию. По указу Сибирского приказа в районе, отнесенном к Олекминскому острожку, в 1655 г. основали заставу, задачей которой были установление надзора за этим народным движением и поимка беглецов, перебирающихся в Даурскую землю по реке Олекме¹⁷⁰.

Олекминск долго оставался местом пребывания одних только сборщиков ясака, ежегодно сменявшихся из Якутска. «Острог

¹⁶⁹ НА РС (Я). Ф. 366-и. Оп. 1. Д. 131. Л. 27-28.

¹⁷⁰ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии., с.199, 204, 206.

Олекминский деревянный стоячий, в нем церковь и дворы служилых людей, в которых живут присылаемые из Якутска прикащики с служилыми людьми, переменяясь погодно. Прежде посылалось по 30, а ныне человек по 12», – писал на основе документов, составленных в начале XVIII в., один из руководителей Сената И. Кирилов¹⁷¹. С середины того же века острожные стены погнили и их разобрали.

Население складывалось постепенно. Вначале оно состояло из 7–12 казаков «годовальщиков», сборщиков ясака. В некоторые годы сюда посылалось до 30 казаков. В начале XVIII в. был поставлен новый острог, а в нем – Преображенская церковь и дворы казаков. В середине XVIII в. в Олекминске, кроме служилых людей, проживало около 30 посадских и разночинцев. В течение всего XVII в. Олекминск был небольшим ясачным острожком, местом сбора ясака и добычи пушнины. Значение Олекминска возрастает лишь с середины XVIII в. В 1775 г. он стал административным центром обширного комиссариатства, в подчинение которого входили даже «семь Сунтарских наслегов». В 1783 г. был объявлен городом и центром Олекминского уезда. В конце XVIII в. уже ставшие «осьм Сунтарских наслегов» перешли в подчинение Верхневиллюйского комиссарства. Олекминский же округ состоял из одного одноименного улуса¹⁷².

Олекминск как центр комиссарства получил статус города при правлении Екатерины II. Затем 26 октября 1790 г. Олекминск наряду с городами Якутск, Оленск, Жиганск и Зашиверск получил утвержденный герб с описанием: «В серебряном поле протекающая река. Сей герб старой»¹⁷³. В отличие от других уездных городов Якутии, у герба Олекминска отсутствует в верхней части щита герб Иркутска, т. е. знак административного его подчинения Иркутской губернии. Указание, что «сей герб старой», говорит о наличии в прошлом, как у Якутска, острожной или таможенной печати. Выше говорилось, что в середине XVII в. существовала т. н. «Олекминская застава», имевшая определен-

¹⁷¹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 296.

¹⁷² Петров П.П. Исторический Олекминск // Олекминский улус: история, культура и фольклор. Якутск, 2005. С. 51.

¹⁷³ ПСЗ. Собр. 1. Т. XXIII, № 16913; ПСЗ. Собр. 1. Книга чертежей и рисунков: Рисунки гербам городов. СПб., 1843. Л. 26, 27.

ные полномочия по урегулированию внутренней и внешней миграции русского населения. Вполне возможно, что печать этой заставы могла быть принята за основу герба Олекминска.

По реформе 1822 г. статус города был подтвержден, но Олекминск относился к разряду «малолюдных», что предопределило отсутствие органов городского самоуправления. Тем не менее Олекминск по численности населения прочно занимал второе после Якутска место. По данным за 1827 г., казенных зданий, состоящих в городе, были «дом деревянный одноэтажный, крытый тесом, при нем одноэтажный флигель», дом караульного, двухэтажный запасной хлебный магазин с тремя корпусами, двухкорпусная соляная стойка, почтовый одноэтажный дом с хозяйственными постройками¹⁷⁴. Вопросами городского хозяйства занимался окружной полицейский исправник. Он выполнял обязанности и городничего, и судьи, и исправника. Административные преобразования, последовательно проведенные во второй половине XVIII – начале XIX вв., превратили простой Олекминский острожек в крупный центр наиболее экономически развитого округа Якутии.

Практика строительства острожков и зимовий в Якутии показывает, что в ходе освоения новых земель правительство разрешало местным начальникам переносить некоторые населенные пункты на другое, более удобное место из-за их неблагоприятного расположения. Как видно из вышерассмотренного, наиболее конкретным примером исполнения распоряжений правительства являются переносы на новое место Якутского и Олекминского острогов, Верхневилуйского, Жиганского и Верхоянского зимовий, потребовавшие значительных казенных вложений и неудобства для переездов населения. Вторая половина XVIII в., характерной особенностью которой были принятие и введение в действие ряда законов, иногда противоречащих друг другу, была наполнена преобразовательным процессом превращения простых якутских зимовий в города со статусом центров уездов и комиссарств. Правительство путем учреждения новых городов пыталось найти оптимальный вариант административного закрепления обширных территорий для полноценного управления

¹⁷⁴ НА РС (Я). Ф. 366-и. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 4.

как инородческим, так и русским населением области. Поэтому в ходе административно-территориальных изменений города Алдан, Оленск, Зашиверск и Жиганск были упразднены. Подведомственные им уезды включены в Якутский, Вилюйский, Верхоянский и Среднеколымский округа.

Превращение русского государства в обширную Российскую империю объективно способствовало формированию единой городской системы, нити которой, пронизывая все стороны общественной жизни и государственности, достигали от центра (столичных городов) до окраин, т. е. «малолюдных городов», учреждение которых в полной мере проявило особенности местного управления. Таким образом, городские поселения Якутии в административно-управленческом аспекте представляли неразрывную часть общей городской системы страны. Реформы М.М. Сперанского, утвержденные в 1822 г., окончательно завершили административно-территориальное устройство Якутской области. Якутск как центр области и одновременно отдельного округа относился к средним городам страны, а центры округов Олекминск, Вилюйск, Верхоянск и Среднеколымск – к малолюдным городам. Два последних не имели своих утвержденных гербов.

1.3. Русская православная церковь в системе государственно-церковного реформирования (1731 г. – первая половина XIX в.)

Формирование и деятельность органов церковного управления

В современной исторической науке происходит процесс формирования представления о системе управления окраинами империи, и, по мнению исследователей, инкорпорацию окраинных территорий в состав российского государства можно представить как этапы присоединения (в т. ч. и немирным путем), собственно инкорпорации и ассимиляции¹⁷⁵. Сложилась сибирская школа империологии, разработаны методологические подходы к изучению имперской тематики, опубликована серия монографических исследований¹⁷⁶.

Повышению интереса к региональной истории Русской православной церкви и её управленческих структур способствуют и изменившиеся приоритеты российского общества, возможность использования различных методологических положений и объективной оценки опыта государственной политики по отношению к народам северо-востока России. Вместе с этим управленческая политика органов и учреждений РПЦ в Якутии и взаимодействие церковных структур с местными органами управления и якутским обществом в

¹⁷⁵ Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 2 / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 198–205; Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. 2 изд, испр. и доп. СПб.: Издательство О. Абышко, 2017.

¹⁷⁶ Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004; Дамешек Л. М. Административно-территориальное устройство и система управления Сибири в XVII – начале XX вв. / География Сибири в начале XXI века: в 6 т. // гл. ред. В. М. Плюснин. Новосибирск: Гео, 2014. Т. 1. Историческая география. Новосибирск, 2014.

XVIII – первой половине XIX вв. ещё не стали предметом научного исследования.

Увеличение территории государства, включение в его состав новых подданных приводили к кардинальным изменениям в жизни проживающих на этих территориях народов, которые должны были взаимодействовать с новой для них политической системой и экономическим строем, поступая в подчинение русской администрации. Одной из основных задач государства стала интеграция обширных восточных территорий в состав русского государства. Историко-типологические модели интеграции окраин формировались, развивались и отличались разнообразием, обусловленным дифференцированным подходом правительства, учитывающим особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный состав населения и др.¹⁷⁷

Распространение православия на окраинных территориях являлось прежде всего частью государственной политики и средством интеграции в русскую государственность, когда параллельно с оформлением административно-территориального устройства новых земель происходило становление структур православной церкви.

Основной церковно-административной структурой Русской православной церкви являлись церковные округа (епархии), в том числе «властелинские», к которым относились наиболее древние и крупные в территориальном отношении, пользовавшиеся определенными привилегиями. К «властелинским» была причислена созданная в 1620 г. Тобольская епархия (архиепископия), территория которой по мере расширения границ государства на северо-восток постоянно увеличивалась.

Источники отмечают, что «Якутск со своего основания ровно сто лет находился в церковной зависимости от удаленной от него на 6 000 верст Тобольской Митрополии и что в течение первых восьмидесятилетий на побережье Лены ... созидались

¹⁷⁷ Дамешек Л.М. Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территории Российской империи (XVIII – нач. XX вв.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 2. С. 61.

инородческие обители, ... поставлялись для молитв часовни... но все это делалось так, что Епархиальный архиерей, Митрополит Тобольский должен был осведомляться или от проезжих или через посылку нарочных: сколько именно церквей в Якутском ведомстве, и где они? Есть ли при них священники и кто таковые, и откуда?»¹⁷⁸. Следовательно, в Якутске не было уполномоченного от духовного ведомства, регулярно информировавшего Тобольск о состоянии дел. Обязанности главы якутского духовенства выполнял настоятель Якутского Спасского мужского монастыря, основанного в 1663/1664 гг., и по всем вопросам церковного управления церковная власть Сибири обращалась в монастырь.

Светская власть и патриарх, стремясь к расширению и укреплению православия на восточных рубежах, поднимали вопрос о создании в Сибири новых церковно-административных единиц. На церковном соборе 1667 г. было принято решение: «в царстве Сибирском в Тобольске вместо архиерейской митрополии быть в Томске – епископу, на Лене – епископу быть», но оно было выполнено частично: тобольский архиепископ получил сан митрополита, но епископство создано не было, так как количество сибирских храмов оказалось недостаточным для содержания аппарата епархиального управления и кроме того, тобольские владыки стремились сохранить за собой монополию духовной власти¹⁷⁹. В связи с этим церковное управление огромной территорией до начала XVIII в. обеспечивалось одним лицом – митрополитом Тобольским (Сибирским)¹⁸⁰.

---

¹⁷⁸ Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1866. № 12. С. 145-146.

¹⁷⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 696-715. С. 708.

¹⁸⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 364-366, С. 365.

Рис. 1. Якутский Спасский монастырь. 1703 г. Художник П. Попов.

В XVIII в. по распоряжению тобольского владыки Антония (Стаховского)¹⁸¹ в митрополии была проведена перепись храмов с целью определения границ территорий приходов. В 1725 г. в связи с неэффективностью было ликвидировано существовавшее ранее деление на десятины и были созданы церковно-административные округа (заказы), возглавляемые духовными (казачными) правлениями. Во главе правления находился заказчик – как правило, настоятель монастыря или соборного храма.

В XVIII в. в русском государстве происходил процесс обновления традиционного общества с переходом к обществу современного типа. Среди многочисленных изменений значимой по своим последствиям была реформа Русской православной церкви, причиной проведения которой стал укрепляющийся абсолютизм, существенно отличавшийся от старомосковского самодержавия. В 1721 г. был издан манифест об учреждении «Духовной коллегии, то есть Духовного соборного правительства», и при решении вопроса о молитвенном возглашении нового церковного правительства было принято решение о названии его греческим словом «синод». Тогда же в государственном делопроизводстве появился термин «ведомство православного вероисповедания». Результатом реформы стала утрата независимости Русской церкви. Логическим завершением взаимоотношений «государство-церковь» стали указы императрицы Екатерины II о секуляризации церковного землевладения, лишившие

¹⁸¹ Митрополит Антоний (А.Г. Стаховский), (1671/1672–1740), в 1721–1740 гг. – митрополит Тобольский и всея Сибири. Причислен к лику святых Русской православной церкви в составе Собора сибирских святых (1984).

духовенство основного источника доходов. Была установлена классификация российских епархий: к первому классу были отнесены 3 епархии во главе с митрополитами, ко второму – 8 во главе с архиепископами и 15 во главе с епископами – к третьему.

В 1708 г. сибирскому и тобольскому митрополиту было разрешено иметь помощника – викария Tobольской митрополии. Кафедра викария должна была располагаться в г. Иркутске, с титулованием епископом Иркутским и Нерчинским. В 1727 г. императрица утвердила указ Синода об образовании из викариатства Tobольской митрополии новой «местной» Иркутской епархии, но города Якутск, Охотск, Илимск и Камчатка с округами оставались в составе митрополии, и, следовательно, территория епархии была значительно меньше территории провинции¹⁸².

Первый иркутский епископ Иннокентий (Кульчицкий)¹⁸³, стремясь укрепить и расширить епархию, ходатайствовал перед Синодом о передаче в её состав Якутского Спасского и Троицкого Селенгинского монастырей, и с 1731 г. Якутск, Киренск, Илимск с уездами переходят (в статусе заказов) в подчинение к иркутским архиереям, получившим титулование епископов Иркутских, Нерчинских и Якутских.

К 1733 г. в юрисдикции Иркутской епархии состояло 8 монастырей и 72 храма¹⁸⁴. Затем в епархию были переданы камчатские церкви¹⁸⁵. Затем в 1796 г. в состав епархии были включены Аляска и Алеутские острова – «Русская Америка». Было создано Кадыжское викариатство Иркутской епархии, но его практическая деятельность не была реализована, и в 1799 г. викариатство было упразднено, а православные храмы Русской Америки подчинены иркутскому архиерею.

¹⁸² ПСЗ. Собр. 1. Т. 28. № 21165. С. 140-143.

¹⁸³ Епископ Иннокентий (Иоанн Кульчицкий), (1680/1682–1731), первый епископ Иркутский и Нерчинский, выпускник Киево-Могилянской академии, префект Московской славяно-греко-латинской академии, соборный иеромонах Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, обер-иеромонах на флоте. В 1727 г. был назначен епископом Иркутским и Нерчинским. Управлял епархией до 1731 г. Указом Синода в 1804 г. был причислен к лику святых.

¹⁸⁴ Костанов А.И. Документальная история Сибири. XVI – сер. XIX вв. Историко-архивоведческое исследование. Владивосток, 2007. С. 101.

¹⁸⁵ Калинина И., Медведев С. Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 10.

К концу XVIII в. в состав епархии вошла Пекинская духовная миссия. В 1822 г., после разделения Сибирского генерал-губернаторства, Иркутская епархия расширила свои границы за счет включения территории Енисейской губернии (Красноярское, Енисейское и Канское духовные правления), и её территория составила почти половину империи. Епархия была переведена из 3-го класса во 2-й класс и иркутский архиерей возведен в сан архиепископа¹⁸⁶.

Важным событием в истории православия в Сибири стало создание особой епархии на крайнем востоке и в американских колониях во главе с епископом Камчатским, Курильским и Алеутским (1840). В связи с этим и с выделением из состава Иркутской епархии самостоятельных церковно-административных единиц, что было в свою очередь связано с укреплением положения православия в Восточной Сибири, к середине XIX в. территория епархии начала сокращаться.

Согласно всероссийской переписи епархий 1784 г., православие в Российской империи исповедовали 21672201 человек, которых обслуживала 21141 церковь в 33 церковно-административных округах (епархиях). В Иркутской епархии действовало 145 церквей – 0,7% от общего количества. На огромной территории проживало 173247 прихожан – 1,6% от общей численности¹⁸⁷. В связи с изменением епархиальных границ в 1799 г. вновь была проведена перепись православных храмов: в Иркутской епархии действовало 182 церкви (в т. ч. в г. Якутске – 6, Охотске – 1, Олекминске – 1, Жиганске – 1, Зашиверске – 1, Гижиге – 1), следовательно, за 15 лет было открыто 37 храмов¹⁸⁸.

При учреждении Иркутской епархии предполагалось, что она будет функционировать, как и другие, за счет внутренних средств. Все храмы были обязаны вносить ежегодную плату, размер которой определялся достатком прихода. Собранные суммы должны были обеспечить финансирование архиерейского дома и приказа, духовной консистории и других церковных учреждений. В 1728 г. годовой сбор составил 105 р. 24 коп. В 1732 г., после включения в состав епархии Якутского заказа, сумма воз-

¹⁸⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29. С. 91-92.

¹⁸⁷ Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVII – перв. пол. XIX вв. Иркутск, 1996. С. 71-73.

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 35. Д. 389. С. 134.

росла до 296 р. 43 коп., что было недостаточно для содержания епархиальных структур, и в дальнейшем содержание архиереев, епархиальных органов и учреждений, а также всё церковное строительство епархии финансировалось синодальным ведомством. Регулярное финансирование получали вошедшие в штат монастыри и духовная семинария¹⁸⁹. В указе императрицы Елизаветы Петровны (1748 г.) отмечалось, что «ведомости требовать не велено от Иркутской епархии, за которой архиерейских вотчин не имеется, а довольствуется определенным из казны жалованием». После мероприятий секуляризации ежегодное содержание Иркутской епархии, по смете хозяйственного управления Синода, составляло 4232 руб./год¹⁹⁰. Иные направления епархиальной деятельности финансировались Синодом только по мере необходимости.

Возглавлял епархию епископ (архиепископ) – епархиальный архиерей, в лице которого, как отмечают исследователи, церковь приобрела не только духовного главу Восточной Сибири, но и администратора, обладавшего всей полнотой духовной власти¹⁹¹. В течение почти полутора столетий вхождения Якутского края в состав Иркутской епархии (1731–1852 гг.) на иркутской кафедре сменилось десять архиереев, и личность епископа, бесспорно, накладывала отпечаток на все стороны епархиальной деятельности. Отмечается, что на иркутскую кафедру, как правило, назначали «широкообразованных и высоко нравственных представителей духовенства»¹⁹².

Первоначально органом управления епархии являлся архиерейский приказ, затем в 1746 г. он был упразднен и были созданы архиерейский дом, занимавшийся обслуживанием нужд епископа, и духовная консистория. Духовными консисториями с 1741 г. назывались учреждения (присутственные места), действующие при епархиальных архиереях. Синодом был утвержден Устав духовных консисторий, в ведении которых под непосредственным начальством епархиального архиерея нахо-

¹⁸⁹ Наумова О.Е. Иркутская епархия...

¹⁹⁰ Наумова О.Е. Указ. соч. ... С. 110-111.

¹⁹¹ Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII – XVIII вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 31.

¹⁹² Калинина И., Медведев С. Духовный вертоград Сибири... С. 40.

дились управление епархией и церковный суд. Высшая власть над консисториями принадлежала Синоду. Консистория для исполнения своих распоряжений должна была действовать с помощью системы духовных учреждений – духовных правлений, благочиний, монастырей, приходов, церквей и др. Позже, в 1883 г., Синодом будет введен в действие новый, дополненный вариант Устава духовных консисторий, который с незначительными изменениями действовал до 1918 г.

Территориально Иркутская епархия была разделена на 6 заказов, возглавляемых духовными правлениями во главе с заказчиками, в том числе и Якутский заказ во главе с настоятелем Спасского мужского монастыря. Архиереи самостоятельно решали вопросы о внутриепархиальных территориальных границах, так, например, иркутские владыки неоднократно переносили центры заводов из одного населенного пункта в другой, но территория Якутского церковно-административного округа оставалась неизменной с центром в г. Якутске, что было связано прежде всего с расположением гражданской администрации, предполагавшим взаимодействие с местными органами управления.

После включения территории Якутии в состав Иркутской епархии в 1732 г. в Якутск в качестве посланца от архиерейского приказа был направлен подьячий Г. Лебратовский, целью визита которого была оценка состояния дел духовного ведомства Якутии¹⁹³. Приезд подьячего выявил сложные взаимоотношения в среде градского духовенства. Так, было установлено, что диакон Градо-Якутской Богородицкой церкви В. Шапошников получил гарантию должности строителя монастыря путем подкупа. Оставляло желать лучшего и состояние документации духовного ведомства Якутии. В 1730-х гг. архиерейским приказом было отдано распоряжение о доставке в Иркутск исповедных росписей и метрических книг Якутского заказа, но присланные документы свидетельствовали о «крайней неупорядоченности» и были отправлены обратно для исправлений. Тогда в ответной объяснительной записке якутский протопоп А. Тарлыков

¹⁹³ Попов Г.А. Сочинения. Т. 1. История христианского просвещения якутов, других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. / сост. и отв. ред.: Л.Н. Жукова, Е.П. Антонов. Якутск: ЯГУ, ИГИ АН РС(Я), 2005. С. 55.

указал, что исправить книги невозможно, так как «духовенству неизвестно самое народонаселение из Якутска, большее частью непостоянное, и часто не объясняющее ни своих настоящих званий, ни чинов, ни рангов, и потому, что самые приходы обстоятельно не распределены»¹⁹⁴. Данные факты позволяют составить представление о бесконтрольности духовенства Якутии в начале XVIII в., связанной прежде всего с его территориальной отдаленностью от центра митрополии.

С середины XVIII в. в Якутском заказе появился орган территориального управления – Якутское духовное правление. И хотя законодательные акты империи и делопроизводственные источники не содержат сведений о дате его создания, источники дают возможность установить наличие грифа правления.

Заседания правления протоколировались, журнал заседаний заполнялся по определенной форме с наличием необходимых в делопроизводстве реквизитов (дата заседания, время, присутствующие, «слушали», «дано поручение», «когда исполнено поручение», резолюция).

Руководство правлением осуществлял глава духовной власти Якутии (заказчик) – настоятель Спасского монастыря. Представляется возможным установить численный и именной состав членов правления в начале XIX в.: архимандрит – наместник монастыря Вениамин, священники И. Преловский и Д. Протопопов – всего 3 члена.

Деятельность правления заключалась в осуществлении делопроизводственных функций: приеме и пересылке документации, сборе и отправке запрашиваемых сведений, контроле за церковными службами и основными документами (метрическими книгами, исповедными росписями). Зависимость от решений из Иркутска приводила к объёмной переписке, а отдаленность края – к долговременному решению дел. Находящаяся на периферии епархии Якутия одной из последних узнавала об изменениях и нововведениях в духовном ведомстве, и её взаимоотношения с епархиальными властями состояли в основном в получении копий решений Синода и духовной консистории и отправке отчетной документации. Со второй половины XVIII в., после им-

---

¹⁹⁴ Попов Г.А. История христианского просвещения ... С. 153.

ператорского указа об обязательном увещевании преступников священниками, духовное правление, кроме прочего, направляло священнослужителей в Якутскую тюрьму «для увещевания впадающих в разные преступления»¹⁹⁵.

По журналам духовного правления было выявлено количество заседаний в апреле-июне 1833 г. Так, в марте было проведено 14 заседаний, в апреле – 17, в мае – 21, в июне – 24, т. е. всего за рассмотренный период состоялось 76 заседаний, которые проводились через день¹⁹⁶. За январь-март 1844 г. состоялось 47 заседаний и было рассмотрено 138 вопросов¹⁹⁷. Тематика рассматриваемых вопросов разнообразна: назначение священников, разрешение на вступление в брак, доставка и выдача метрик и клировых ведомостей, подписка на церковную прессу, церковная отчетность. На заседаниях рассматривались письма, отношения и обращения иркутской духовной консистории, якутской гражданской власти и рапорты благочинных и священников. Духовное правление также производило сборы окладных сумм на копирование указов и манифестов (по 1 руб. за копию письма и 1 коп. за каждый присланный лист), поступавших в епархиальную казну.

Кроме того, правление должно было контролировать уровень подготовки священнослужителей и принимать меры по его соответствия занимаемым должностям. Так, в 1827 г. резолюцией епископа Иркутского на основании донесения Якутского духовного правления священник И. Петров был «не допущен к священническому сану» из-за незнания катехизиса¹⁹⁸.

Посвящения духовенства Якутии проводил иркутский архиерей, и правление готовило сопроводительную документацию для поездки в Иркутск. Так, в 1809 г. духовным правлением было направлено прошение епископу Вениамину (Багрянскому)¹⁹⁹ о посвящении в диаконы пономаря Олекмин-

¹⁹⁵ ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 30. Л. 7.

¹⁹⁶ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 70, 707.

¹⁹⁷ Там же. Д. 931.

¹⁹⁸ ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3399.

¹⁹⁹ Епископ Вениамин (В.И. Багрянский) (сер. XVIII в. – 1814), выпускник Московской духовной академии (по др. данным – Петербургской) и университетов Лейдена, Геттингена и Оксфорда, в 1789–1814 гг. – епископ Иркутский и Нерчинский.

ской церкви А. Габышева, а также письмо областному начальнику И.Г. Кардашевскому с просьбой о выдаче Габышеву лошадей и «подорожной грамоты» для проезда в Иркутск²⁰⁰. Очевидно, что подобные поездки были дорогим удовольствием, и духовные власти старались проводить посвящения коллективно, когда в Иркутск направлялись группы священнослужителей. В 1815 г. было проведено посвящение во священников, дьяконов и причетников 20 представителей духовенства из Якутского заезда, которые получили назначения к приходам²⁰¹.

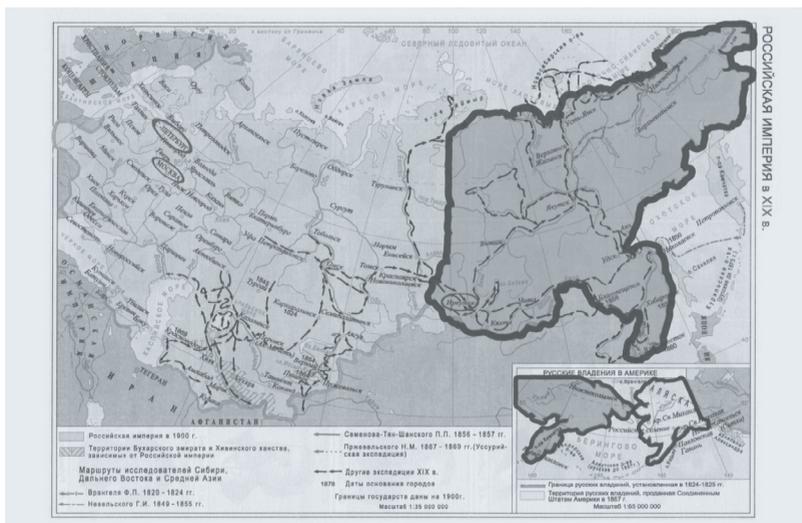

Рис. 2. Якутское благочиние в составе Иркутской епархии (1731–1856 гг.).

В связи со значительностью территории Якутского заезда представлялось сложным осуществление контрольных функций правления за деятельностью церквей и приходов. Причты храмов должны были самостоятельно изыскивать транспорт (сани и подводы) для поездок должностных лиц, и иркутские архиереи, основываясь на опыте тобольских митрополитов, стали использовать практику привлечения приходского духовенства к исполнению

²⁰⁰ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 42.

²⁰¹ Там же. Д. 105.

надзорных функций, когда по разрешению архиерея священники получали право контроля деятельности соседних храмов²⁰².

Неисполнение членами правления своих обязанностей влекло наказания. В 1836 г. решением Иркутской духовной консистории были оштрафованы члены и письмоводитель Якутского духовного правления «за неозначение сущности указа, так как исходящие бумаги должны быть составлены со всевозможной ясностью и точно»²⁰³.

Обязанностью правления являлось обеспечение приходских причтов всем необходимым для исполнения церковных треб (вином, ладаном, свечами и т. д.) и для отправки требных принадлежностей в приходы, особенно в дальние. Якутское духовное правление взаимодействовало с местной гражданской властью, а финансирование и приобретение необходимого для требоисправления производило Якутское уездное казначейство²⁰⁴.

В начале XIX в. состав духовного правления расширился и, помимо руководителя и членов, в него, по подобию духовных консисторий, были включены письмоводитель и канцелярские служители, получавшие денежное вознаграждение за счет сборов с храмов.

В этот же период в источниках появляется упоминание о благочинных. Должность благочинного была учреждена в 1744 г., первая «инструкция благочинному» относится к 1745 г. Благочинный назначался по усмотрению епархиального архиерея из приходских настоятелей в сане протоиерея или священника, и оплата его труда обеспечивалась сборами приходского духовенства. Обязанности благочинного заключались в надзоре за храмами и духовенством благочиннического округа и контроле за исполнением распоряжений духовных властей. Благочиннический округ состоял из 10-13 приходов, и если приходов было больше, назначался помощник благочинного²⁰⁵. В 1830 г. Иркутской духовной консисторией было издано распоряжение об обязательном обращении всех церковнослужителей по всем во-

²⁰² Санников А.П. Церковь, общество и государство... С. 46.

²⁰³ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 790. Л. 1.

²⁰⁴ Там же. Д. 161. Л. 1-5.

²⁰⁵ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 80.

просам не к духовному начальству, а к своему благочинному²⁰⁶. К началу XIX в. в Якутском заказе действовало 3 благочиния: Градо-Якутских церквей и 2 уездных.

Очевидно, что отдаленность Якутии от центра епархии вызвала необходимость создания органа, координирующего и контролирующего деятельность духовного ведомства, и к концу XVIII в. действовал орган духовного управления. Структура духовного управления Якутии выглядела следующим образом (рис. 1):

Рис. 3. Структура духовного управления Якутии

Очевидно, что эволюция органов и учреждений Русской православной церкви в Якутском крае связана с изменениями, происходившими в целом в государстве. Проведенная в начале XVIII в. модернизация внесла кардинальные изменения в государственное устройство и привела к созданию империи. После ряда преобразований территория Якутского уезда была передана в подчинение Иркутской гражданской власти и в церковно-административном отношении вошла в состав Иркутской епархии, создание которой свидетельствует о новом этапе во взаимоотношениях церкви и государства, обусловленном расширением и укреплением православия на восточных окраинах империи.

Создание епархиальных структур и образование заказов предоставило возможности для упорядочения деятельности духовного ведомства и организации систематического руководства и контроля за деятельностью духовенства.

²⁰⁶ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 592.

Церковь и государство в управлении краем

Одним из элементов государственной политики по интеграции вновь включенных земель являлась христианизация. Следует заметить, что все мероприятия по крещению местного населения согласовывались со светской властью и «крещение аборигенов проводилось обычно только с разрешения воеводы, которому желающие креститься или их ходатаи подавали челобитные»²⁰⁷. В вопросах крещения проявлялась осторожность, когда каждый конкретный случай рассматривался администрацией без учета пожеланий духовенства, и очевидно, что основной причиной медленного процесса христианизации Ленского края являлась политика государства. Территория проживания народов Сибири признавалась государственной собственностью, и властные действия по отношению к народам Якутии диктовались обеспечением максимального и бесперебойного поступления ясака.

Но вместе с тем местная власть должна была способствовать распространению христианства, о чем неоднократно напоминалось сибирским воеводам. Функции воеводы заключались «в заботе чтобы духовенство исполняло свои обязанности», а прихожане посещали храмы и «говели своевременно»²⁰⁸. В наказах воеводам предписывалось проявлять заботу о храмах и оказывать содействие крещению населения. В царском наказе первым якутским воеводам П.П. Головину и М.Б. Глебову содержалось указание на необходимость строительства храма в остроге, и известно, что воевода Головин приглашал в церковь «многих якутских людей»²⁰⁹. Неоднократно воеводы наделяли земельными угодьями Якутский Спасский мужской монастырь, являвшийся в XVII–XVIII вв. значимым хозяйствующим субъектом Восточной Сибири.

Но взаимоотношения воевод и духовенства в Якутском остроге не были мирными. Так, например, воевода П. Головин заключил в тюрьму своего духовника монаха Симеона, иеромонах

²⁰⁷ Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск, 1979. С. 176–177.

²⁰⁸ Дополнение к актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. СПб., 1867. Т. X. № 78. С. 353.

²⁰⁹ Якутские епархиальные ведомости. 1900. № 2. С. 32–33.

Порфирий по его приказу был подвергнут пыткам, и в итоге самоуправство воеводы привело к прекращению церковных служб в остроге. В 1644 г. поп Стефан принимал участие «в заговоре» против воеводы Головина, который доносил в Тобольск о возмущении якутских служилых людей «чрезмерной строгостью» присланных в Якутск священнослужителей²¹⁰. Другой якутский воевода И. Приклонский был заключен в тюрьму «за поношение архиерея» и только после раскаяния «возвращен в должность».

В Сибири все представители духовенства получали жалованье из государственной казны задолго до реформ начала XVIII в., включивших Русскую православную церковь в государственный аппарат. Жалованье выплачивали воеводы, что приводило к злоупотреблениям, находившим выражение как в неполных выплатах, так и в регулярных их задержках, свидетельством чего являются поступавшие в Сибирский приказ многочисленные жалобы о «плохой выдаче и недодаче им, стольником и воеводой хлебного и денежного жалования»²¹¹.

Тем не менее в целом воеводы и духовенство действовали совместно, и их взаимоотношения были обусловлены прежде всего личностными факторами. Это было распространенной для Восточной Сибири практикой, когда, например, у первых иркутских архиереев не сложилось понимания с гражданской администрацией Иркутска, ограничивающейся формальным исполнением указов и распоряжений высшей власти по отношению к РПЦ, что, безусловно, осложняло положение представителей духовного сословия²¹².

После включения территории Якутии в состав Иркутской епархии духовная власть стала прерогативой епархиальных архиереев, обязанностью которых являлись поездки по вверенной им территории. Якутию посетили иркутские епископы Иннокентий (Нерунович), Софроний (Кристалевский) и архиепископ Нил (Исакович).

Первым в Якутию прибыл епископ Иннокентий (Нерунович)²¹³, один из самых деятельных архиереев Иркутской епар-

²¹⁰ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1. Д. 498. Л. 1; Д. 703. Л. 69–70.

²¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 809–810; Д. 78.

²¹² Санников А.П. Церковь, общество и государство... С. 227.

²¹³ Епископ Иннокентий (Иоанн Нерунович), (1690-е гг. – 1747), выпускник Киевской

хии²¹⁴. Прибыв на служение в Иркутск и столкнувшись с трудностями, он энергично взялся за порученное ему дело, выявил ряд злоупотреблений как со стороны местного духовенства, так и светских властей. Нерунович предпринимал попытки реализации своей миссионерской программы, в том числе организации проповедей на языках народов Сибири, упорядочение льгот для принявших православие инородцев, выдачу «прогонных денег» (путевых расходов) для поездок миссионеров, обеспечение инородческих детей – учащихся школы, созданной по его инициативе при Иркутском Вознесенском монастыре, – одеждой и питанием. Но эти начинания остались не законченными – как в связи с недостаточностью средств, так из-за отсутствия поддержки местной гражданской власти.

Рис. 4. Епископ Иннокентий (Нерунович)

Возглавляя самую территориально крупную епархию Русской православной церкви, епископ стремился уделить внимание её отдаленным окраинам. Первый визит епископа Иннокентия в Якутск состоялся в 1735 г. и предоставил возможности для урегулирования взаимоотношений светских властей и духовенства, которые оставляли желать лучшего, так как якутские воеводы использовали духовенство для достижения своих целей, а когда просьбы духовных лиц приводили к дополнительным хлоп-

---

духовной академии, в 1732–1747 гг. - епископ Иркутский и Нерчинский.

²¹⁴ Калинина И., Медведев С. Духовный вертоград Сибири... С. 6-37.

потам или расходам, игнорировали их. Так, имелись попытки обложения духовных лиц подушной податью и заключения их под арест за отказ от её уплаты. В 1734 г. в Якутск из Тобольска для сбора подушной подати был направлен прапорщик И. Баженов, который потребовал оплату налога у священника Градо-Якутской Богородицкой церкви И.А. Сукнева. Получив отказ, прапорщик заключил священника под стражу и подверг пыткам, после чего тот оплатил требуемую сумму. Епископ Иннокентий не только подтвердил освобождение духовных лиц от подушной подати письмом в Якутскую воеводскую канцелярию, но и сообщил о произошедшем в Тобольскую губернскую канцелярию.

Значимыми по своим последствиям являются промемории (прошения) епископа, направленные в Якутскую воеводскую канцелярию, связанные с предоставлением льгот неофитам. Алгоритм данной льготы состоял в выдаче священником-миссионером «билета», подтверждающего факт крещения, например: «Олекминского острога Намской волости ясашный якут Арчинь Нарохин в святом крещении Самуил Алексеев сын Корякин крещен в Олекминском остроге, июля 26 Дня 1741 года», предьявляемого ясашным сборщиком²¹⁵. Епископ указывал, что имеющие билеты новокрещенные подвергаются «жестоким истязаниям» со стороны сборщиков ясака и поборам канцелярских служителей. Кроме того, в связи с тем, что общий объем ясака оставался неизменным и, вне зависимости от численности получивших льготы, раскладывался на оставшуюся часть населения, понятна недоброжелательность сородичей к неофитам. Если учесть неграмотность населения, незнание им русского языка, становится очевидным, что жителям якутских волостей было проще оставаться в ясачном тягле, чем отстаивать свои права при наличии билета о льготе. В связи с этим епископ Иннокентий настойчиво требовал применять меры наказания к чиновникам воеводской канцелярии, однако применение подобной практики не находит подтверждения в исторических источниках.

Архимандритом Спасского монастыря в 1737–1738 гг. был составлен и передан воеводе список лиц, не посещавших исповедь, с просьбой об их доставке в Якутск для исполнения хри-

²¹⁵ РГАДА. Ф. 607. Оп. 1. Д. 72. Л. 4.

стианских обязанностей. Однако воевода не только не оказал содействия, но даже отказался принять бумаги к рассмотрению. И если в центральной России подобное пренебрежение к духовным обязанностям прихожан могло повлечь отставку воеводы, то в Якутске, где «до царя далеко, а до бога высоко», подобные факты были рядовым явлением.

Второй визит Неруновича в Якутию был осуществлен в 1741-1743 гг., когда епископ, лишившись опоры в лице иркутской гражданской власти, купечества и духовенства, оставил кафедру и проживал на берегах Лены и Вилюя в течение двух лет, благословив, кроме прочего, строительство храмов в Верхневилюйском остроге, Жиганском (часовни) и Колымском зимовьях, Амгинской слободе и освящение Градо-Якутской Иоанно-Предтеченской церкви²¹⁶. Совместно с духовенством епархии архиерей крестил якутское население, и его неопитов затем стали называть «неруновскими». Впечатляет мобильность архиерейских поездок, когда менее чем за полгода (июль-ноябрь) он посетил 24 волости Якутского уезда²¹⁷. В «Реестр о новокрещеных» за 1741 г. внесено 192 человека.

Визиты епископа в далекий Якутск стали событием в жизни провинциального города. Архиереем, кроме прочего, были даны указания по открытию школы при Спасском монастыре, что в дальнейшем должно было изменить судьбу детей якутского духовенства, и в перспективе юноши из духовного сословия должны были заменить отцов и решить проблему дефицита духовных кадров.

Следующим епархиальным архиереем, посетившим Якутск в 1756 г., стал третий иркутский епископ Софроний (Кристалевский)²¹⁸, начавший свою управленческую деятельность с личного знакомства с епархией. В Якутске он «достойных рукополагал тут же во священный сан, наказывал, запрещал и переводил нерадивых и особенно нетрезвых, к которым он был строг... Знакомясь с пастырью, он видел большие неурядки: прихожане

²¹⁶ Юрганова И.И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории). Якутск: ООО «Академия», 2007. С. 118.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 607. Оп. 1. Д. 72. Л. 4-39.

²¹⁸ Епископ Софроний (С.Н. Кристалевский) (1703–1771), в 1753–1771 гг. – епископ Иркутский и Нерчинский. В Русской православной церкви почитается в лике святителей.

не умели держать себя в храме: вели разговоры и чинили служению не малое помешательство»²¹⁹.

Известный сибирский миссионер архиепископ иркутский Нил (Исакович)²²⁰ побывал в Якутске в 1834 г. Результатом данной поездки стало создание двух походных церквей с постоянным штатом. Ознакомившись с состоянием дел в Якутске, архиепископ Нил счел нужным подать ходатайство в Синод об изыскании возможностей обеспечения края кадрами священнослужителей²²¹.

С завершением процесса политико-административного освоения новых территорий и началом их хозяйственного освоения государство переходит к интеграционным мероприятиям, реализацию которых должна была обеспечивать в том числе и Русская православная церковь.

В Сибири одним из камней преткновения в осуществлении данной задачи стал вопрос о поездках приходского духовенства для исполнения служебных обязанностей в отношении обеспечения его транспортом – подводами. Конфликты возникали как между представителями духовенства и населением, отказывающим в бесплатном предоставлении подвод, так и с местным чиновничеством, причем в масштабе всей Сибири. Не достигнув взаимопонимания, архиепископ Тобольский и Сибирский был вынужден обратиться за помощью к сибирскому генерал-губернатору М.М. Сперанскому²²², указав, что ранее духовенство пользовалось обывательскими подводами, «а ныне обыватели от дачи сих подвод отрекаются, под тем предлогом, что сие запрещено от земского начальства», отметив, что никакого финансирования данных поездок из государственной казны не предусмотрено, а «из церковных денег употреблять запрещено»²²³.

Необходимо отметить, что земская повинность была одной из наиболее тяжелых для податного населения, и иркутский

²¹⁹ Краткое житие Софрония, третьего епископа Иркутского. Иркутск, 1916. С. 8–9.

²²⁰ Архиепископ Нил (Н.Ф. Исакович) (1799–1874), окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, в 1838–1853 гг. – епископ, затем архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский, в 1853–1874 гг. – архиепископ Ярославский и Ростовский.

²²¹ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1673.

²²² Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), общественный и государственный деятель, реформатор, в 1819–1821 гг. – сибирский генерал-губернатор.

²²³ Якутские епархиальные ведомости. 1904. 16 февраля. № 4. С. 53.

гражданский губернатор Н.И. Трескин²²⁴ отмечал, что содержание подвод на почтовых трактах было «крайне тягостно по чрезвычайной обширности и ненаселенности губернии»²²⁵.

Сперанский, будучи автором «Правил о содержании обывательских и почтовых подвод», включенных в Устав о земских повинностях (1822), в ответ на обращение архиепископа указал на недопустимость запрета выдачи подвод и пояснил, что если население отказывается предоставлять подводы, то земское начальство обязано обеспечивать духовенство транспортом (благочинных и священников – 2 раза в год по 1 пароконной подводе; священников, проводивших следствия по делам духовного судопроизводства, и в случае чрезвычайных происшествий).

Казалось, что вопрос разрешен, но в 1824 г. в связи с введением в Сибири нового устава о земских повинностях было предложено изменить существующий порядок проезда духовенства, и якутский областной начальник Мягков сообщил духовному правлению, что теперь священники обязаны платить прогоны (оплата проезда) и брать подводы из тех селений, куда они направляются. Таким образом, священник должен был заблаговременно поставить в известность о намечающейся поездке земский суд, который в свою очередь должен был дать распоряжение прихожанам для доставки в город необходимых подвод. Предлагаемые нововведения были неприменимы на огромных просторах Якутии, где приходы охватывали сотни, а порой и тысячи верст и состояли из десятка-двух наслегов, родоначальники которых должны были собирать население на сход и общим приговором принимать решение о выделении подвод и только затем отправлять их за священником.

Якутское духовное правление негативно отнеслось к подобным изменениям и обратилось к епархиальному архиерею с просьбой оставить всё как прежде, чтобы священно-церковнослужители могли, по разрешению земского суда, пользоваться обывательскими подводами до ближайшего приходского храма,

²²⁴ Трескин Николай Иванович (1763–1842), действительный тайный советник, в 1806–1819 гг. – иркутский гражданский губернатор.

²²⁵ Якутские епархиальные ведомости. 1904. 16 марта. № 6. С. 87.

а затем совершать поездки на наследных лошадях. Вопрос был передан на рассмотрение иркутского губернатора, отменившего в итоге распоряжение областного начальника.

Но конфликт вновь не был исчерпан и перешёл на местный уровень. В 1827 г. вилюйский окружной исправник Федоров сделал распоряжение не пропускать сунтарских²²⁶ священнослужителей в «иноверческие стойбища» и не давать им подвод без его письменного разрешения. Подобные факты встречались и ранее. Так, осенью 1826 г. областной начальник запретил олекминскому священнику выезд на ярмарку на р. Бача, где собирались тунгусские племена и роды. Более того, местная гражданская власть предпринимала попытки вмешательства и в непосредственную деятельность церкви. В 1828 г. Жиганская инородная управа выступила с предложением сократить причт Жиганской Николаевской церкви до одноклирного (священник и причетник) с целью уменьшения расходов на их поездки. В ответ духовное правление вновь обратилось за помощью к архиерею «для разрешения вопроса должны ли священники подчиняться распоряжению светского начальства?»²²⁷.

Таким образом, взаимоотношения светской и духовной властей в Якутии основывались на общих интересах в выполнении государственных задач, но отдаленность якутской окраины способствовала всевластию воевод, когда представители духовенства попадали в зависимость от личных качеств людей, возглавляющих уезд. После включения территории Якутии в состав Иркутской епархии появилась возможность прибегать к помощи епархиальных архиереев, а затем и созданного в Якутске духовного правления. Возможность решать возникающие проблемы предоставляли архиерейские визиты. Территориально-климатические условия проживания в Якутии приводили к трудностям в служении духовенства, одной из обязанностей которого был объезд своей паствы, и местная гражданская власть предпринимала попытки сокращения расходов за счет ограничения поездок приходских священников, что представляется региональной спецификой взаимоотношений светской и духовной властей.

²²⁶ Сунтарский улус входил в состав Вилюйского округа Якутской области Иркутской губернии.

²²⁷ Якутские епархиальные ведомости. 1904. 1 сент. № 7. С. 267-268.

Создание и специфика приходской организации

Приходом принято обозначать церковный округ, имеющий храм с причтом. В Русской церкви приходы существовали с начала ее истории и оказывали значительное влияние на жизнь православного населения. Приходская община проводила собрания (сходы), избирала священников, дьяконов, церковного старосту, заведовала принадлежащим приходу имуществом, контролировала поведение прихожан, боролась с суевериями и аморальными явлениями, заботилась о благоустройстве храма, и эти функции были сформированы не путем законодательного оформления, а исторически. Приходы являлись фактически самостоятельными территориальными церковными единицами, и некоторые исследователи отождествляют их с главным мирским органом самоуправления²²⁸.

В синодальную эпоху приходская община подверглась и государственной, и церковной регламентации, её положение изменяется прежде всего когда ликвидируются элементы выборности. Утратив контроль над деятельностью клира, приходы становятся государственными церковными организациями. В XIX в. устройство приходов регулировалось Уставом духовных консисторий, инструкциями благочинным (1857 г.), церковным старостам (1888 г.), настоятелям церквей (1901 г.) и указами Синода. Учреждение и закрытие приходов, регламентация их размеров стали прерогативой Синода, а право установления границ приходов предоставлялось епархиальному архиерею.

Приход находился под пастырским руководством приходского священника, настоятеля и главы прихода, назначаемого епархиальным архиереем. Полномочия священника излагались в ставленнической грамоте, прочтение которой на собрании прихожан рассматривалось как акт введения в служение. Помощниками приходского иерея являлись диакон и низшие клирики (пономари, дьячки, псаломщики).

Согласно выявленным сведениям, расписание приходов Якутского заказа соотносится с 1828 г. Вместе с тем установле-

---

²²⁸ Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913. 134 с.

но, что более двадцати приходских метрических книг датируются второй половиной XVIII – первым десятилетием XIX в., что свидетельствует о более раннем периоде деятельности приходских причтов.

Одной из основных должностных обязанностей приходских клириков было ведение метрических книг, т. е. конфессиональных актов гражданского состояния причта, и именно метрики позволяют составить представление о количестве приходов края в конце XVIII – начале XIX вв. На основании изучения и анализа записей метрических книг можно утверждать, что к концу XVIII в. в Якутском заказе действовало 19 приходов, к середине XIX в. – 40 приходов, в которых систематически велась метрическая отчетность.

В отличие от территории Сибири, где в XVIII в. «церкви строились во множестве» в связи с активной колонизацией региона, формирование приходов Якутии связано с военно-административным освоением территории и перманентной христианизацией местного населения. Храмы возводились как на государственные дотации, так и на средства, собранные прихожанами и выделенные меценатами (дворянами и купечеством). Большинство дел о строительстве церквей в Сибири возбуждалось на основании обращений от прихожан, после чего местная духовная власть устанавливала количество дворов и прихожан, расстояния до ближайших храмов и давался или не давался указ о заложении церкви.

В Якутии в XVIII – начале XIX вв. решение о необходимости строительства храма принималось совместно светской и духовной властями в связи с увеличением численности крещеных инородцев. Будущим прихожанам предлагалось взять на себя расходы по строительству и содержанию храма, и в случае их согласия составлялся «общественный приговор», направляемый вместе с ходатайством в епархиальные органы.

К концу XVIII в. в Прибайкалье действовал 81 приход, обслуживающий в среднем 1050 человек; в Забайкалье – 36 приходов, в Красноярском уезде – 37, Енисейском – 33 прихода²²⁹. Согласно «Ведомости о числе церквей Якутского заказа» за 1806 г.,

²²⁹ Санников А.П. Церковь, общество и государство... С. 246–247; Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 227–231.

в Якутском уезде действовало 19 церквей, т. е. приходов²³⁰. Строительство, перестройка и ремонт церквей производились с разрешения епархиального архиерея, на основании ходатайства или просьбы от прихожан и оформлялись общественным приговором (решением) с обязательной визой гражданских властей округа или наслега. Помимо этого прихожане брали на себя обязанности по строительным расходам, благоустройству и содержанию церкви, а также предоставлению домов (или квартир) и земельных участков для церковного клира. Городской (сельский) общественный сход или сход общины распределял «раскладку сумм» на строительство или ремонт храма, утверждал наделение клира земельными угодьями и кандидатуру церковного старосты²³¹.

Преобладающей категорией приходов Сибири были сельские приходы с прихожанами из крестьян и поселян. Для Якутии характерным является наличие 2 типов приходских общин: городской общины и общины крещеного местного населения, в т. ч. и сельской.

Первый тип был представлен населением областного и окружных центров. К началу XIX в. в г. Якутске действовало 5 градских церквей и приход Спасского мужского монастыря. Городские приходы имели стабильный состав прихожан, посещавших храмы и участвующих в проведении служб. Спецификой градских приходов является многочисленность паствы, когда, например, к приходу Градской-Николаевской церкви было приписано 3859 прихожан, причт Троицкого собора обслуживал 5577 прихожан. Понятно, что состав городских приходов превышал численность горожан, так как к нему были отнесены и жители расположенных вблизи наслегов и улусов. Протяженность приходов составляла более 1000 верст. Переписка якутского за-казчика и Иркутской духовной консистории содержит сведения о продолжавшихся по несколько месяцев поездках градских священников для объезда своей паствы.

Сословный состав прихожан г. Якутска начала XIX в. представляли разночинцы – 89,4%; статские – 1,72%; военные – 1,69%; купцы, мещане и цеховые – 0,72%; духовенство – 0,44%

²³⁰ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 30.

²³¹ Юрганова И.И. История Якутской епархии... С. 24–25.

и поселенцы – 0,22%. Необходимо учитывать, что это общая численность, т. е. все причисленные к данному сословию, в т. ч. женщины и дети. Социальная стратификация приведена с учетом группировки, представленной в исторических источниках. К духовному сословию отнесены протоиереи, попы, дьяконы, причетники, в т. ч. заштатные, и их жены и дети; к военным – штабс- и обер-офицеры, рядовые, солдаты, их жены и дети; к статским – вновь штабс- и обер-служащие, приказные служащие, их жены и дети; к дворовым – господские слуги, их жены и дети; к поселянам – крестьяне, их жены, дети и бобыли. Особый интерес представляет категория разночинцев, объединяющая дворян, детей боярских, казачьих сотников, казаков, ссыльных, крещеных инородцев, а также их жен и детей. Следовательно, исторические источники относят большинство населения областного центра к категории разночинцев, в т. ч. и крещеных инородцев²³²

Показательно отношение прихожан города к своим христианским обязанностям. Так, из 364 отнесенных к военному сословию только 13 указаны как не посетившие исповедь и причастие. Менее обязательными были прихожане из статских и купечества: 156 из 371 «статских» и треть представителей купечества не были ни на исповеди, ни на причастии. Из многочисленной и разнообразной (4064 души) группы городских разночинцев 14,8% посетили исповедь и причастие и более 30% не были ни на исповеди, ни на причастии. В целом, треть православного населения Якутска не исполняла основных христианских требований – исповеди и причастия. Контроль за посещением исповеди и причастия осуществляло духовное правление, ежегодно получая исповедные росписи и сведения о не посещавших исповедь.

Сельские приходы Якутии представлены как крещеными инородцами, ведущими полукочевой образ жизни, так и немногочисленным крестьянством. В 1806 г. сельские (инородческие) приходы насчитывали 14 храмов, территории приходов были огромными. И если на Русском Севере и в Сибири границы приходов в большинстве совпадали с волостной или сельской общиной, то в Якутии в начале XIX столетия границы были опре-

---

²³² НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

делены в зависимости от территориальной близости храмов. Особенностью приходов Якутии являлась малочисленность населенных пунктов, связанная с образом жизни населения, отсутствие транспортной схемы и сезонная недоступность мест кочевания.

Рис. 5. Объезд священником своей паствы

Согласно церковной статистике, самыми крупными по численности были Сунтарский (14560 душ) и Верхне-Вилуйский (11329 душ) приходы. Синодальным определением 1722 г. было регламентировано количество дворов в приходе: 100–150 дворов при одном храме с одним составом причта. Соответственно, нормой двухклирной церкви являлось наличие 200–250 дворов, а при 250–300 дворах церковь считалась трехклирной с тройным штатом священно- и церковнослужителей.

Территориально-климатические особенности Якутии предполагали иные условия служения. Количество дворов, приписанных к Сунтарскому храму в начале XIX в., составляло более двух тысяч (2415), они были распределены по 6 приходам, обслуживаемым 3 священниками и 6 причетниками. Таким образом, один священник причислялся к 2 приходам, что было недопустимо в центральных российских епархиях, но специфика проживания на севере и недостаточность духовных кадров диктовали особые условия служения.

Почти 6000 прихожан (5720), проживавших разрозненно и на значительном расстоянии от храма, числилось в двух приходах Верхоянской Благовещенской церкви, и остаётся только предполагать, как причт, состоящий из двух священников и двух при-

четников, мог в течение одного года посетить всех²³³. В то же время имелись и малочисленные приходы. В прошении священника Удской Николаевской церкви А. Конюхова от 1815 г. отмечается, что «в приходе в настоящее время жителей 12 человек... были четыре тунгусских наслега... после уничтожения в Удском комиссарства и вывода воинской команды... удалались за 600 верст... и никогда оттуда не приезжают»²³⁴.

В Иркутской епархии присутствовал дефицит духовных кадров. В конце XVIII в. в Иркутском духовном правлении оставались не занятыми 13% священно-церковнослужительских мест, Илимском – 34%, Якутском – 41%, Селенгинском – 48% и Нерчинском – 57%, и, следовательно, более половины мест были вакантными²³⁵.

Известно, что в начале XVIII в. приходское духовенство стало сословно замыкаться, следствием чего стала наследственная передача мест служения (или продажа этих мест). И если в целом по империи замкнутое духовное сословие не могло удерживать в себе всех, кто принадлежал к нему по рождению, то на отдаленных окраинах, в том числе в Якутии, хронический дефицит духовных кадров способствовал ещё большему сословному обособлению лиц духовного чина.

В 1828 г. на заседании иркутской духовной консистории был рассмотрен проект перераспределения инородцев и крестьян Якутской области по приходам²³⁶. В «Ведомости, показывающей сколько при каждой церкви полагается приходов, по числу оных священников и в какое время подлежит делать священникам в приходы выезды», подписанной начальником Якутской области Мягковым, указан 21 храм и имеется график поездок священников. Отмечалось, что границы приходов не должны изменяться без особых причин, запрещалось выделение из приходов «особых частей». Предусматривалось создание в перспективе 44 приходов, клир которых должны были составить 40 священников и 44 причетника²³⁷. Таким образом, в 1828 г. были определе-

²³³ ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 50. Л. 72-77.

²³⁴ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 94. Л. 1.

²³⁵ Санников А.П. Церковь, общество и государство... С. 125.

²³⁶ ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 142. Л. 2-3.

²³⁷ Там же. Оп.1. Д.50. Л.72-77.

ны уже формально действующие приходы Спасского монастыря, Троицкого собора и Градо-Якутских церквей, а оформление территорий сельских приходов завершится во второй половине XIX в.

По сложившейся в Сибири традиции поселенец имел право выбора (какой храм посещать), но в Якутии это право было только у городских жителей, и в связи с достаточно поздним формированием сельских приходских общин населенные пункты и роды закреплялись за той или иной церковью.

Рис. 6. Свято-Троицкий собор в г. Якутске

Отдаленность приходов, регулярные задержки поступления жалованья, дороговизна продуктов питания и их доставки способствовали возникновению практики поборов с прихожан, несмотря на установленные государством нормы оплаты за требы (3 копейки за крещение, 10 – за венчание и погребение). В 1806 г. в духовное правление поступило прошение жителей Оспетского наслега Борогонского улуса о «притеснениях и поступках» священников Охлопкова и Громова, где приводились данные о поборах за крещение (по 5 рублей), исповедь и молитвы (по 40 копеек), «за отпев прежде погребенного Стефанова... взял

1 корову». Прихожане жаловались, что священнослужители «не внушают им Слово Божие» и указывали, что священника Громова «иметь у себя не желаем»²³⁸.

В 1821 г. на заседании Синода было заслушано отношение министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына «долгом сообщать Его Преосвященству (т. е. Иркутскому), [что] некоторые священнослужители Иркутской епархии имеют ... наличные выгоды в области Якутской, ... где обращенные к православию дикие народы еще младенчают в своей вере ... священнослужители вместо терпеливого учения и объяснений правил веры спешат пользоваться простодушием якутов, навещают в отдаленных селениях их, единственно чтобы собирать плату и не проводя ни одной требы во время, отпевают умерших которые более года уже преданы земле, ... отмечают в записи бывшими на исповеди и устно причастившихся тех, кого никогда не видели... Вместо искоренений этих злоупотреблений некоторые священнослужители в пост иногда берут соболями и лисицами, они доставляют им табак и крепкие напитки и, пользуясь их наклонностями к вину, поддерживают эту порочную слабость, дабы вынудить с них деньги...». В последовавшем затем распоряжении иркутского архиерея указывались те, кто был уличен в подобных проступках, и, следовательно, ему были известны данные факты. Виновные были подвергнуты штрафу (10 рублей), а также внушению «что впредь неминуемо и гораздо строже будут оштрафованы»²³⁹.

При возникновении подобных ситуаций церковные власти всегда стремились к разумному компромиссу с верующими. Якутским духовным правлением было начато следствие, но в связи с недостаточностью духовенства вышеназванные иереи были подвергнуты штрафам и перемещены к другим приходам, что косвенно подтверждается специальным Указом Синода в отношении якутского духовенства.

Позднее формирование приходской общины и дефицит духовных кадров при особенностях территориально-климатических условий служения обусловили отсутствие традиционных элементов православных приходов, в том числе права подбора

²³⁸ НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 26. Л.3.

²³⁹ Там же. Ф. 232-и. Оп. 1. Д. 10. Л. 6-30.

и найма приходского духовенства. Фактов избрания священнослужителей «на приход» не выявлено, они назначались духовной властью в лице иркутского архиерея по представлению якутского духовного правления. Более того, в случае когда иерей не находил взаимопонимания со своими прихожанами, механизм его замены был сложен и долговременен, так как предусматривал рассмотрение данного вопроса и в Якутске, и в Иркутске. Тем не менее при хронической нехватке духовенства не имеется данных о назначении на церковнослужительские должности представителей других сословий, что также свидетельствует о замкнутости местного духовенства. Не нашла применения и достаточно широко используемая в Восточной Сибири практика «договорных писем», когда претендент на чин священника давал прихожанам письменное обещание «быть с ними в согласии».

Имело место изменение в деятельности церковных старост. В «Инструкции церковным старостам» (1842) указывалось, что староста – поверенный прихожан церкви, выбранный для хранения церковных денег, хранения церковного имущества, и только он имел право заниматься продажей свечей и осуществлять кошельковые сборы во время проведения служб.

В Якутии старосты избирались во всех приходских храмах и затем утверждались духовным правлением²⁴⁰. Правление имело право отклонить предлагаемую кандидатуру и потребовать проведения новых выборов. И если в Сибири духовное начальство «неукоснительно требовало наличие письменного приходского выбора – приговора схода», то в Якутии сообщение о выборе старосты было обязанностью приходского священника, дававшего в своём письме краткую характеристику избранного²⁴¹.

Источники позволяют установить персональный состав старост церковей Якутской епархии и сделать вывод об избрании на эти должности уважаемых и почетных инородцев, выступавших связующим звеном между причтом и паствой. Вместе с тем выполнение обязанностей старосты было затруднительно для инородцев, так как, будучи неграмотными и проживая на значительных расстояниях от церкви, они не имели возможности заполнять церковные книги и составлять отчеты. Позднее, во

²⁴⁰ ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4262. Л. 1-6.

²⁴¹ Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община...С. 100.

второй половине XIX в., по ходатайствам свт. Иннокентия (Вениаминова) специальным указом Синода (1862) было разрешено заменять избрание церковного старосты в Камчатской епархии (и входящей в её состав Якутии) денежным сбором, гарантировавшим дополнительный доход причту²⁴².

В связи с кочевым и полукочевым образом жизни значительной части якутской паствы присутствовала региональная специфика в деятельности института приходского схода, являвшегося главным органом православной общины. Парадоксально, но в источниках не выявлено сведений о проведении сходов при градских храмах в XVIII – первой половине XIX вв., тогда как присутствуют немногочисленные сельские приговоры, скрепленные подписями и печатями родовых старост. Учитывая многочисленность прихожан, можно предположить, что участие в сходах принимала небольшая часть из них, представленная родовой верхушкой, но итоговые документы сходов – приговоры считались правомочными и прилагались к различного рода ходатайствам и прошениям, направляемым как в церковные, так и в гражданские учреждения.

Исполнение христианских обязанностей паствы сельских приходов, большинство населения которых составляли инородцы, значительная часть которых уже была крещена, по данным якутского заказчика, в этот период оставляет желать лучшего. Миссионеры крестили инородцев, не обучив их основам веры, и дальнейшее «приведение в веру» являлось задачей приходского клира. В целом, церковная статистика фиксирует, что большинство прихожан – 76,3% – ежегодно исповедовались (без причастия), 22,8% и не исповедовались, и не причащались и, соответственно, только 0,9% (т. е. менее 1%) исправно выполняли свои христианские обязанности.

Приходское духовенство применяло различные способы для привлечения прихожан в храмы, главными из которых были разъяснения и увещевания.

Таким образом, формирование приходских общин в Якутии происходило в условиях огосударствления церкви и строгой регламентации её деятельности, в связи с чем не были использова-

---

²⁴² НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2108. Л. 14-15.

ны традиционные элементы приходской деятельности, такие как выборность клира, и у якутской паствы не сложилось мнения о правомочности контроля за деятельностью приходской общины. В свою очередь, назначаемый и обеспеченный государственным жалованьем клир не был зависим от прихожан, а недостаточность духовных кадров способствовала злоупотреблениям со стороны приходского духовенства. Вследствие неграмотности и разбросанности мест проживания основной части прихожан были значительно сокращены функции церковного старосты в инородческих приходах.

Кроме того, территориально-климатические характеристики Крайнего Севера обусловили иные условия деятельности приходов. Преобладающим типом приходов являлись инородческие, характеризующиеся значительностью территории и численности прихожан. Малое количество храмов на огромной территории, неопределенность границ приходов, кочевой и полукочевой образ жизни населения вынуждали приходское духовенство большую часть своего служения проводить в объездах пасомых, и церковная статистика начала XIX столетия указывает, что только 30% православного населения области принимало участие в соблюдении основных христианских обрядов. Отношение прихожан к своим христианским обязанностям было связано прежде всего с местом их проживания и территориальной близостью храма.

Ассимиляционные мероприятия государства, осознающего важность приобщения окраинного населения к государственной религии как составной части социокультурного процесса, в последующем обеспечат организацию приходской жизни на территории Якутии в соответствии с нормами православия с учетом особенностей проживания в северных условиях.

Церковное администрирование в крае претерпевало изменения и, по мере расширения и укрепления православия на сибирских просторах, организационные формы Русской православной церкви приобретали единообразие и упорядоченность. Отдаленность Якутии приводила к позднему, но стабильному процессу создания управленческих церковных структур. Очевидно, что в 1731 г. – перв. пол. XIX в. деятельность духовных

управленческих структур находилась на стадии формирования и в дальнейшем в крае будет создана система органов и учреждений духовного ведомства, внесшая значимый вклад в интеграцию якутской окраины в российскую государственность.

Глава 2

Особенности региональной государственной политики в Якутии в период преобразований второй половины XIX в. – начала XX в.

2.1. Структура управления Якутской областью в середине XIX в.: областной начальник и губернатор

Важной целью государственной власти в области управления Сибирью являлось создание эффективной модели управления регионом. На протяжении XIX в. происходило изменение управленческой структуры окраинных территорий, немаловажную роль при этом играл ресурсный потенциал регионов, учет этнических и географических особенностей, величины управляемого пространства. Административная политика предполагала создание недорогого и эффективного механизма управления. Современные процессы непрерывающегося поиска наиболее эффективной формы управления регионами актуализируют обращение к историческому опыту организации управления.

Губернское управление являлось самой распространенной формой административно-территориального устройства в Российской империи, а губернатор – центральным звеном в системе местных органов власти²⁴³. В середине XIX в. в результате административных преобразований восточных окраин империи институт губернатора учреждается в Якутской области.

---

²⁴³ Дамешек И.Л. Типологическая характеристика и региональные особенности российских окраин XIX в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв. Иркутск, 2013. С. 228.

Губернаторское управление привлекало внимание еще до революционных авторов, рассматривавших юридические проблемы функционирования губернаторской власти и правовые основы деятельности. Ряд авторов являлись современниками происходящих событий, часть исследователей обратили внимание на необходимость особого управления для специфичных сибирских окраин²⁴⁴.

Активизация исследовательского интереса к проблемам местного управления губерний и областей Российской империи наблюдается в советский период²⁴⁵. В трудах Ф.Г. Сафронова подробно проанализировано административно-территориальное устройство и управление Якутской областью до середины XIX в. Выявлены и систематизированы имеющиеся сведения об управленческом звене Якутской области²⁴⁶.

В современной российской историографии, в связи с непрерывным поиском эффективной формы регионального управления, уделяется большое внимание изучению имперского регионализма, проблеме взаимодействия центра и периферии. Исследователем И.Л. Дамешек выделено три типа управления окраинами: политическая автономия, административная автономия и третий тип – наличие общеимперской государственной администрации на всех уровнях. По данным характеристикам Якутская область относится к третьему типу²⁴⁷. Исследователи обращают внимание на опыт управления областью отдельных губернаторов, подчер-

---

²⁴⁴ Приклонский В.Л. Летопись Якутского края. Красноярск, 1896; Попов Г.А. Сочинения. Т. V. Якутск, 2010; Павлинов Д.М., Виташевский Н.А., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. Явловский П.П. Летопись города Якутска от его основания до настоящего времени. Т. I (1632–1800). Якутск, 2002; Т. II. (1801–1914 гг.). Якутск, 2004.

²⁴⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

²⁴⁶ Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: КИФ «Ситим», 1993; История Северо-Восточной Азии: XVII – начало XX вв. Новосибирск: Наука, 2010.

²⁴⁷ Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков/ А.В. Ремнев. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015; Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002; Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005; Архипова А.И., Дамешек И.Л. Северо-Восток Сибири в сегменте правительственной политики конца XIX – начала XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2015. № 11. С. 58-64.

квивают роль личности в истории региона²⁴⁸. При этом в историографии проблемы имеется некоторый пробел, не проанализированы отличия в функционировании органов власти. Отсутствуют работы, освещающие введение должности губернатора в Якутской области как оптимального института власти для удаленного, малонаселенного региона Российской империи.

Для раскрытия затронутой проблематики использован ряд источников, среди которых большое значение имеют нормативные акты, содержащиеся в первом и втором собраниях «Полного собрания законов Российской империи». Законодательные акты рассматриваемого периода можно условно разделить на регламентирующие территориальное устройство и административное управление сибирских окраин. Законодательство определяло политику государства по отношению к окраинам, регулировало ее территориальное разделение, структуру и состав органов местного управления. В нем отражались административно-территориальные изменения, оно регламентировало полномочия и обязанности должностных лиц. Основными используемыми нормативными актами стали: «Об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления» 1805 г.; «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г.; «Общий наказ гражданским губернаторам» 1837 г.²⁴⁹; «Положение об управлении Якутской областью» 1851 г.²⁵⁰

---

²⁴⁸ Павлов А.А. Губернатор Крафт. Якутск. УРАН ИГИ и ПМНС СО. 2-е изд. Испр. и доп. Якутск: Бичик, 2011. 208 с.; Калашников А.А. Первый якутский губернатор // Якутский архив. 2001. № 3. С. 88-93. Матханова Н.П. Юлий Иванович Штубендорф: губернатор на фронтире и исследователь Сибири // Немецкий этнос в Сибири: альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2002. Вып. 3. С. 90-98; Калашников А.А., Светлицкий К.Н. // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. С. 69-72; Павлов А.А. И.И. Крафт // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. С. 78-84; Павлов А.А., Р.Э. фон Витте // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. С. 84-91; Архипова А.И. Губернатор Якутской области В.Н. Скрыпичин: вопросы управления // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2011. № 1. С. 90-97; Архипова А.И. В.Н. Скрыпичин // Руководители Якутии. Якутск: Бичик, 2012. С. 72-78; Архипова А.И. Губернатор В.Н. Скрыпичин: опыт управления Якутской областью на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Материалы Первой Всероссийской молодежной научной конференции. СО РАН. Новосибирск, 2011. С. 138-144.

²⁴⁹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 12. Отд. 1. № 10303.

²⁵⁰ Там же. Т. 26. Отд. 1. № 25395.

«Учреждение для управления сибирских губерний» создало многоступенчатую систему государственного управления, просуществовавшую длительное время. «Наказ», несмотря на то, что был издан в первой половине XIX в., долгое время являлся основным документом, регламентирующим компетенции власти губернатора в Российской империи, вопросы назначения и увольнения, порядок подчинения губернатора и других чиновников. При этом на момент издания его действие не распространялось на Сибирский и Остзейский края, Кавказскую и Бессарабскую области как имеющие свои особые учреждения, а также на Грузию и прочие закавказские области. Положение об управлении Якутской областью состояло из 28 статей, оно закрепляло структуру областного управления и порядок подчинения должностных лиц, функционирование окружного управления и суда, порядок производства дел.

Система управления окраинами Российской империи, разработанная в период преобразований М.М. Сперанского в начале XIX века, со второй половины XIX в. перестала соответствовать требованиям времени. В период контрреформ происходит изменение в окраинной политике, правительство стремится к окончательной инкорпорации регионов в империю, их полной административной и культурной унификации.

Согласно Указу «О разделении Сибирских губерний на Западное и Восточное управления» Сибирь была разделена на две части с образованием генерал-губернаторств. Введение генерал-губернаторского управления в Восточной Сибири было продиктовано удаленностью территории от центра, ее пограничным положением, сложным этническим составом населения, наличием ссылки. Управление в генерал-губернаторстве имело четыре ступени: во-первых, управление главное, во-вторых, управление губернское, в-третьих, управление окружное и, наконец, управление волостное и инородное. Управление подразделялось на «общее» и «особенное», на Якутскую область было распространено «особенное» управление. Распространялось на территории, «кои по малому их населению и по роду обывателей» не могли быть отнесены к губерниям, а по «обширности их и удалению одного Окружного управления было бы для них недоста-

точно»²⁵¹. Здесь же появляется «упрощенный тип управления», когда гражданские и военные функции сосредотачивались в одних руках областных начальников. Подчинение выстраивалось таким образом, что областное начальство находилось в управлении Иркутского губернского правления, подчинялось Главному управлению Восточной Сибири, а по уголовным делам подавать жалобы и апелляции могло Сенату. Введение областного правления было обусловлено географической спецификой региона и малой плотностью населения.

С начала XIX в. во главе Якутской области находился областной начальник. В 1805 г. было учреждено Якутское областное правление. Особенное гражданское правление было учреждено «по великому пространству, разделяющему Якутский край от главного губернского начальства, дабы доставить обывателям сего края более удобства как в суде и расправе, так и в других отношениях к начальству»²⁵². Председателем образованного областного правления, состоящего из трех советников и областного стряпчего, был назначен якутский областной начальник. Во время его отсутствия обязанности председателя возлагались на старшего советника. Правление объединяло в себе функции полицейской и финансовой власти, подчиненной Иркутскому губернскому правлению, и судебной, подчиненной Сенату. Законодательно закреплено это было в разделе «Управление Якутской областью» в «Учреждении для управления сибирских губерний»²⁵³.

Таким образом, областное управление для Якутской области по «Сибирскому учреждению» 1822 г. являлось частью губернского управления, адаптированного здесь с учетом отдаленности и малонаселенности территории.

Деятельность областного правления состояла из общего управления, полиции, хозяйства и суда. Областное правление контролировало окружные места и при необходимости применяло меры взыскания, осуществляло надзор за полицейским устройством, готовило ежегодные отчеты о своей деятельности. В хозяйственном отношении областное правление отвечало за

²⁵¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29125. Ч. II. п. 321.

²⁵² Там же. Т. 28. № 21726. С. 1002.

²⁵³ Там же. Т. 38. № 29125. С. 374-375.

первоначальную смету и раскладку городских, земских, инородческих повинностей и потом представляло все в губернский совет. Областное правление рассматривало дела частной внутренней торговли, осуществляло контроль над исполнением правил о свободе торговли и жизненных потребностях. На этом полномочия ограничивались, во всех же других случаях областное правление исполняло поручения Казенной палаты, не вступая в непосредственное управление. По делам суда областное правление заменяло губернский суд. Уголовные приговоры направлялись иркутскому губернатору, при его несогласии отправлялись в Главное управление Восточной Сибири. В области отсутствовал областной прокурор, так как эта вакансия долгое время не была занята, ее упразднили, а его обязанности исполнял областной стряпчий, получающий полное прокурорское жалование. При рассмотрении уголовных дел он исполнял обязанности, характерные для губернского прокурора. В судебных и хозяйственных делах областное правление принимало решение по большинству голосов, а в делах полиции имело совещательные функции, при появлении разногласий исполняло предложения областного начальника.

При областном правлении числился областной землемер, ревизовавший деятельность окружных землемеров, а также канцелярия и архив. Якутское областное правление находилось в подчинении Иркутского губернского управления. При таком положении взаимодействие с центральной властью заключалось лишь в обращениях с жалобами и апелляциями по уголовным делам. Отсутствие самостоятельности в принятии решений, необходимость отправлять дела иркутскому губернскому начальству ограничивали фактическую власть областного начальника. Неудобство такой системы управления, отмечали и в Иркутске, доставление информации до якутского областного начальства через губернное управление приводило к медлительности в производстве дел. Иркутское губернное правление сделало представление в Сенат с предложением направлять предписания Сената и ряда других учреждений, касающиеся якутского областного начальства, напрямую. С 1840 г. издано постановление, согласно которому все отношения и требования по делам

полиции и суда направлялись в Областное правление, а хозяйственные дела – в Иркутскую Казенную палату. В свою очередь Якутское областное правление доставляло уведомления напрямую туда, откуда получало запросы.

Законодательно разъяснялось, что областное управление не является средним или дополнительным звеном между окружным и губернским начальством, а является частью губернского управления для действия на местах²⁵⁴. Поэтому областное правление также имело власть надзора и разрешения. С 24 декабря 1838 г. должности якутского областного начальника был присвоен V класс вместо VI.

Компетенции областного начальника включали десять пунктов. Областной начальник должен был проводить обозрение и ревизии общих и частных окружных управлений, контролировать производство дел и взыскание недоимок. Делать представление о назначении и увольнении чиновников, представление к наградам и поощрениям, составлять списки наличных чиновников. Помимо этого областной начальник должен был утверждать членов думы и городского суда, инородных старшин и начальников, волостных голов и старост. Лестную характеристику якутского областного начальника М.И. Миницкого приводит в своем труде В.И. Вагин: «Михаил Иванович Миницкий, бывший начальник Охотского порта, был человек умный и весьма распорядительный, и по мнению М.М. Сперанского мог бы быть исправным губернатором»²⁵⁵. В связи с дефицитом кадров и отсутствием альтернативного кандидата Сперанский старался оставить Миницкого на этой должности, несмотря на его просьбы об увольнении из Якутской области. При этом бескорыстие областного начальника считалось «не безупречным».

Начиная со второй четверти XIX в. происходит пересмотр системы государственных институтов, заложенной М.М. Сперанским, генерал-губернаторы активно предлагали новые границы административно-территориального устройства сибирского региона. Как отмечает Л.М. Дамешек, если в первой половине XIX

²⁵⁴ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29125. С. 387.

²⁵⁵ Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 годы. В 2 т./ сост. В.И. Вагин. СПб.: Тип. 2-го отд. Собст. ЕИВ канцелярии, 1872. С. 137.

в. в основе окраинной политики лежал принцип регионализма, то во второй половине начал преобладать «жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административных структур»²⁵⁶.

Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский (1835–1837 г.) разработал проект, направленный на усиление власти восточнее Байкала. Согласно его позиции, Якутская область, Приморские Охотское, Камчатское и Троицкосавское пограничные управления, расположенные далеко от Иркутска, нуждались в большей самостоятельности власти²⁵⁷. В 1836 г. генерал-губернатор посетил г. Якутск, исследовал кадровый состав областной администрации, в итоге отметил «неудачный» состав чиновничества. Основной причиной проблемы привлечения в область компетентных чиновников и даже сохранения на местах чиновников с «испорченной нравственностью» он назвал «бедное содержание»²⁵⁸. Чиновники в большинстве своем не имели состояния, фактически жили на жалованье, которое у рядовых служащих было очень маленьким, и лишь некоторые имели какое-либо хозяйство. Администрация отмечала, что в суровых условиях Якутской области чиновничество могло безбедно существовать только в случае родственных связей с местным купечеством или зажиточными инородцами. Генерал-губернатор резюмировал: «Из чиновников, занимавших классные должности, едва ли найдется двое, которые не были бы связаны родством с якутянами»²⁵⁹. Можно согласиться с данным утверждением — по имеющимся сведениям того периода, из 42 чиновников не состояли между собой в родстве только 8. Таким образом, вполне естественно, что родственные связи чиновников с местными купцами, инородцами, казаками накладывали отпечаток на общественную жизнь и приводили к приоритету материального благополучия. Изменение данной ситуации представлялось возможным посредством усиления местной областной

²⁵⁶ Дамешек Л. М. Сибирь в империи — империя в Сибири: этнический фактор в окраинной политике российской империи // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2012. № 4(8). С. 130.

²⁵⁷ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 185.

²⁵⁸ Шукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 225.

²⁵⁹ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С. 50.

власти. Для этого необходимо было освободить якутского областного начальника от подчинения иркутскому губернатору. Генерал-губернатор отмечал, что «губернское начальство, столь далеко пребывающее, не в состоянии там бывать, следовательно, для них можно сказать бесполезно»²⁶⁰. Помимо этого, чтобы сконцентрировать управление северо-востоком в одних руках, к Якутской области предлагалось отнести Приморские управления – Охотское и Камчатское.

С середины XIX в. на восточных окраинах империи активно происходит поиск оптимальной структуры административно-территориального деления. В 1840-е годы усиливается внимание правительства к сибирскому региону, преобладает стремление усилить контроль из центра. С ревизией в Восточную Сибирь направляется сенатор, тайный советник И.Н. Толстой. Программа этой ревизии была обширной, помимо Иркутска, включала Якутск, Кяхту и Нерчинск. Исследователи отмечают, что для Восточной Сибири она не имела больших последствий, однако наложила отпечаток на последующее развитие управления Якутской областью. Анализ проведенных в ее рамках мероприятий позволяет говорить о предпосылках расширения административной самостоятельности области. Сенатор, тайный советник И.Н. Толстой прибыл в Восточную Сибирь с семьей и командой молодых чиновников, в Якутске он провел около полугода²⁶¹. Прибывшие с ним чиновники помимо Якутска ревизовали Охотское и Камчатское приморские управления, Вилюйский округ, Олекминск и Киренск. По сведениям Н.П. Матхановой, в Вилюйский округ был направлен Голицын, который впоследствии должен был подготовить записку об итогах ревизии Якутского края²⁶². Во время ревизии было выявлено практически полное «расстройство» всех частей управления, существовавших в Якутской области. Несостоятельной была признана судебная власть, ревизия отметила

²⁶⁰ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. С. 191.

²⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 83. Д. 311. Л. 1-36; Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1237. Л. 1-52.

²⁶² Матханова Н.П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 57.

«слабое преследование и даже снисхождение к упущениям и злоупотреблениям должностных лиц и инородческих начальников»²⁶³. Кроме этого обнаружены нарушения в производстве дел в канцелярии областного начальника и правления. В материалах ревизии значится, что местная администрация не принимала никаких мер для развития в области хлебопашества, «несмотря на удобство к тому многих мест». Помимо этого в рапорте отмечалось, что «начальство не принимало меры к устранению притеснений родоначальников. И даже обнаруживало предосудительное к ним снисхождение...»²⁶⁴. В этот период должность областного начальника занимал И.Д. Рудаков, проработавший на данном посту более 10 лет. Ревизия охарактеризовала его службу как «неблагонадежную», был поднят вопрос о его отстранении. Впоследствии И.Д. Рудаков скончался, на его место был рекомендован и назначен иркутский губернский прокурор коллежский советник Н.Я. Каргапольцев. Таким образом, деятельность данной ревизии в области выявила недостатки в управлении краем.

В 1847 г. исполняющим должность генерал-губернатора Восточной Сибири был назначен Н.Н. Муравьев (1847–1861 гг.). При назначении он первым делом тщательно изучил все материалы, касающиеся Восточной Сибири, проанализировал их и подготовил доклад для императора. В нем выделил 12 основных «предметов», требующих внимания. Также в его преобразовательной программе было уделено место расширению административной самостоятельности Якутской области.

В 1849 г. Муравьев отправился ревизовать северный край, Якутскую область посетил весной и осенью 1849 г. проездом из г. Иркутска в Аян и Охотск, непосредственно в городе Якутске он пробыл около месяца. Якутская область привлекала генерал-губернатора прежде всего возможностью сухопутного сообщения на северо-востоке Азии, организацией снабжения Охотско-Камчатского края²⁶⁵. Северо-восток интересовал генерал-губернатора «обширностью и прикосновенностью» области к Охотскому морю. Изучение путей сообщения между Си-

²⁶³ РГИА. Ф. 207. Оп. 5. Д. 284. Л. 1.

²⁶⁴ Там же. Л. 12.

²⁶⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 1. Л. 1-2.

бирью с Камчаткой и Охотским морем представлялось крайне актуальным ввиду того, что Амур в этот период оставался недоступным²⁶⁶. Следующим стратегическим вопросом являлось перенесение Охотского порта. Помимо этого генерал-губернатор преследовал цель проконтролировать «степень и точность исполнения в этих отдаленных уголках Восточной Сибири законов, учреждений и служебных обязанностей по всем отраслям управления»²⁶⁷. Внимание было уделено и обнаруженному здесь золотоносному месторождению. Генерал-губернатор планировал выяснить положение жителей области, проанализировать возможность распространения среди местного населения земледелия, имевшего стратегическое значение, для прекращения спекуляций хлебом²⁶⁸. Выгоду их испытывали крупные скупщики-монополисты, еще М.М. Сперанский в своем отчете отмечал, что для данного региона крайне характерны злоупотребления и спекуляции, ярко проявлявшиеся тут при сборе ясака²⁶⁹.

Н.Н. Муравьев провел огромную аналитическую работу и сформулировал вывод о необходимости учреждения института губернатора в Якутском крае. В своих предложениях о преобразовании и устройстве Восточной Сибири он аргументировал неуместность существующего управления Якутской областью. Ее зависимость от иркутских губернских присутственных мест представлялась генерал-губернатору «унижающей, стесняющей и обременяющей» областное начальство. Помимо этого он отмечал, что такое подчинение ставит область в зависимость от «влияния и происков Иркутского торгового сословия»²⁷⁰. По заключению генерал-губернатора, правительство в первую очередь должно было обратить внимание на решение этого вопроса. Так как при текущем устройстве управления власть областного начальника и областного правления ограничивалась

²⁶⁶ Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002. С. 136.

²⁶⁷ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 884. Л. 87.

²⁶⁸ Там же. Ф. 560. Оп. 14. Д. 183. Л. 6.

²⁶⁹ Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления // Прутченко С. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. С. 15-17.

²⁷⁰ Там же. Л. 87.

пределами власти сибирских губернских управлений, то есть только текущими делами. Все более важные дела отсылались в Иркутск на рассмотрение губернатора и губернского совета²⁷¹. Денежные дела зависели исключительно от Иркутской казенной палаты. Такой порядок при учете расстояний и практическом отсутствии удобных путей сообщения порождал множество затруднений.

Во всей Сибири в целом остро ощущался недостаток в квалифицированных чиновничьих кадрах, повысив статус Якутской области, генерал-губернатор планировал привлечь сюда чиновника с высшим образованием и «безукоризненным взглядом» на управление. Н.Н. Муравьев предполагал соединить в Областном правлении все права Казенной палаты, избавить его от «неуместных судейских обязанностей»²⁷². Генерал-губернатор стремился поставить во главе области самостоятельного начальника, положение и власть которого соответствовали этому «важному» назначению. В результате ревизии генерал-губернатором была направлена в Петербург докладная записка с предложениями о переносе морского порта, упразднении Охотского приморского управления и присоединении Охотского края в качестве округа к Якутской области. Охотский край во главе с исправником стал округом Якутской области. Такое устройство на северо-востоке России просуществовало до образования Приморской области, после которого Охотский округ отделили от Якутии, включив в ее состав. Впоследствии якутские губернаторы неоднократно возобновляли вопрос возвращения Охотска в состав Якутской области, его обсуждение длилось более двадцати лет.

Именной указ о «новом устройстве некоторых частей» Восточной Сибири вышел 16 августа 1851 г. Якутская область была отделена от зависимости Иркутской губернии. Во главе области был назначен гражданский губернатор, который подчинялся непосредственно генерал-губернатору и Главному управлению Восточной Сибири. Согласно штатам и табели, губернатору назначено жалованье 2000 руб. и 2000 руб. столовых.

---

²⁷¹ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 81. Л. 12.

²⁷² РГИА. Там же. Л. 88.

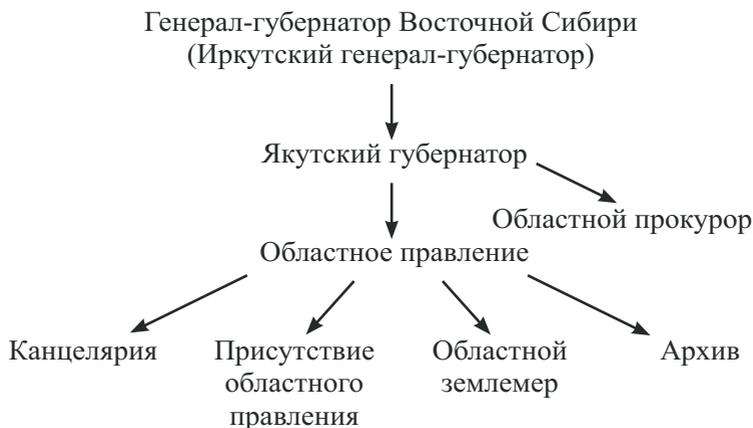

Рис.7

Полномочия губернатора регламентировались законодательными актами, изданными в разные периоды времени. Правовой статус и обязанности губернаторов определялись «Общим наказом гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г., в котором были обозначены все сферы общественной и социально-экономической жизни губернии. Губернатор считался «непосредственным начальником вверенной ему губернии» и «блестителем неприкосновенности верховных прав самодержавия»²⁷³. Согласно законодательству, губернатор должен точно и повсеместно исполнять законы, уставы и повеления, указы Сената, предписания вышестоящих начальств. Охранять общественное спокойствие, безопасность и порядок в своей губернии. Сохранять народное здравие и следить за обеспечением губернии продовольствием. Вести надзор за правосудием, немедленно исполнять все законные постановления и требования.

Главным предметом деятельности губернаторов был «надзор за правильным и успешным действием всех местных ее установлений»²⁷⁴. Губернатору непосредственно подчинялись медицинская, строительная и землемерная части. Решение Окружного суда по вопросам гражданских исков и тяжб, утвержденное губернатором, получало силу решения Сибирского губернского

²⁷³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 12. Отд. 1. № 10303. С. 361.

²⁷⁴ ПСЗ. Собр. 2. Ч. II. Ст. 623.

суда. Помимо этого губернаторы несли ответственность за обеспечение обороноспособности края.

В это время происходит некоторое расширение прав губернаторов, так, например, с 1856 г. генерал-губернатор мог увольнять или назначать начальников областных и губернских управлений только по представлению губернаторов²⁷⁵.

На функции, круг полномочий и предел власти якутского губернатора накладывали отпечаток региональные особенности территории. Учитывая географическое положение области, местное начальство отвечало за устройство имеющихся путей сообщения и развитие новых, содержание тюрем, этапирование ссыльных. Еще одной важной специфичной проблемой в деятельности якутского губернатора стало ограничение торговли спиртом, особенно остро эта проблема стояла в северных округах края. Устав об управлении инородцев предусматривал ответственность губернатора и за определение суммы сборов с инородцев, утверждаемой потом генерал-губернаторами²⁷⁶. Губернатор стремился участвовать в кадровых назначениях, формулировал свое представление о необходимых качествах для кандидатов на тот или иной пост. При открытии вакансии на должность советника по счетно-хозяйственным делам в области губернатор отмечал необходимость подбора кандидатуры именно из сибирских губерний – Иркутской либо Енисейской²⁷⁷.

Рассматривая организацию управления, отметим, что губернатор принимал письменные обращения от населения, кроме этого назначал дни приема «просьб и жалоб словесных». Во время обязательного обозрения округов губернаторы принимали жалобы от жителей и особенно от инородцев, составленные без определенной формы, на простой, не гербовой бумаге²⁷⁸.

Якутский губернатор, как и губернаторы других губерний, входивших в генерал-губернаторства, был ограничен в своих властных полномочиях более высоким звеном регионального управления – генерал-губернатором. В частности, он обращался к генерал-губернатору по вопросам назначения, увольнения, поощрения и пе-

²⁷⁵ ПСЗ. Собр. 2. Т. 31. № 31124. Ч. I. С. 990.

²⁷⁶ ПСЗ. Собр. 1. Т. 38. № 29126. С. 412.

²⁷⁷ НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 1. Д. 12327. Л. 13.

²⁷⁸ ПСЗ. Собр. 2. Ч. 2. С. 50 (ст. 329).

ремещения местных чиновников²⁷⁹. Однако говорить о сильной ограниченности его власти не стоит, так как он не был стеснен местными ведомственными учреждениями, органами земского и дворянского самоуправления, а также реформированного в 1864 г. суда, в отличие от губернаторов других частей империи.

При учреждении должности губернатора в Якутской области штат областного правления был расширен. Губернатор являлся председателем областного правления, делопроизводство которого распределялось по трем отделениям. Первое отделение занималось делами губернатора, определением, увольнением, наградами чиновников, делами внутреннего хозяйства, в том числе о расходах канцелярских сумм. Во втором отделении было сосредоточено делопроизводство областной полиции. Третье отвечало за хозяйственные и рекрутские дела. Для всей области был один окружной суд. Первое отделение возглавлял старший советник областного правления, оно включало три стола. Второе отделение состояло из двух столов и управлялось советниками, так же было устроено и третье отделение. Это было общее устройство областного управления в Сибири. Структура его включала областного землемера, младшего землемера, двух чертежников. Канцелярией руководил ассессор; она состояла из регистратора, эскутора-казначея, архивариуса и чиновников по особым поручениям. Ввиду того, что в области не было Казенной палаты и губернского суда, невозможно было организовать губернский совет в составе, характерном для сибирских губерний. Поэтому совещательные функции при областном правлении выполняло общее присутствие областного правления в составе старшего советника, двух советников и ассессора. При этом вопросы, касающиеся надзора за движением дел, по хозяйственному управлению гражданских ведомств, требующие разрешения по исполнению закона, обсуждались на общем присутствии губернатора с областным правлением и областным прокурором, где губернатор являлся председателем.

Определенным новшеством в структуре управления было включение в нее должности областного прокурора, обеспечивавшего государственный контроль над местной властью. Об-

²⁷⁹ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 295.

ластной прокурор осуществлял надзор за Областным правлением, окружным судом и полицией, его должностные полномочия соответствовали уровню губернского прокурора²⁸⁰. Несмотря на произошедшее увеличение штатов, по имперским меркам они не соответствовали губернскому уровню. При этом необходимо отметить, что довольно скоро стало заметно несоответствие уменьшенного личного состава новых учреждений с насущными потребностями края. На это стали обращать внимание как местная администрация, так и генерал-губернаторы.

Первым губернатором Якутской области был назначен действительный статский советник К.Н. Григорьев, который прибыл в область в апреле 1852 г. Опыт гражданской службы К.Н. Григорьева формировался в Кавказской области, Санкт-Петербурге, Оренбургской губернии. До назначения в Якутскую область он уже имел опыт работы губернатором в Костромской губернии, который закончился его отстранением. Данное назначение было сделано вследствие желания генерал-губернатора Н.Н. Муравьева удовлетворить просьбу графа Л.А. Перовского, который рекомендовал К.Н. Григорьева на эту должность. Окружение губернатора составляли ассессор областного правления И.Г. Яковенко, чиновник особых поручений Н.Д. Свербеев, чиновник Н.А. Налабардин. Областным прокурором при нем был назначен потомственный дворянин из Новомосковского уезда Екатеринославской губернии А.А. Ган. До приезда губернатора областью управлял старший советник якутского областного правления Бернгард Васильевич Струве, продолжавший фактически выполнять часть обязанностей за губернатора и при Григорьеве во время болезни последнего. В частности, это касалось обязательного обозрения округов, эти поездки совершал Струве. В воспоминаниях Б.В. Струве губернатор охарактеризован как «безусловно честный... человек уже пожилой, усталый», навлекший на себя гнев императора за события, произошедшие во время его управления в Костроме. В губернии разразился сильнейший пожар, после которого губернатор был отстранен от должности. По мнению Б.В. Струве, костромская трагедия сделала К.Н. Григорьева «робким, нерешительным и положительно

---

²⁸⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 26. Ч. 1. № 25395. С. 480.

непригодным для управления Якутской областью»²⁸¹. По свидетельству современников, Григорьев остался в Якутской области только для того, чтобы не возвращать подъемных и двойных прогонных. «Добродушный старик, до изнеможения утомленный продолжительным путешествием, не обинуясь сознавался в своем физическом бессилии для управления Якутской областью»²⁸². Одной из задач развития Якутской области Н.Н. Муравьев ставил развитие земледелия в округах. Губернатор К.Н. Григорьев издавал предписания для развития хлебопашества и стремился контролировать эти вопросы. Предписывал окружным исправникам принимать всевозможные меры для привлечения детей инородцев к обучению.

Крупной задачей в деятельности первого якутского губернатора стало заселение Аянского тракта. Н.Н. Муравьев обратился с представлением в Сибирский комитет с проектом заселения Аянского тракта между Якутском и Аяном. Данное предложение было утверждено, из Восточной Сибири появились желающие заселить данный тракт из Забайкалья. В связи с суровыми климатическими условиями, отсутствием продовольствия, неблагоприятными условиями для хозяйства переселенцы испытывали ряд трудностей. Впоследствии они были переселены в Приамурский край.

Помимо генерал-губернатора, губернатор и областное правление непосредственно находились в подчинении Главного управления Восточной Сибири, также принимали предписания от Сената и министерств, предоставляли им все требуемые дела и сведения²⁸³. Отдельно необходимо рассмотреть взаимодействие губернаторов с Министерством внутренних дел, которое к концу XIX в. пыталось усилить контроль над деятельностью губернаторов. Начиная с 1864 г. МВД предписало губернаторам еженедельно предоставлять записки, содержащие информацию о происшествиях в губерниях, происходящих недоразумениях, столкновениях и всех проблемах, которые могли заинтересовать министерство. В 1883 г. данную практику возобновил министр

---

²⁸¹ Струве Б.В. Воспоминания о Сибири: 1848-1854 гг. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1889. С. 131-132.

²⁸² Там же, с. 132.

²⁸³ ПСЗ. Собр. 2. Ч. II. Ст. 627.

Д.А. Толстой. Губернаторам предложили сообщать о «заслуживающих внимания постановлениях общественных и сословных учреждений, о готовящихся заявлениях», при этом представлять свое мнение о взглядах общественных деятелей подведомственной территории. В 1900 г. МВД предписало губернаторам обращаться с сообщениями конфиденциального характера, когда они посчитают это необходимым, не «стесняясь при этом никакими сроками и формами»²⁸⁴. При этом министерство обещало поддержку местной власти в деле «попечения и благосостояния» области, готово было принимать меры к устранению затруднений.

Министерство внутренних дел не теряло бывших губернаторов из поля зрения и после их отставки. В 1907 г. МВД конфиденциально обратилось к М.И. Трусевичу, директору департамента полиции, с просьбой проверить сведения о бывшем якутском губернаторе В.Н. Скрыпицыне. В министерство поступила информация, что бывший якутский губернатор является «сторонником так называемого освободительного движения» и высказывал взгляды, совершенно не соответствующие «ни его положению, ни общему направлению правительства»²⁸⁵. Трусевич отправил запрос ярославскому губернатору и начальнику губернского жандармского управления, полученный ответ резюмировал, что «неблагоприятных сведений о названном лице не имеется». Данная проверка касалась выступления В.Н. Скрыпицына на родительском собрании с докладом либерального характера, касающимся преобразований в современной школе.

С введением института губернатора усиливается информационная роль ежегодного отчета о состоянии дел в губернии, за представлением которого следило министерство внутренних дел. С середины XIX в. губернаторы могли отражать в нем собственную, не ограниченную требованиями формы характеристику состояния дел в крае. Таким образом, для местной администрации отчет являлся способом связи с центральной властью, благодаря неформальной части губернаторы поднимали ряд насущных для региона вопросов. Отчет являлся одним из показателей развития губернии (области) за год и был важнейшим по содержательности среди целого комплекса до-

²⁸⁴ ГАИО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 160. К. 190. Л. 5.

²⁸⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 150. Л. 16.

кументов. К императору отчеты поступали через I Отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, потом их отправляли на рассмотрение в комитет министров. Далее на заседаниях комитета министров шло обсуждение отмеченных императором резолюций и их исполнение. В циркулярном предписании министра внутренних дел якутскому губернатору в 1901 г. мы видим требование представлять отчет в канцелярию его императорского величества своевременно и направлять две копии отчета министру²⁸⁶. О роли и значимости отчета свидетельствуют пометы императора, оставленные после прочтения. Они способствовали продвижению того или иного вопроса. После императора отчеты отправляли на рассмотрение в комитет министров, на его заседаниях происходило обсуждение императорских резолюций.

Несмотря на введение института губернатора в Якутской области и освобождение местной администрации от зависимости от иркутского губернского начальства кадровый вопрос периферийной области не был решен. Проблема недостатка квалифицированных кадров являлась актуальной для всей Сибири. Министр государственных имуществ П.Д. Киселев, высказывая замечания по организации управления в Сибири, указал, что «состояние... администрации в такой отдаленной стране... зависит от привлечения туда хороших и благонамеренных чиновников»²⁸⁷. Такого же мнения придерживался генерал-губернатор Н.Н. Муравьев. Повысить привлекательность службы на окраинах пытались введением региональной системы льгот и привилегий. Для привлечения чиновников генерал-губернатор ходатайствовал о введении дополнительных льгот для служащих, отправляющихся в северные округа Якутской области: Колымский и Верхоянский. Перечень льгот был утвержден Александром II в 1859 г. и полагался канцелярским служащим и чиновникам, при назначении давался следующий чин, выплачивалось полугодовое жалованье, увеличенные вдвое от оклада прогонные, после пятилетия на службе предполагалось полуече-

---

²⁸⁶ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 15570. Л. 22.

²⁸⁷ Мамкина И.Н., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Программы развития системы образования в Азиатской России в материалах второго Сибирского комитета // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 93.

ние следующего чина и пособия при увольнении²⁸⁸. Несмотря на принятые меры, в Якутской области ощущался недостаток штатов управления и опытных чиновников.

Начиная с 70-х годов XIX в. местные губернаторы стали поднимать вопрос о необходимости учреждения в области должности вице-губернатора и открытия дополнительного отделения при Областном правлении²⁸⁹. В Российской империи должность вице-губернатора согласно Учреждению 1775 г. называлась «поручик правителя», он являлся председателем Казенной палаты и в отсутствие губернатора полноправно заменял его²⁹⁰. С изданием «Наказа» губернаторам 1837 г. статус вице-губернатора повысился, он был объявлен «старшим из четырех советников», вышедший в 1845 г. закон понизил его статус до «помощника губернатора, в особенности по отношению к губернскому правлению». В Якутской области при отсутствии губернатора его замещал старший советник областного правления. Должность вице-губернатора в Якутской области была введена одновременно с Приморской областью, в 1883 году. Вице-губернатор являлся вторым лицом в губернии, председательствовал в Областном правлении, замещал губернатора в случае его отсутствия. До учреждения этой штатной единицы губернатора заменял один из состоящих в ведении генерал-губернатора чиновников IV или V класса. В случае же кратковременного отсутствия «заведование делами... поручалось председательствующему в правлении старшему советнику»²⁹¹.

Вице-губернатор нес «ближайший и ответственный надзор по губернскому правлению; наблюдал за делопроизводством, благоустройством и порядком, в особенности в канцелярии присутствия и ее частях»²⁹². Помимо этого отметим, что вице-губернатор являлся председателем Областного правления, комитета Общественного здоровья, Якутского больничного совета, также выступал товарищем председателя комитета Якутского Благотворительного общества.

²⁸⁸ Казарян. П.Л. История Верхоянска. Якутск, 1998. С. 52-53.

²⁸⁹ История Якутии в отчетах якутских губернаторов. Якутск: Бичик, 2007. С. 68.

²⁹⁰ Институт губернатора в России: традиции и современные реальности. М.: РАГС, 1997. С. 29.

²⁹¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 26. Ч. 1. № 25395. С. 480.

²⁹² Там же. Т. 3. № 1398. С. 51.

Однако после появления должности вице-губернатора проблема недостатка штатов не была решена. В конце XIX в. иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин ходатайствовал о преобразовании областных установлений, изменении и дополнении штатов для Якутской области. Ощущался дефицит канцелярских служащих. Состав канцелярии Якутского областного правления признан «неудовлетворительным», выявлена пропажа дел, подписанные документы не отправлялись в течение года. Должности канцеляристов занимали в основном «исключительно местные уроженцы, нередко дети ссыльных», чины канцелярии «не дорожили своим местом»²⁹³. На протяжении всего исследуемого периода кадровый вопрос стоял крайне остро, что отражалось на функционировании всей системы управления областью.

Следующим важным результатом введения должности губернатора стало повышение административного статуса Якутской области. Впоследствии открывается Якутский областной статистический комитет, учреждается типография «по примеру прочих губернских правлений»²⁹⁴. По указу от 12 июня 1867 г. «Об учреждении общих окружных управлений в Сибири» в Якутской области образованы окружные полицейские управления. Они заменили собой окружные управления и состояли из окружного исправника, трех земских заседателей, секретаря, двух столоначальников и переводчика²⁹⁵.

Произошли изменения и на городском уровне управления. По предписанию Главного управления Восточной Сибири Якутская городская ратуша была переименована в Якутскую городскую думу, вместо бургомистра стал городской голова. Частная полицейская управа была преобразована в общую городскую управу. Таким образом, были усилены многие сферы жизнедеятельности области – административная, хозяйственная, финансовая, полицейская.

Введение института губернатора в Якутской области в середине XIX в. явилось следствием мероприятий правительства, направленных на унификацию управления окраинами Российской империи. Согласно «Учреждению об управлении Якутской областью», во главе ее назначен гражданский губернатор, местное начальство

²⁹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 66. 1901 г. Л. 299.

²⁹⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. 34. № 34577. С. 544.

²⁹⁵ Там же. Т. 43. 1868. № 45441. С. 74.

освободилось от зависимости от иркутской администрации. Губернатор стал «непосредственным начальником» области, подчинявшимся напрямую генерал-губернатору, исполнявшим предписания ГУВС, Сената и МВД. Происходит расширение структур областного правления, увеличение штатов чиновников. Однако, ввиду свойственной имперскому регионализму экономии расходов на организацию управления, вводится «упрощенный» порядок ведения дел, недостатки которого проявляются уже во второй половине XIX в.

Функции губернатора были более широкими в сравнении с областным начальником, губернатор не представлял никакой отчетности иркутскому губернатору. С введением должности губернатора коллегиальных органов в Якутской области создано не было, контроль осуществлялся лишь прокурором, и это обстоятельство усилило власть губернатора: несмотря на зависимость от генерал-губернатора, представляющего главный региональный уровень власти, губернатор являлся главным звеном местного управления. В области не было создано земских учреждений, ограничивающих губернатора. На губернатора возлагалась личная ответственность за благосостояние населения и состояние всех частей управления в области. Также он осуществлял контроль над устройством внутреннего управления в городах и селениях, общим благоустройством, пожарной безопасностью, народным продовольствием и общественным призрением, хозяйством и здравоохранением. Помимо пребывания в областном правлении, губернатор являлся председателем целого ряда учреждений. Круг ответственности губернатора включал содержание тюрем, этапирование ссыльных, контроль размеров налогообложения инородческого населения, утверждение должностных лиц, управляющих инородцами.

Географическое положение области, неразвитость имеющихся путей сообщения в ряде случаев способствовали большей самостоятельности местных губернаторов и в зависимости от их личных качеств и взглядов способствовали решению тех или иных вопросов развития края. Губернаторы Якутской области активно использовали потенциал ежегодных отчетов как способа связи с центром, указывая в них на проблемы и потребности области.

2.2. Деятельность Якутского областного правления по внедрению системы кредитной поддержки населения во второй половине XIX века

Финансово-кредитная система составляла одну из основ государственной экономической политики Российской империи. Переход экономики к рыночным отношениям, наметившийся в пореформенный период, ускорил процессы совершенствования всех хозяйственных сфер страны. Это оказало существенное влияние и на формирование финансово-кредитной системы, вступившей в этот период на совершенно новый этап своего развития. В современной российской историографии, с учетом значимости финансово-кредитной системы в экономическом развитии России, уделяется большое внимание изучению вопросов управления развитием кредитных учреждений, рассмотрению проблем их становления в дореволюционный период. Существующая научная литература об опыте формирования кредитной системы в Российской империи всесторонне отражает основные этапы и направления деятельности царского правительства по формированию единой финансово-кредитной системы страны. В работах современных исследователей представлен широкий анализ деятельности правительственных органов по созданию законодательной основы развития кредитной системы, различных аспектов организационной и управленческой работы, связанных с особенностями российской экономики того времени²⁹⁶. При этом переломным этапом в формировании

---

²⁹⁶ Матвеев В.В. Основы формирования кредитной денежной системы Российской империи: историко-правовой аспект // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала РТА. 1998. № 3 (7). С. 327-353; Топорнин Н.Б. Особенности институционального развития и правового регулирования банковской системы Российской империи // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 136-146. Огрызкова Г.С. Государственная политика по организации системы сельского мелкого кредита в России в начале XX века. Исторический опыт // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева. 2013. № 2(18). С. 87-90; и другие.

финансово-кредитной системы Российской империи, включающей в себя и учреждения мелкого кредита, исследователи определяют период середины XIX в.²⁹⁷ По мнению исследователей, в развитии учреждений мелкого кредита и складывании финансово-кредитной инфраструктуры российской деревни имперского периода значительной являлась роль земских учреждений²⁹⁸. Исследователи обращают внимание и на то, что в XIX в. становление финансово-кредитной системы и банковского дела в стране сыграло существенную роль в деле создания благоприятных условий для перехода к рыночным отношениям на региональном уровне²⁹⁹. На рубеже XIX-XX вв. учреждения мелкого кредита получили широкое распространение в восточных регионах страны, на Урале и в Сибири³⁰⁰. Этот процесс происходил на фоне заметно усиливавшейся в Сибири тенденции «совершенствования государственного контроля экономики»³⁰¹. В связи с

²⁹⁷ Артемьев А.А. Основные причины, обусловившие развитие принципов формирования и функционирования банковской системы России в период с 1860 по 1917 г. // *Финансы и кредит*. 2008. №7(295). С. 74-78; Евланов В.В. Основные подходы российского государства к развитию банковской системы во второй половине XIX столетия // *Вестник научных конференций*. 2015. № 2-2 (2). С. 50-59; Селеев С.С. Государство и кредитно-финансовая кооперация // *Поволжский педагогический поиск*. 2016. № 2(16). С. 20-22; и другие.

²⁹⁸ Андреев С.А. Этапы становления земской кредитной кооперации в России // *Власть*. 2014. № 5. С. 134-137; Кобзева Т.А. Земские кассы мелкого кредита в контексте развития рыночных отношений в губерниях Среднего Поволжья в начале XX в. // *Власть*. 2014. № 12. С. 173-178; Мазилкина М.В. Роль земских органов самоуправления в развитии учреждений мелкого кредита в Новгородской губернии в 1870-1915 гг. // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2007. № 41. С. 11-16; и другие.

²⁹⁹ Дроздова Е. Учреждения мелкого кредита в белорусских губерниях (1840-1917) // *Банковский вестник*. 2007. С. 59-65; Зайцев М.В. Муниципальные кредитные учреждения Саратова последней трети XIX – начала XX вв. // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. № 1. Том 11. С. 101-107; Рыкова И.Н. Институциональное становление и развитие кредитных учреждений в дореволюционной России на Северном Кавказе // *Финансы и кредит*. 2007. № 6(246). С. 73-80; и другие.

³⁰⁰ Панова В.В. Политика Российского правительства по отношению к городским и общественным банковским учреждениям в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Омский научный вестник*. 2011. № 5 (101). С. 32-35; Катгина Т.А., Болонкина Е.В., Мариненко Л.Е. Общества взаимного кредита Сибири в начале XX в.: численность, структура управления и состав // *Былые годы*. Российский исторический журнал. 2015. № 38. Т. 4. С. 1047-1052; Пьянков С.А. Создание и функционирование сельских учреждений мелкого кредита на Урале в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Пермской губернии) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66. С. 38-49; и другие.

³⁰¹ Ермоленко Г.Н. Развитие финансового контроля над экономикой дореволюционной Сибири // *Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской*

этим исследование вопросов становления учреждений мелкого кредита в одном из наиболее отдаленных и труднодоступных регионов царской России – Якутской области может представлять интерес в качестве практического примера реализации политики государства, направленной на улучшение социально-экономического положения населения путем регулирования финансово-кредитных отношений.

На этапе становления финансово-кредитной системы России особую актуальность приобрели вопросы организации и управления банковскими и кредитными учреждениями со стороны государства. Главные направления работы органов управления в отношении деятельности учреждений мелкого кредита в этот период были определены действующими правовыми документами, среди которых особое значение для становления системы мелкого кредита получили Положения о крестьянских вспомогательных и сберегательных кассах, утвержденные министром государственных имуществ 7 марта 1840 г. Данные правительственные документы представляли собой одну из частей административных Положений 1837–1841 гг., составивших в своей совокупности реформу управления государственными крестьянами П.Д. Киселева. Согласно Положениям, сберегательные и вспомогательные кассы создавались для «собирания излишков крестьянских денег» и выдачи ссуд нуждающимся хозяевам. Средства касс должны были составить одну из основ создаваемого хозяйственного капитала, предназначенного для организации попечительских мероприятий и учреждения различных заведений, «полезных для сельского хозяйства». Помимо чисто хозяйственных и попечительских начинаний, кассы нацеливались и на формирование у крестьян новых социально-экономических норм, на приучение крестьян к бережливости, «увеличивающей материальные их средства и в то же время имеющей влияние на улучшение их нравственности»³⁰².

Положениями о крестьянских вспомогательных и сберегательных кассах 1840 г. были регламентированы вопросы орга-

---

России XVII – начала XX вв.: сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: РИПЭД, 2007. С. 305.

³⁰² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 43, 46.

низации управления кассами. В специальной главе «Об управлении вспомогательными кассами и сохранении капитала» была установлена четкая система управления деятельностью касс, определена ведущая роль государственных органов в управлении деятельностью касс и выстроена четкая иерархическая управленческая структура. Так, согласно Положениям, «п. 6. Крестьянские вспомогательные кассы состоят в заведывании палаты государственных имуществ; местное же управление оными предоставляется волостному правлению и особенно голове и заседателю по хозяйственной части под надзором окружного начальника». Положениями была определена и процедура распоряжения наличными денежными средствами касс: «п. 9. Наличная сумма ни в коем случае не должна превышать 500 руб. серебром. Если же накопятся суммы более сего количества и заемщиков в виду не будет, то волостное правление должно доносить о том по начальству палате государственных имуществ, которая делает немедленно распоряжение об отправлении свободных сумм в кредитные установления»³⁰³. Дальнейшее совершенствование структуры управления системой мелкого кредита в России было связано с принятием 1 июня 1895 г. «Положения об учреждениях мелкого кредита». Оно предоставило значительные права членам кредитных кооперативных учреждений, установив порядок, согласно которому управление делами кредитных товариществ возлагалось на правление, совет и общее собрание товарищества³⁰⁴.

Принятие Положений 1840 г. предоставило правовые основания для организации первых ссудных учреждений по типу вспомогательных касс и на территории Якутской области. Деятельность первых якутских касс осуществлялась в соответствии с условиями местной жизни и поэтому имела свои особенности. В начале 1860-х гг. среди крестьян Олекминского округа получили распространение сельские вспомогательные кассы, действовав-

³⁰³ Положения 7 марта 1840 года о крестьянских вспомогательных и сберегательных кассах, с дополнительными к ним правилами, утвержденными Министром финансов 25 декабря 1908 г. СПб.: Тип. М.Д. Ломковского. 1908. С. 4.

³⁰⁴ Терентьев А.В. Правовое регулирование организации и деятельности ссудо-сберегательных товариществ в конце XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 207.

шие под непосредственным финансовым контролем со стороны сельских управлений, возложивших на себя в том числе счетоводство в них. Заведующим на правах казначея назначался, как правило, один из почетных инородцев, так называемый попечитель кассы. Средства касс формировались из разных источников. Первые кассы, образованные в Олекминской инородной волости в 1862 г., были открыты за счет средств, пожертвованных состоятельными инородцами, несколько касс было открыто за счет средств, вырученных от продажи хлеба с общественной запашки. На открытие ряда касс были использованы заемные средства. Например, инородцами 2 Меитского общества «были заимообразно взяты 500 руб. у сородича их Дмитрия Максимова, которые вскоре ему и были возвращены, очевидно, из пожертвованных денег»³⁰⁵. В целом, деятельность первых сельских вспомогательных касс Якутской области находилась по преимуществу в руках частных лиц, отличаясь от ростовщической деятельности лишь сравнительно невысоким 6%-м сбором. Как правило, открытие касс согласовывалось с сельским общественным управлением, вместе с тем известен и пример получения официального разрешения на открытие кассы от государственного органа. Так, в 1866 г. Советом Главного управления Восточной Сибири было предоставлено право на открытие кассы Олекминского округа «на пожертвованные некоторыми из сих инородцев 2600 руб.». Касса предназначалась для выдачи ссуд за проценты, преимущественно инородцам Олекминского улуса, без осуществления приема вкладов³⁰⁶. Учредителем кассы выступил местный исправник Жуковский, поставивший задачу устранения обычной среди беднейших якутов практики сдачи в аренду своих покосов для получения денег на уплату податей, приводившей к разорению хозяйств³⁰⁷.

Отсутствие наличных денег у населения с каждым годом все более затрудняло процесс пополнения казны и сбора государственных податей, что приводило к росту недоимок населения Якутской области по уплате податей. Такое положение являлось главной причиной пристального внимания Якутского областно-

³⁰⁵ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 541. Л. 53 об. – 54.

³⁰⁶ Там же. Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 32 об.

³⁰⁷ Там же. Ф. 12-и. Оп. 1, Д. 20983. Л. 6 об. – 7.

го правления к проблеме организации системы мелкого кредита. Одним из первых примеров такого внимания областной администрации к деятельности ссудных касс является решение финансовых проблем, возникших с казачьим капиталом. Обратив внимание на то, что казачьему капиталу угрожал «упадок вследствие чрезмерной раздачи его в долги», «неумеренных, часто не целесообразных, безвозвратных расходов, превышающих доходность его», в 1866 г. губернатор А.Д. Лохвицкий (1865-1868 гг.) был вынужден вмешаться в деятельность экономического капитала (ссудной кассы) Якутского казачьего полка. Для решения проблемы губернатор распорядился «прекратить займы из него, запретив атаману входить с представлениями об одолжениях до тех пор, пока экономический капитал не возрастет настолько, чтобы из процентов его, не касаясь основных сумм, представлялась возможность делать ссуды»³⁰⁸. Свидетельством особого внимания областной администрации к вопросам распространения учреждений мелкого кредита являются и начавшиеся в 1860-е гг. мероприятия по обследованию их деятельности в условиях Якутии. Анализ состояния дел в действующих учреждениях мелкого кредита стал основанием для подготовки и направления генерал-губернатору Восточной Сибири представления от 7 сентября 1868 г., составленного по инициативе якутского губернатора В.К. Бодиско (1868–1869 гг.), касающегося учреждения в г. Якутске ссудо-сберегательной кассы. В последующем это представление положило начало подготовительным мероприятиям по открытию в 1881 г. ссудной кассы якутов³⁰⁹.

В 1870-е гг. внимание Якутского областного правления к организации деятельности учреждений мелкого кредита заметно усилилось, что было связано с проведением мероприятий по исполнению указаний, поступающих из министерства финансов России по вопросам организации и распространения на местах, в том числе и на территории Иркутской губернии, кооперативных кредитных товариществ. Кредитная кооперация стала совершенно новым явлением для российской экономики в целом. В основу дела образования кредитных кооперативов был поло-

³⁰⁸ Ан Т. Очерк об экономическом капитале Якутского казачьего полка // Ленские волны. 1915. 21 окт. С. 9-10.

³⁰⁹ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 28.

жен опыт деятельности кредитной кооперации, основанной Г. Шульце-Деличем в Германии в 1850 г., который послужил образцом для создания кредитных организаций в России. Первое ссудо-сберегательное товарищество в России было учреждено помещиками В.Ф. и С.Ф. Лугиниными в 1865 г. в с. Дароватове Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии. В 1869 г. начала свою деятельность близкая к ней по своей сути и принципам Феллинская ссудо-сберегательная касса в бывшей Лифляндской губернии. Главной особенностью, отличающей российские кредитные организации от кооперативов Шульце-Делича, являлась их ориентированность на кредитование крестьянских хозяйств.

За сравнительно короткий срок правительство России приступило к осуществлению мероприятий по распространению кредитной кооперации среди крестьян в рамках всей страны. Первым законодательным актом, направленным на регулирование деятельности кредитной кооперации в России, стало Положение, высочайше утвержденное 21 марта 1869 г. Согласно Положению, Комитет министров предоставил праву министру финансов, по соглашению с министром внутренних дел, на разрешение открытия кредитных кооперативов, организующихся по уставам, сходным с Рождественским товариществом и Феллинской кассой³¹⁰. Период с 1871 по 1878 гг., когда происходило становление кредитных кооперативов, характеризуется как время «первого расцвета», или «дворянский» период развития кредитной кооперации³¹¹. Примечательно, что на этом этапе инициативу по распространению идей кооперации в стране взяло на себя государство. Например, разрешение на открытие кредитного учреждения и утверждение необходимых Уставов было возложено на министра финансов России, по соглашению с министром внутренних дел.

Вскоре после вступления в силу Положения о кредитных учреждениях и утверждения 19 июня 1871 г. образца первого

---

³¹⁰ Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг./А.П. Корелин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 26, 36.

³¹¹ Бубнов И.Л. Формирование кредитной кооперации в России и ее нормативно-правовое регулирование до 1917 года // Вестник Финансовой академии. 1997. № 2. С. 43, 46.

«нормального», так называемого комитетского устава кредитных товариществ в России развернулась работа по распространению среди населения «народных кредитных учреждений»³¹². Во многих российских губерниях организационные вопросы по поддержке кредитных кооперативов решали земские учреждения. По состоянию на февраль 1872 г. в России «благодаря тому содействию, которое полезное это дело нашло со стороны земских учреждений» были утверждены уставы 66 ссудо-сберегательных товариществ. Новгородское земство одним из первых в стране назначило для выдачи товариществам в ссуду «немаловажный капитал», его примеру последовали другие земства³¹³. В тех же губерниях, где земства еще не оказывали заметного влияния на общественную и хозяйственную жизнь, а также по преимуществу в отдаленных от центра, окраинных территориях ответственность за дело внедрения кооперативных идей в экономику правительство возложило на государственные органы управления, губернские и областные администрации. Примером активной работы губернской администрации по внедрению кредитной кооперации среди местного населения служит деятельность Якутского областного правления в 1870-е гг. XIX века.

Весной 1872 г. Главным управлением Восточной Сибири в адрес Якутского областного правления была направлена копия предписания министра финансов России № 1944 от 28 февраля 1872 г. о необходимости создания на местах народных, всеобщих кредитных учреждений, «сходных в началах своих с Феллинскою кассою и Рождественским ссудным товариществом», а также принятия мер к тому, чтобы «полезные сии учреждения по возможности распространялись в подведомом Вам крае», говорилось в сопроводительном письме³¹⁴. К предписанию также прилагался примерный устав ссудо-сберегательного товарищества, определяющий его цели и условия деятельности. В соответствии с положениями устава товарищество предоставляло своим членам возможности получения процентов от сберегаемых ими сумм, а также для получения денежных кредитов

³¹² Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. / А.П. Корелин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 36.

³¹³ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 4.

³¹⁴ Там же.

«на возможно менее обременительных условиях». Членом кредитного товарищества мог стать любой житель «без различия сословий», но при этом членом товарищества можно было стать «не иначе, как если на прием его в члены Товарищества будет изъявлено согласие большинством голосов Поверочного совета (согласно §68) по закрытой баллотировке шарами»³¹⁵.

Непосредственный контроль за исполнением требований предписания возлагался на губернатора области. Руководствуясь этим, якутский губернатор В.П. де Витте (1869–1876 гг.) разослал в адрес окружных полицейских управлений предписание с требованием проведения среди русских крестьян и инородческого населения разъяснительных мероприятий по вопросам организации на местах ссудо-сберегательных товариществ. Согласно письму, от местных представителей областной администрации требовалось оказать содействие ознакомлению с Правилами местных жителей и принять меры к тому, чтобы полезные эти учреждения по возможности распространялись по вверенному управлению округу³¹⁶.

Первые результаты проведенной работы и организованных в округе обсуждений показали, что к вопросу о создании кредитных кооперативов население округа отнеслось довольно настороженно. Согласно донесениям Якутского окружного полицейского управления, поступавшим в областную администрацию в 1874 г., несмотря на все разъяснения о пользе кредитных учреждений, население не поддержало инициативу властей, фактически отказавшись от организации ссудо-сберегательных товариществ. Так, в донесении якутскому губернатору, направленном областным полицейским управлением по результатам проведенной работы, было сказано следующее: «Окружное полицейское управление имеет честь донести, что на предписание членов оного об учреждении названных товариществ в среде обществ по инородческим улусам инородцы улусов, состоящих в ведомстве Якутского округа, не изъявили готовности на учреждение между ними ссудо-сберегательных товариществ». В сообщениях с мест от организаторов кредитных товариществ также прозвучало большое сомнение по поводу возможности создания среди

³¹⁵ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 6.

³¹⁶ Там же. Л. 1-2.

населения Якутского округа кредитных учреждений. Подобные сомнения были вызваны главным образом неподготовленностью населения к участию в кредитных кооперативах – прежде всего по причине низкого уровня финансовой состоятельности якутских хозяйств. Так, окружное полицейское управление сообщало, что кредитное товарищество вряд ли сможет принести реальную пользу населению округа в силу того, что в полной мере пользоваться ссудами смогут «преимущественно только состоятельные якуты, а малосостоятельные – не будут иметь возможности занять денег на нужды свои, так как не в состоянии будут гарантировать занятой суммы». Далее следовало обоснование: «Если бы даже и каждый бедняк вздумал делать повременные вклады в кассу, хоть в самых малых размерах, то эти вклады будут недоступны впоследствии для займа этих же бедняков, так как они будут постоянно встречать, собственно, в этом неизбежное затруднение»³¹⁷.

В ответ на это в 1874 г. губернатор В.П. де Витте, выразив недоумение по поводу сложившейся ситуации, вновь направил якутскому окружному исправнику просьбу «более сочувственно» отнестись к этому делу. В своем предписании он обратился с убедительной просьбой «более обстоятельно разъяснить лично, или через участковых заседателей народонаселению Якутского округа – на общественных их собраниях, всю несомненную пользу этих учреждений и вообще отнестись к настоящему делу более сочувственно, оказав свое энергическое содействие к направлению сего обстоятельства к ожидаемым результатам»³¹⁸. Работа по продвижению в Якутской области идеи создания кредитных товариществ продолжилась и в период деятельности управляющего областью Г.Ф. Черняева (1876–1875 гг.). Им также было выражено сомнение в степени усердия своих подчиненных в деле распространения кредитных учреждений в Якутии. По его мнению, «сельское и городское население Якутской области едва ли отказалось бы от устройства ссудо-сберегательных товариществ, если бы ему обстоятельно была разъяснена вся несомненная польза этих учреждений и вообще, если бы подлежащие власти отнеслись к настоящему полезному нововведению

³¹⁷ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 37-38 об.

³¹⁸ Там же. Л. 40-40 об.

более сочувственно». В подтверждение всех предшествовавших по этому предмету распоряжений якутского губернатора В.П. де Витте в своем обращении к якутскому окружному исправнику Г.Ф. Черняев потребовал «принять непосредственное участие в этом деле и всеми зависящими мерами содействовать распространению ссудо-сберегательных обществ»³¹⁹.

Для выяснения отношения местного населения к вопросам создания кооперативных товариществ в 1875–1876 гг. по инициативе областной администрации были организованы общие сходы жителей населгов Якутского округа, в ходе которых население смогло высказать свое мнение по многим волнующим его хозяйственным вопросам³²⁰. В приговорах сходов прозвучало мнение о целесообразности в условиях Якутии финансово-го укрепления и поддержки уже известных населению, более понятных и доступных ему ссудо-сберегательных, ссудных и вспомогательных касс. Так, по донесению якутского окружного исправника, согласно приговорам общественных сходов Западно-Кангаласского и Восточно-Кангаласского улусов инородческих управ, предложение об организации кооперативных кредитных товариществ поддержки не получило. Вместе с тем общественный сход Западно-Кангаласского улуса, состоявшийся 10–11 декабря 1875 г., внес предложение об организации ссудной кассы на средства размером примерно в 4 тыс. руб. серебром, вырученные от продажи общественных запасов сена. Инициаторами такого предложения были даже разработаны и представлены «Правила ссудной кассы, учрежденной инородцами Западно-Кангаласского улуса». В соответствии с «Правилами», касса создавалась с целью «доставить общественникам своим возможность получить проценты на сберегаемые суммы на покрытие непредвиденных общественных нужд, выясненных приговором всего улусного общества», а также иметь возможность «занимать необходимые деньги собственно инородцам Западно-Кангаласского улуса на возможно менее обременительных условиях». Кассу предполагалось основать в г. Якутске при областном казначействе под управлением головы, двух выборных и двух распорядителей от общества. Подобный капи-

³¹⁹ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 2681. Л. 4.

³²⁰ Там же. 1555. Л. 39-202.

тал было решено образовать и в Восточно-Кангаласском улусе Якутского округа³²¹.

В итоге, несмотря на все усилия Якутского областного правления по созданию ссудо-сберегательных кооперативных товариществ, в 1870-е гг. кредитные кооперативы среди русских крестьян и инородческого населения созданы не были. Главными причинами этого являлись низкий уровень экономического развития края, неподготовленность населения к осуществлению хозяйственных преобразований, отсутствие грамотных и компетентных организаторов кредитного дела. Тем не менее организационная и просветительская деятельность Якутского областного правления по распространению кооперативных идей среди населения оказала неопределимое положительное влияние на развитие хозяйственной жизни края. Важным практическим итогом работы, проведенной областным правлением в 1870-е гг., следует считать прежде всего открытие первого в Якутской области кооператива – ссудо-сберегательного товарищества в г. Якутске, устав которого был утвержден Министерством финансов 15 февраля 1877 г.³²² Свою работу городской кредитный кооператив начал 28 сентября 1878 г. и осуществлял ее в течение двадцати лет – до 1898 г.³²³, заложив основу для дальнейшего развития кооперации в Якутии. Следующим важным результатом мероприятий, инициированных Якутским областным правлением в 1870-е гг., стало повышение внимания областных органов управления к деятельности сословно-общественных учреждений мелкого кредита: вспомогательных и ссудо-сберегательных касс. Наиболее значительным практическим итогом работы областного правления по формированию системы учреждений мелкого кредита в 1860-1880-е гг. стало образование в 1881 г. ссудной кассы якутов.

Капитал, с которого начала свою деятельность ссудная касса якутов, был сформирован из средств, пожертвованных еще в 1821 г. Российско-Американской компанией инородцам Якутской области. По первоначальному замыслу жертвователей, средства «путем их постепенного приращения» предназна-

³²¹ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 2681. Л. 11-11 об.

³²² Там же. Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 15188. Л. 3 об.

³²³ Там же. Л. 16; Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 6353. Л. 68.

лись для поддержки якутов, занятых перевозкой тяжестей по Охотскому тракту, в случаях падежа лошадей. По состоянию на 1860 г. пожертвованный капитал с процентным приростом составил 36 400 руб. серебром. В связи с закрытием Охотского тракта Главное управление Российско-Американской компании распорядилось о передаче капитала в полное распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири «на другие потребности якутов, преимущественно же на выдачу беднейшим из них частных пособий». Решением генерал-губернаторства большая часть средств, в количестве 31 412 руб. 25 коп., была передана Гражданской больнице в счет недоимок за лечение якутов. Кроме этого сумма в размере 1 500 руб. была направлена на снабжение медикаментами всех больниц Якутской области. По мере приращения оставшегося капитала за счет процентных начислений предполагалось направлять средства из него на учреждение лечебных заведений и лечебниц в гг. Олекминске, Вилюйске, Верхоянске и Колымске. Для этого оставшийся капитал был передан в Банк Иркутского Сиротского воспитательного дома для приращения под 4% годовых, составив к 1 января 1872 г. 9 740 руб. В апреле 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861–1871 гг.) обратился к якутскому губернатору с просьбой подготовить соображения по вопросу применения оставшегося капитала на устройство в Якутской области таких учреждений «полезного назначения», как, например, больницы, приюты или ссудные кассы³²⁴.

В ответ на просьбу генерал-губернатора по инициативе гражданского губернатора В.П. де Витте Якутским областным советом было принято решение об учреждении в г. Якутске ссудо-сберегательной кассы. Вместе с тем с учетом особенностей устройства хозяйственной жизни в якутских условиях областной совет разработал проект Устава, в который были внесены особые требования к регламенту деятельности кассы. Прежде всего они коснулись вопросов управления кредитным учреждением, а также условий кредитования. Во-первых, касса должна была располагаться в г. Якутске при областном казначействе, управление ею должно было быть возложено на областное прав-

---

³²⁴ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 28-30 об.

ление при непосредственном распоряжении гражданского губернатора. Во-вторых, ссуды могли быть выданы «под верные ручательства» с платежом в пользу капитала из расчета 10% на 100. С учетом этого впредь при выдаче ссуды размер процента при увеличении основного капитала мог быть уменьшен до 6%. Размер ссуды одному лицу мог составлять не более суммы, равняющейся 1/20 части основного капитала, и выдавался на срок не более одного года. В целях материальной поддержки населения половина чистого дохода от поступивших в капитал процентов могла выдаваться якутам в безвозвратное пособие.

Рассмотрев предложенный Якутским областным советом проект Устава, в целях пособия якутам Совет Главного управления Восточной Сибири на заседании от 14 апреля 1872 г. нашел «полезным» учреждение ссудо-сберегательной кассы в г. Якутске. Представленный проект Устава кассы якутов Совет Главного управления решил направить на утверждение министра финансов с предложением утвердить его «в виде опыта на 3 года», а также уведомить об этом министра государственных имуществ³²⁵.

Наконец, после 13 лет прохождения процедур рассмотрения и согласований, в 1881 г. Якутским областным правлением было получено разрешение на открытие ссудной кассы якутов. В основу деятельности кассы был положен Устав, высочайше утвержденный 20 ноября 1881 г.³²⁶ В соответствии с Уставом, ссудная касса якутов Якутской области создавалась для вспомоществования якутам «в случаях физических бедствий, для поддержания и развития их домашнего хозяйства и промышленности, а также для выдачи беднейшим из них безвозвратных пособий». Касса получила право выдавать ссуды и безвозвратные пособия «исключительно якутам и преимущественно тем из них, которые будут нуждаться в оных для продовольствия».

В основу Устава кассы были положены правила, ранее разработанные и представленные Якутским областным советом на рассмотрение вышестоящих органов. За основу создания кассы были взяты действовавшие в стране общие требования к процедуре открытия ссудных учреждений, согласно которым

³²⁵ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 1555. Л. 31-33.

³²⁶ Устав о ссудной кассе якутов Якутской области. Якутск: Типография Якутского областного правления, 1899. С. 1.

организация делопроизводства учреждений мелкого кредита в губернских и областных городах, в которых не имелось учреждений Государственного банка, могла возлагаться на усмотрение губернатора³²⁷. Этим объяснялись отличия положений устава ссудной кассы якутов от действовавших на тот момент в стране примерных и образцовых уставов, утвержденных министром финансов и рекомендованных управлением по делам мелкого кредита Государственного банка России. Существенные отличия требований Устава кассы якутов коснулись в первую очередь положений об управлении делами ссудной кассы. По существу, Уставом кассы якутов была сформирована строго централизованная государственная модель управления кредитным учреждением, без образования правления кассы, учета мнения учредителей и тем более – мнения заемщиков. Областное правление практически полностью возложило на себя функции управления и распоряжения капиталом кассы.

Согласно требованиям Устава ссудной кассы якутов, областное правление несло полную ответственность за соблюдение Устава и осуществляло контроль за исполнением правил Устава местными органами власти. Все делопроизводство ссудной кассой якутов по выдаче, взысканию ссуд и назначению пособий, ведение отчетности по всем операциям были сосредоточены в хозяйственном отделении Якутского областного правления. Областное правление фактически единолично решало вопросы назначения ссуд заемщикам и пособий беднейшим якутам, а также регулировало процедуру отсрочки платежей. Правление контролировало своевременное поступление взносов за выданные ссуды, имело право на взыскание взносов с «неисправных плательщиков и их поручителей». Только согласно постановлениям Якутского областного правления определялись взыскания к неплательщикам. Отчет об операциях ссудной кассы представлялся областным правлением непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири³²⁸.

³²⁷ Сборник по мелкому кредиту: (Законоположения, образцовые уставы, административные распоряжения, операционные правила, сенатские решения, практические советы и указания). Сост. С.В. Бородаевский. 6-е изд., доп. и испр. Петроград: Изд-е Петрогр. отд. Ком. о сел. ссудосбер. и пром. т-вах, 1915. С. 13.

³²⁸ Устав о ссудной кассе якутов Якутской области. Якутск: Типография Якутского областного правления, 1899. С. 6-8.

Согласно Уставу, ссуды выдавались податным якутам на сроки от трех месяцев до одного года, в размере не менее 10 и не более 150 руб., а лицам, не имеющим имущества и проживающим личным трудом – не менее 5 и не более 15 руб. За пользование ссудой заемщик должен был платить 6% годовых. В особо оговоренных случаях касса могла выдавать и безвозвратные пособия якутам, размер которых составлял не более 15 руб. одному лицу. Вопросы назначения ссуды заемщикам, выдачи пособий беднейшим якутам, а также проблемы, связанные с отсрочкой платежей и назначением взысканий с неисправных заемщиков, решались в соответствии с постановлениями Якутского областного правления. Финансовые операции кассы проводились централизованно через областное казначейство. Деятельность отделений ссудной кассы якутов на местах регулировалась окружными полицейскими управлениями³²⁹.

Ссудная касса якутов включала в себя четыре окружных городских отделения. В 1883 г. Якутским областным правлением на адрес окружных полицейских управлений Вилюйска и Олекминска было направлено по 1 000 руб., Верхоянска и Колымска – по 500 руб.³³⁰ Первоначально, к моменту утверждения Устава в 1881 г., капитал ссудной кассы якутов составлял 13 477 руб. 59 коп. В процессе деятельности кассы на увеличение ее капитала в соответствии с Уставом направлялись годовые проценты, проценты от оборотов кассы, а также «разные случайные поступления на увеличение капитала кассы, присоединяемые к сему капиталу по распоряжению генерал-губернатора»³³¹. По состоянию на начало 1893 г. на балансе ссудной кассы якутов находилось наличными 3 453 руб. 18 коп. и в ссудах – 10 495 руб. 24 коп.³³² Таким образом, за десять лет работы размер капитала ссудной кассы якутов практически не изменился. Некоторые отделения кассы оказались более успешны в своей финансовой деятельности. Так, по состоянию на 1 декабря 1901 г., примерно

³²⁹ Бурнашева Н.И. Ссудная касса якутов: опыт формирования системы мелкого кредита в Якутской области на рубеже XIX–XX веков // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 80–94.

³³⁰ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 603. Л. 3.

³³¹ Устав о ссудной кассе якутов Якутской области. Якутск: Типография Якутского областного правления, 1899. С. 1.

³³² НА РС (Я). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 410. Л. 73.

через 18 лет со времени открытия отделения, капитал Олекминского отделения кассы якутов составил 2 173 руб. 90 коп., увеличившись вдвое³³³.

Со временем, к концу XIX в., все больше стали проявляться недостатки в организации работы кассы якутов. Одной из причин наметившегося финансового кризиса ссудной кассы якутов являлась сложившаяся система управления деятельностью кассы, для которой были характерны излишняя регламентированность и централизация деятельности кассы. Это, в свою очередь, отражалось на ее финансовой состоятельности, росте задолженности по кредитам и увеличении доли невозвратных кредитов. Съезд якутов 1912 г., рассмотревший среди других вопросов и проблему развития мелкого кредита в области, пришел к выводу, что касса уже не в состоянии удовлетворять в полном объеме все более возрастающие потребности населения Якутской области в ссудах. В итоге главной причиной недостаточной эффективности работы ссудной кассы якутов стала недоступность кредитов для большей части населения области.

В конце XIX в. свой вклад и свой проект совершенствования работы учреждений мелкого кредита внес якутский губернатор В.П. Скрыпицын (1892–1903 гг.). Основная цель предлагаемых им преобразований в сфере кредитования заключалась в стремлении максимально приблизить деятельность учреждений мелкого кредита к повседневным нуждам местного населения Якутской области. В условиях Якутии конца XIX в., по мнению В.П. Скрыпицына, суть вопроса заключалась уже не в том, нужны ли вообще учреждения мелкого кредита в Якутии, а в том, «каковы они должны быть, чтобы, укладываясь в рамки действительности, могли принести ожидаемую от них пользу»³³⁴. Острая необходимость в распространении ссудных касс становилась все более очевидной. Например, по мнению якутского окружного исправника Климовского, высказанному в письме губернатору области от 21 апреля 1895 г., «учреждение ссудных касс в наслегах, на местах кочевых инородцев, в их стойбищах, столь необходимо, что осуществление этого благоначинания неотложно. Оно вызывается крайней необходимостью для большинства тех

³³³ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 541. Л. 52 об.

³³⁴ Там же. Л. 158.

инородцев, которые по бедности, в критическую минуту, при отсутствии мелкого кредита, претерпевают лишения, нуждаясь в самом необходимом, вынуждены прибегать к частным займам у состоятельных сородичей, что сопряжено с неизбежными затруднениями»³³⁵. Для выяснения мнения местного населения о назначении и деятельности учреждений мелкого кредита весной 1895 г. областным правлением был созван съезд инородческих обществ Якутского округа. Основной темой обсуждения его участников был вопрос о необходимости учреждения ссудных касс внутри якутских наслегов. В ходе работы съезда его организаторы высказали точку зрения областного правления по вопросу учреждения ссудных касс, объяснив, что открытие подобных касс внутри наслегов является крайней необходимостью по причине отсутствия в обращении между инородцами денег. Устройство касс при таком положении смогло бы предоставить беднейшим инородцам небольшие ссуды, необходимые на уплату податей, «поддержание домообзаводства», на покупку в крайнем случае сена, а также на вспомоществование бедным в их нуждах. Инициатива областного правления по организации ссудных касс была воспринята участниками съезда «очень сочувственно» и поддержана³³⁶.

В 1895 г. Якутское областное правление под непосредственным руководством В.П. Скрыпицына разработало проект Устава ссудных касс Якутской области. В окончательном варианте название проекта было изменено, и он стал называться Уставом сельскохозяйственных касс Якутской области, что подчеркивало прямое назначение ссудных касс как учреждений, действующих в интересах и с учетом потребностей местного сельского населения. Основная цель сельскохозяйственных касс заключалась в доставлении малодостаточным лицам всех племен и сословий, а также сельским и инородческим обществам возможности получать ссуды на необременительных условиях, а также помещать сбережения для приращения процентов³³⁷.

Общее управление делами и капиталами сельскохозяйственных касс возлагалось, в соответствии с проектом Устава, на Якутское

³³⁵ НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 11. Д. 52. Л. 2.

³³⁶ Там же. Л. 1.

³³⁷ Там же. Оп. 2. Л. 9.

областное управление. В полномочия областной администрации по управлению ссудными кассами входил широкий спектр вопросов: распоряжение об открытии касс, утверждение попечителей, избираемых сельскими обществами, определение для каждой кассы размера основного капитала, а также контроль над ним. Руководство кассы предполагалось разместить в г. Якутске при областном казначействе. По замыслу разработчиков проекта Устава предполагалось кардинальное преобразование деятельности действующей ссудной кассы якутов с одновременным закрытием ее отделений в окружных городах области. Новая касса должна была стать центральной областной кассой, управляющей деятельностью учреждений мелкого кредита на местах. Сеть ссудных касс планировалось значительно расширить за счет открытия ссудных касс в наслегах. Заведование отделениями кассы возлагалось на особые советы под председательством приходских священников, а там, где имелись церковно-приходские попечительства, советы отделений могли быть слиты с ними. Кредитоспособность человека определялась коллегиально, общественным сходом, и лишь в исключительных случаях – советом отделения кассы. Ссуда выдавалась отдельным домохозяевам под поручительство благонадежного лица и под залог движимого имущества. Проект Устава значительно расширил состав заемщиков, разрешив выдачу ссуды не только домохозяевам, но и «целому обществу, наслегу или отдельному роду последнего». Обществам ссуды предполагалось выделять на такие общественные потребности, как разработка неудобных земель, осушение озер, искусственное орошение или устройство общественных заведений³³⁸.

Таким образом, реформирование финансово-кредитной системы России, активно осуществлявшееся во второй половине XIX в., оказало значительное влияние на деятельность Якутского областного правления в отношении организации кредитной поддержки населения области. Областная администрация в этот период стала уделять особое внимание вопросам, связанным с решением проблем повышения платежеспособности населения и развития товарно-денежных и рыночных отношений. Наряду с мерами, которые были призваны способствовать развитию

---

³³⁸ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 541. Л. 15.

сельскохозяйственного и кустарного производства, повышению роли в хозяйственной жизни Якутии всех видов ремесла и увеличению торгового оборота, областная администрация обратила большое внимание на процессы становления и развития учреждений мелкого кредита. От единичных мер поддержки ссудных касс, практикуемых в 1860-е гг., Якутское областное правление постепенно перешло к целенаправленной работе по созданию в Якутской области единой системы мелкого кредитования. Этому способствовали мероприятия по распространению среди местного населения кредитной кооперации в 1870-е гг., а также инициированные областным правлением мероприятия по организации ссудо-сберегательных касс и образованию ссудной кассы якутов в 1880-е гг. Последнее десятилетие XIX в., также по инициативе областного правления, было посвящено проблеме реформирования учреждений мелкого кредита и приближения их деятельности к нуждам населения.

Деятельность Якутского областного правления во второй половине XIX в., направленная на создание ссудной кассы якутов, отразила процесс формирования единой централизованной системы управления кредитными учреждениями в Якутской области. В результате целенаправленных усилий областной администрации разрозненные попытки создания сельских вспомогательных касс были объединены под крылом центра, сосредоточенного при областном правлении. Это позволило финансово и организационно поддержать ссудные кассы и сформировать единую сеть учреждений мелкого кредита Якутии, в которую вошли вспомогательно-сберегательные кассы, ссудная касса якутов и ссудо-сберегательные кассы, представлявшие собой сословно-общественные учреждения мелкого кредита, а также кооперативные учреждения в лице кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Усилия Якутского областного правления, нацеленные на значительное облегчение жизни людей, проживающих в суровых северных условиях, способствовали активному вовлечению населения в товарно-денежные и кредитные отношения, оказали существенное влияние на повышение его интереса к расширению хозяйственной деятельности и инициативы.

2.3. Государственная политика в области управления инородческим образованием во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Якутской области)

Проблемы отечественного образования и реализация государственной политики в данной области являются объектом давнего внимания со стороны исследователей. Современная российская историография связана с переосмыслением многих проблем отечественной истории, в т. ч. истории народного образования. В данное время стали появляться работы, основанные на широкой источниковедческой базе и современных методологических подходах. Кроме того, исследователи значительное внимание стали уделять вопросам организации управления системой образования, проблемам взаимоотношения и взаимодействия власти и общества в сфере народного просвещения рассматриваемого периода.

Государственной политике в области начального образования в первой половине 60-х гг. XIX в. посвящено диссертационное исследование О.В. Кузьминой³³⁹. Автор указывает, что в основе государственной образовательной политики лежала идея подготовить миллионы вышедших из крепостной зависимости крестьян к гражданской жизни в новых условиях, сделав доступным начальное образование. При этом правительство планировало переложить содержание народных школ полностью на плечи общества, сохранив за собой контроль лишь над преподаванием. По ее мнению, реформа практически не затрагивала специфические национальные системы образования и была рассчитана лишь на православное население России, причём только в тех губерниях, где вводились земские учреждения, хотя Положение 1864 г. о начальных народных учили-

³³⁹ Кузьмина О.В. Государственная политика в области начального образования в России в первой половине 60-х гг. XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2000. 308 с.

шах декларировало равные права для представителей различных сословий, этносов и вероисповеданий.

Другой исследователь, А.Н. Поздняков, отмечает, что интересы государства и общества в сфере образования далеко не всегда совпадают. При этом Российское государство всегда соединяло в себе миссии заказчика и создателя образовательной системы, законодательно закрепляющего свою образовательную политику. В результате оно стало главной, господствующей силой в сфере образования³⁴⁰.

Г.А. Куршева при анализе взаимоотношений и взаимодействия общества и власти в сфере образования приходит к выводу, что нельзя отрицать зависимость уровня развития образования от характера господствующего политического режима и особенно – от экономического строя³⁴¹. Она пишет, что образовательная политика правительства по отношению к мордве в значительной степени основывалась на идее создания культуры, национальной по форме и православной по содержанию. Следует согласиться с выводом автора о том, что тем самым преследовалась цель интеграции мордвы в российский социум, ее вовлечения в имперскую политику.

Кроме этого, сегодня в поле исследовательского интереса находится рассмотрение государственной политики в области инородческого образования³⁴². Следует отдельно выделить монографию авторского коллектива Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, в которой комплексно рассматривается история просвещения народов Поволжья и Приуралья в контексте российской образовательной политики в 1870-1910-х гг.³⁴³ На основе обобщения большого объема источниковых и историографических материалов по данной проблематике авторы от-

³⁴⁰ Поздняков А.Н. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: Исторический опыт взаимоотношений в конце XIX – начале XXI вв.: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2005. 537 с.

³⁴¹ Куршева Г.А. Общество, власть и образование в России в конце XIX – первой трети XX в. (на примере Мордовского края): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2007. 47 с.

³⁴² Санжениаков И.М. Развитие просвещения и образования инородцев Горного Алтая в XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2008. 150 с.

³⁴³ Из истории национального образования нерусских народов Поволжья и Приуралья (1870–1910-е гг.). Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. 276 с.

мечают, что при реализации политики аккультурации нерусских народов большая роль отводилась системе православно-миссионерского и имперско-русского просвещения. Формообразующей основой этой политики стала система Ильминского.

В последние годы также усиливается внимание к организации системы управления образованием и ее особенностям на восточной окраине страны. Из сибирских исследователей следует выделить Л.М. Дамешека, И.Н. Мамкину, которые имеют ряд совместных работ по рассмотрению процесса формирования системы управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX вв. В результате анализа изученных материалов авторы приходят к выводу, что накануне революции 1917 г. в Восточной Сибири оформилась местная система управления учебными заведениями. Система представляла собой централизованную иерархию должностных лиц и органов государственной власти. Расширение сети инспекторских районов отвечало интересам государства и эффективно способствовало реализации государственной политики в области народного просвещения. Они отмечают, что за исключением училищных советов система управления народным просвещением в Восточной Сибири соответствовала общероссийской модели организации власти в сфере народного просвещения³⁴⁴. Следует согласиться с их мнением о том, что консервативная деятельность губернаторов в развитии народного просвещения не является достоверным фактом. Исследователи отмечают, что, несомненно, субъективизм в деятельности губернаторов имел место, но выражался он не только в негативных формах. В условиях существовавшей политической системы они не имели возможности активно содействовать народному просвещению, тем более что в Азиатской России положение осложнялось географическими особенностями региона, этническим составом его населения и уровнем экономического развития. Благотворительная деятельность ряда губернаторов способствовала открытию новых школ, давала возможность получить образование одаренным ученикам³⁴⁵.

³⁴⁴ Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX вв. // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 42-49.

³⁴⁵ Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Деятельность губернаторов Восточной Сибири в сфере развития народного просвещения в XIX – начале XX вв. // Вестник Томского

По истории становления и развития образования в Якутии опубликовано достаточно работ. Среди них особое место занимает первое монографическое исследование по истории школ и развитию педагогической мысли В.Ф. Афанасьева³⁴⁶. Следует отметить также монографию Н.Д. Неустроева, А.Н. Неустроевой, которые рассмотрели основные этапы развития начального образования в крае³⁴⁷. Но в то же время слабое освещение получили организация системы управления образованием, ее особенности, поэтому в региональной историографии назрела необходимость их специального изучения.

В истории российского образования время второй половины XIX – начала XX вв. – ключевое. Отмена крепостного права, последовавшие за ней либеральные реформы создали предпосылки для развития народного просвещения. Вопрос о народном образовании был ключевым, т. к. развитие капиталистических отношений диктовало повышение роли образования, появление квалифицированных кадров. В этих условиях Министерство народного просвещения понимало сложность решения данного вопроса. Сложность осуществления реформы заключалась в том, что в стране существовало большое количество разных типов начальных школ и училищ, которые были в подчинении различных министерств, ведомств. Монопольного распоряжения начальными школами у Министерства народного просвещения не было.

Министерство народного просвещения разработало новый школьный устав, утвержденный 14 июля 1864 г., который ввел принципы всеобщности, преемственности и доступности образования. По Уставу, к начальным народным училищам относились школы всех ведомств, содержащиеся на разные источники финансирования. Новый закон предоставлял широкую инициативу общественности, частным лицам и отдельным ведомствам в деле организации начального образования. Но все начальные училища, находившиеся ранее в ведении различных министерств и ведомств, теперь подчинялись Министерству на-

---

государственного университета. 2016. № 405. С. 64-69.

³⁴⁶ Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966.

³⁴⁷ Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н. Историография развития начального образования в Якутии. М., 2006.

родного просвещения. Исключение составляли церковно-приходские школы, которые остались в ведении Св. Синода³⁴⁸. Если в центральных губерниях земства и общественная инициатива дали импульс для развития системы образования, то на окраинах страны и в неземских губерниях образование продолжало оставаться под контролем государства.

В рассматриваемый период правительство было озадачено решением проблемы инородческого образования. Результатом этого было принятие целого ряда правовых и нормативно-методических документов в этой области. Появление этих документов было вызвано не только необходимостью унификации существующей многонациональной школьной системы, но и необходимостью интеграции нерусских народов в имперское социокультурное пространство.

Различный общественный и культурный уровень российских народов требовал выработки специальных законодательных решений образовательной политики по отношению к ним. Всего в рассматриваемый период было принято четыре закона об образовании инородческого населения. Главной целью этих законодательных актов был контроль за соотношением компонентов общего державного и этнического характера в системе начального школьного образования инородцев.

В основе правил МНП «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. лежала широко известная система казанского просветителя Н.И. Ильминского, опиравшаяся на констатацию необходимости обучения детей на их родном языке, в основном в устной форме, и последующего перехода на письменный русский язык. Систему начального обучения инородцев правила не ограничивали определенным сроком, все зависело от местных условий.

Второй документ – «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» 1906 г. – подтвердил педагогическое значение системы Ильминского. Закон теперь распространялся на школы Средней Азии и Северного Кавказа, но после его обнародования некоторые его

---

³⁴⁸ Хабалева Е.Н. Особенности организации начального образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Орловской губернии) // Научный диалог. 2015. № 8. С. 100-101.

пункты вызвали широкий протест со стороны мусульманского населения. Поэтому эти правила фактически остались только на бумаге. Вскоре появились новые «Правила о начальных училищах для инородцев» 1907 г. В них разрешалось пользоваться как русской, так и арабской транскрипцией, а также обучать на родном языке первые два года учебы в школе.

«Правила о начальных училищах для инородцев» 1913 г. явились следствием нарастания противостояния между странами Антанты и Тройственного союза³⁴⁹. Начался поиск интегрирующего национального компонента, направленного на воспитание у инородцев любви к Отечеству. В новых правилах большое внимание было уделено повышению роли русского языка в инородческой среде, поэтому практически отказались от системы Ильминского. Но Правила 1913 г. остались не реализованными из-за участия России в Первой мировой войне, затем революционных событий 1917 г.

В Восточной Сибири в первой половине XIX в., по мнению И.Л. Дамешек, учитывая значительное число инородцев, ссыльных и слабое заселение территории русскими, государство не торопилось развивать систему образования³⁵⁰. В середине XIX в. в Восточной Сибири всего действовало 48 государственных учебных заведений³⁵¹, а в Якутской области, на огромной территории края, действовало всего 5 учебных заведений, из которых 3 гражданских и 2 – по линии духовного ведомства. Число всех учащихся по отношению к общему числу жителей составляло 0,12%, т. е. 1 ученик приходился на 818 человек, проживающих в крае³⁵².

Долгое время учебные заведения области находились в ведении губернатора. Изменения в области управления просвещением второй половины XIX в., учреждение должно-

³⁴⁹ Из истории национального образования нерусских народов Поволжья и Приуралья (1870–1910-е гг.). Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. С. 35.

³⁵⁰ Дамешек И.Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе. Иркутск, 2004. С. 37-51.

³⁵¹ Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX вв. // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 44.

³⁵² НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 9. Л. 2, 40.

сти инспекторов народных училищ не затронули Якутию. Сами губернаторы не раз просили об учреждении должности инспектора народных училищ в крае. Например, губернатор Г.Ф. Черняев в отчете за 1881 г. низкие показатели в школьном деле связывает с отсутствием инспектора училищ в области³⁵³. Только в 1900 г., после рассмотрения на Государственном совете, была учреждена должность инспектора в Якутской области³⁵⁴. Впоследствии в 1911 г. в связи с увеличением количества школ была дополнительно открыта еще одна инспекция в области.

Первым инспектором народных училищ Якутской области был назначен инспектор Иркутского городского 4-классного училища императора Александра III С.О. Огородников³⁵⁵. За 10 лет его активной деятельности в Якутии число министерских школ увеличилось почти в 3 раза (см. таблицу 7).

Таблица 7³⁵⁶

Динамика развития сети начальных училищ МНП
и численности учащихся Якутской области в начале XX в.

Годы	Число школ	Всего учащихся	Из них девочек	Число окончивших
1900	18	375	45	31
1903	18	496	58	39
1904	22	514	62	44
1907	48	1406	239	87
1908	51	1334	246	66

Из таблицы видно, что данный период характеризуется не только увеличением числа министерских школ, но и ростом численности учащихся, при этом обоего пола. Общее число учащихся возросло в 3,6 раза, число девочек – в 5,5 раза. Это говорит о несомненном росте заинтересованности местного населения в получении начального образования.

³⁵³ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 44. Л. 111-112.

³⁵⁴ Там же. Ф. 288. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

³⁵⁵ Там же. Л. 4.

³⁵⁶ Там же. Д. 24. Л. 65; Там же. Л. 83-84; Там же. Д. 103. Л. 15-16; Там же. Д. 112. Л. 179; Там же. Д. 220. Л. 230-231.

Уменьшение количества окончивших в 1908 г. по сравнению с предыдущим годом, как следует из отчета, связано с тем, что родители забирали детей из школы до завершения учебного процесса в связи с сельскохозяйственными и домашними работами³⁵⁷.

В конце XIX – начале XX вв. государством и обществом все больше осознавалось значение женского образования, становление и развитие которого происходило медленно, в соответствии с тем, как менялось отношение общества к женскому образованию. В 1903 г. Департамент по делам начальных училищ отправил письмо инспектору народных училищ Якутской области о желательности учреждения инородческих женских школ: «...В 1901 г. открыта ... первая русско-киргизская школа, и что, хотя киргизская женщина ни в чем не проявляла своего стремления к русскому просвещению, почему специальных женских школ до сего времени не открывалось, но в этом нельзя не видеть весьма важного недостатка в системе инородческого образования, ибо только через женщину можно достичь коренного перевоспитания поколений, а потому, если задаваться вопросами о перевоспитании инородцев, то, прежде всего, необходимо учить их женщин»³⁵⁸.

В 1911 г. в Якутской области процент девочек в начальных училищах составил 25,2% всех учащихся³⁵⁹. Несмотря на то, что гендерный разрыв в сфере начального образования в начале XX в. так и не был преодолен, активная позиция представителей местной власти, общественная инициатива предоставили возможность женскому населению края получить начальное образование.

Министерские школы не были единственными учебными заведениями в крае. В 1860-х гг., несмотря на идею о передаче всех начальных школ в Министерство народного просвещения, часть школ осталась в ведении Св. Синода. Между двумя ведомствами появилось широкое поле не только для взаимодействия, но и для соперничества.

³⁵⁷ НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 220. Л. 231.

³⁵⁸ Там же. Д. 46. Л. 106.

³⁵⁹ Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923. С. 150-151.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. церковно-приходские школы, которые до этого переживали кризисные времена в связи с появлением министерских и земских школ, получили приоритетное развитие. По мнению исследователей, в этот период стала расти обеспокоенность общим падением нравов, которое связывали с развитием капиталистических отношений, но прежде всего – с народнической террористической деятельностью. В правительственных кругах и в обществе стало преобладать мнение, что начальная школа не справляется со своей главной задачей – религиозно-нравственным воспитанием³⁶⁰. Губернатор Якутской области В.З. Коленко в отчете за 1889 г. указывал, что более надежным средством для распространения просвещения среди населения может послужить увеличение числа церковно-приходских школ, «созидаемых под сенью христианской православной церкви». Отсутствие должного надзора за министерскими школами ввиду того, что еще не была предусмотрена должность инспектора народных училищ, нехватка средств, неблагоприятное влияние со стороны политссыльных, по мнению губернатора, являлись основными причинами неудовлетворительного положения народного образования в области. Решение этих проблем он видел в передаче народных школ в ведение церкви³⁶¹.

В Якутской области в указанный период также наблюдается значительное отставание в развитии министерских школ от усиленного роста церковно-приходских школ. Например, если в 1886 г. из 27 учебных заведений области только 9 школ относились к ведомству православного исповедания³⁶², то в 1908 г. число министерских школ становится в 2 раза меньше (из 106 школ церковно-приходских насчитывается 70)³⁶³. Число церковно-приходских школ за два десятилетия выросло в 7,8 раза. В начале XX в. расходы правительства на церковно-приходские школы значительно превышали расходы на содержание и раз-

³⁶⁰ Калачев А.В. Церковно-приходская школа в системе начального народного образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 4. С. 24.

³⁶¹ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 52. Л. 33-38.

³⁶² Неустров Н.Д. История развития начального образования в Якутии. Ч. 1. История развития начального образования в дореволюционной Якутии. Якутск, 1999. С. 16.

³⁶³ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 67. Л. 51.

витие министерских школ. Так, в 1901 г. расходы государства на церковные школы составляли 6 826 046 руб., а на министерские – 4 012 895 руб.³⁶⁴

События первой российской революции 1905–1907 гг. вновь заострили внимание на проблеме объединения начального образования в рамках одного ведомства. Обсуждения проблемы на заседаниях Государственной Думы привели к тому, что главная роль в развитии начального народного образования отводилась земствам и городским органам самоуправления, а не духовному ведомству. В этот период министерские школы получают новый стимул для своего развития.

Значительный вклад в дело развития народных школ внес известный губернатор И.И. Крафт (1907–1913). В начале своей деятельности в 1907 г., изучив состояние народного образования, он приходит к выводу, что из 99 школ 62 являются церковно-приходскими, которые в большинстве не отвечают своему назначению вследствие слабой постановки учебного дела. После чего активно занимался вопросами открытия министерских школ, исходатайствовал кредит в сумме 5300 руб. на открытие 7 новых начальных училищ, за счет остатков от сметных исчислений были открыты 4 новые школы³⁶⁵. Но деятельность губернатора по расширению сети министерских школ встретила недопонимание со стороны иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова, который в своем письме премьер-министру П.А. Столыпину указывает, что «в течение своего двухлетнего управления Якутской областью, действительный статский советник Крафт, не ознакомившись с положением и нуждами далекого и своеобразного по бытовым условиям края, сразу приступил к выработке и представлению проектов, большинство которых вызывали непосильные расходы для казны и не отвечали нуждам области: так, например, признавая церковно-приходские школы не соответствующими назначению, возбудил ходатайство о замене их министерскими»³⁶⁶. На данное обвинение губернатор ответил, что «если на церковно-школьное дело будет действительно обращено должное внимание, т. е. во главе этого

³⁶⁴ Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912. С. 102.

³⁶⁵ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 67. Л. 51-53.

³⁶⁶ Там же. Д. 70. Л. 12-13.

дела будут поставлены лица на самом деле им интересующиеся, то возможно будет дружная деятельность по развитию народного образования в области. Область сильно нуждается в школах, безразлично церковных или министерских. Мои усилия были направлены к открытию школ того и другого типа, но не моя вина в том, что заботы об увеличении числа церковно-приходских школ встретились с равнодушием местной епархиальной власти»³⁶⁷.

К 1 января 1909 г. действовало 51 начальное училище МНП, из них 6 городских и 45 сельских³⁶⁸. По сравнению с 1894 г. число министерских школ в крае увеличилось почти в 4 раза. При этом правовое регулирование начальных школ было не единообразным.

*Таблица 8*³⁶⁹.

Организация учебного процесса в начальных училищах Якутской области в начале XX в.

Документы, регламентирующие сферу начального образования в Якутской области	Количество училищ	Срок обучения	Обязательные предметы
Устав 1828 г.	4 городских приходских училища (1-е Якутское, 2-е Якутское, Вилюйское, Владимирское)	1 г.	Закон Божий, чтение, письмо, первые действия арифметики
Положение о начальных народных училищах 1874 г.	42 начальных училища	3 г.	Закон Божий, священная история, чтение, письмо, арифметика

³⁶⁷ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 70. Л. 37-38.

³⁶⁸ Там же. Ф. 288. Оп. 1. Д. 220. Л. 230.

³⁶⁹ Там же.

Инструкция для двухклассных и одноклассных сельских училищ 1875 г., Правила МНП «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г.	5 начальных училищ (не удалось установить, какие из этих 5 школ работали по Инструкции 1975 г. или Правилам 1870 г.)	В одноклассных – 3 г.; в двухклассных – 5 лет	В одноклассных – Закон Божий, русский язык с чистописанием, славянская грамота, арифметика. В 2-классных – пропедевтические курсы истории, географии, естествознания, черчения, церковное пение.
---	--	---	--

Устав 1828 г. являлся одним из консервативных документов в сфере образования. Но, несмотря на короткие сроки обучения, примитивность программы и сословный характер, даже после появления во второй половине XIX в. новых нормативных актов, регулирующих образовательную сферу, приходские училища сохранились долго.

Другой документ – «Положение о начальных народных училищах» 1874 г. – в отличие от предыдущего Положения 1864 г., четко установил организацию управления начальными училищами. Положение окончательно подчинило школы Министерству народного просвещения. В частности, министерские школы переходили в ведение инспектора или директора народных училищ. Таким образом, начальная школа была поставлена под административный контроль.

Инструкция 1875 г. установила порядок приема в начальные училища, определила возрастные рамки и необходимое количество учеников в классе. Впервые предусматривалась обязанность регулярного посещения учебных занятий, закреплялась норма об обязательном учебно-методическом обеспечении училища. Школы также по своему усмотрению могли ввести дополнительные занятия. Статистические данные 1911 г. показывают, что в якутских школах помимо обязательных предметов обучали рисованию, пению, рукоделию и гимнастике³⁷⁰.

³⁷⁰ НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 302. Лл. 8-163.

В основе правил МНП «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. лежала известная система казанского просветителя Н.И. Ильминского, предусматривавшая дифференцированный подход к образованию инородцев в зависимости от их религиозной принадлежности и социокультурной ситуации, а также от степени владения обучающимися русским языком. Вследствие чего инородцы были разделены на 2 группы: инородцы-христиане, татары-магометане. Закон распространялся на все типы начальных школ – государственные, земские, приходские и частные. Исключение составляли мусульманские школы Северного Кавказа и Средней Азии. Принятие Правил сыграло значительную роль в распространении образования среди народов Поволжья, Приуралья, Сибири³⁷¹.

Как отмечает И.Н. Мамкина, образовательная политика властей относительно инородцев Восточной Сибири носила мягкий характер, допуская отступления от действующего законодательства³⁷². Для якутских детей, с детства говоривших на своем родном языке, обучение на русском в школе становилось трудной задачей.

Губернаторы Якутской области в разное время в своих отчетах ставили эту проблему. Так, в отчете за 1882 г. губернатор Г.Ф. Черняев одной из главных причин низкого уровня грамотности в крае видит трудность обучения детей инородцев, которых по совершенному незнанию ими русского языка в течение первых двух лет приходится учить только «заучиванию русских слов»³⁷³.

Для решения этой проблемы в конце XIX в. были составлены учебники и пособия, предназначенные для обучения русскому языку, например, «Лестничка» П.П. Гадзяцкого, «Первоначальный учебник русского языка для якутов», изданный в 1895 г. в Казани³⁷⁴. Несомненно, эти учебники и пособия сыграли поло-

³⁷¹ Городенко Д.В. Формирование системы национального образования нерусских народов в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 64.

³⁷² Мамкина И.Н. Развитие системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2017. С. 31.

³⁷³ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 45. Л. 43.

³⁷⁴ Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. С. 137.

жительную роль в обучении грамоте якутских детей. Но проблема обучения русскому языку все равно стояла остро.

В 1901 г. после ревизии школ инспектор народных училищ Якутской области С.О. Огородников писал, что несмотря на существование якутской школы более 30 лет, дети не понимают русской речи, даже дети духовенства и казаков говорят на якутском языке³⁷⁵. Изучив примерную программу 1897 г. для начальных училищ Министерства народного просвещения, он пришел к выводу, что данная программа не может быть выполнена в якутской школе за три года, т. к. в школу поступают дети, совершенно не знающие русский язык. Для обсуждения данного вопроса летом 1905 г. в Якутске собрались учителя. На собрании учителя поддержали мнение инспектора Огородникова. После чего была составлена программа четырехгодичного курса обучения с 3 отделениями, за образец взяли программу инородческих училищ МНП Казанского учебного округа, при этом требования Программы начальных училищ МНП 1897 г. были соблюдены. В ноябре 1905 г. Главный инспектор училищ Восточной Сибири одобрил программу в качестве экспериментальной работы³⁷⁶.

В дореволюционных школах не было четкой регламентации объема курсов, методики преподавания, расписания учебных занятий, в основном, учебный процесс был предоставлен на личное усмотрение учителей. В большинстве школ Якутской области учебные занятия начинались со второй половины сентября, завершались в 20-х числах мая. Из статистических данных видно, что только в одной школе занятия начинались 1 сентября и заканчивались 1 июня. Недельная учебная нагрузка также отличалась, и на это не влияли ни тип школы, ни сроки обучения. В основной массе начальных школ (составляет 43%) недельная учебная нагрузка составляет 28-30 ч. Но были такие школы, в которых учились по 36 (Баягантайское Масловское одноклассное училище) и 48 ч. (Западно-Кангаласское двухклассное инородческое училище) в неделю³⁷⁷. Отсутствие установленного графика учебного процесса объясняется прежде всего экономическими причинами. Местное население с малых лет приучало

³⁷⁵ НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

³⁷⁶ Там же. Д. 82. Л. 22-30.

³⁷⁷ Там же. Д. 302. Лл. 8-163.

детей к работам, поэтому ученики вынуждены были покидать школы с установлением теплых дней, так что во многих школах в середине или в конце мая образовательный процесс заканчивался.

В конце XIX – начале XX вв. потребность в образовании осознается основной массой населения Российской империи, в том числе и на окраинах. Если в начале 1880-х гг. губернатор Г.Ф. Черняев докладывал, что население Якутской области не убеждено в пользу обучения своих детей и смотрит на школьное дело как на повинность³⁷⁸, то в начале XX в. ситуация кардинально изменилась. Из улусов на имя губернатора, так и инспектора народных училищ области поступало много прошений об открытии и преобразовании начальных училищ. Например, родоначальники 11 наслегов инородческих обществ Сунтарского улуса в 1904 г. ходатайствовали о преобразовании одноклассного училища в двухклассное, т. к. «дает детям самое ограниченное образование, ученик, пробывший в нем три года и уйдя домой в наслег, через 5-6 лет перезабывает все пройденное им в школе и в конце концов обращается почти в безграмотного человека»³⁷⁹. В 1913 г. городские школы даже вынуждены были отказывать в приеме детей из-за нехватки мест. Всего 67 детей не смогли попасть в школу³⁸⁰. Местное начальство по управлению образованием ходатайствовало об открытии новых школ в Якутске.

Кроме этого, существующие типы начальных школ не соответствовали запросам населения. В связи с этим в 1912 г. МНП приняло «Положение о высших начальных училищах», которое должно было дать законченное начальное образование. Губернатор И.И. Крафт в своем отчете за 1913-1914 гг. отмечал, что «польза грамотности не составляет ныне никаких сомнений в массе инородческого населения, которое возбуждает ходатайства уже об открытии начального училища высшего типа»³⁸¹. В Якутской области в 1912 г. высшие начальные училища появились в Якутске, Вилуйске, Олек-

³⁷⁸ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 44. Л. 112.

³⁷⁹ Там же. Ф. 288. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

³⁸⁰ Там же. Д. 474. Л. 20.

³⁸¹ Там же. Ф. 486. Оп. 2. Д. 74. Л. 26-27.

минске на основе действующих городских училищ³⁸². В этих училищах были увеличены сроки обучения с 3 до 4 лет, предусматривалась расширенная учебная программа. Таким образом, у учащихся появилась возможность получить законченное начальное образование.

Начальная школа дореволюционной России не только финансировалась из государственной казны, средства привлекались из самых разнообразных источников, при этом в совокупности их объем практически мог превышать государственные. Средства для содержания начальных училищ Якутской области поступали в основном из Государственного казначейства, от городских/сельских обществ, земств³⁸³. Если в 1903 г. из государственной казны поступило 5684,84 руб., то в 1908 г. эта сумма составила 26865,55 руб. Государственные расходы за 5 лет выросли в 4,7 раза. Рост количества школ также привел к увеличению земских сборов: в 1903 г. они составили 7000 руб., в 1908 г. – 25816,13 руб. Если первоначально городские и сельские общества вносили свои средства на учреждение и открытие школ (например, в 1903 г. – 13849,13 руб.), то к 1908 г. взносы уменьшились примерно в 5 раз (2393,83 руб.). Это во многом связано с увеличением финансирования со стороны государства. На нужды школ также поступали пожертвования частных лиц: в 1903 г. – 1941,9 руб., в 1908 г. – 1800 руб.

Кроме этого, некоторые начальные училища имели государственные ценные бумаги, с которых получали некоторые дивиденды. Например, в 1911 г. Олекминское городское приходское училище в своем распоряжении имело государственные свидетельства 4% ренты на общую сумму 1900 руб., Сунтарское двухклассное приходское – на 2000 руб., Олекминское инородческое двухклассное – в 7500 руб., Мархинское одноклассное приходское училище (Виллойского округа) – в 1500 руб.³⁸⁴

В 1908 г. содержание одной школы обошлось в среднем в 1182 руб. 65 коп., содержание 1 ученика – 45 руб. 96 коп. При этом 44,6% общего расхода приходилось на государственные средства, 42,92% – из земских сборов, 2,92% – пожертвований

³⁸² НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 549. Л. 25-26.

³⁸³ Там же. Д. 24. Л. 83-84; там же. Д. 220. Л. 232.

³⁸⁴ Там же. Д. 331. Л. 34-35.

частных лиц и т. д.³⁸⁵ Но при этом средства, собираемые на содержание училищ, поступали крайне нерегулярно, вследствие чего школы не могли своевременно приобрести необходимые учебные принадлежности, а учителя – получить свое жалованье.

Территориальный фактор в Восточной Сибири, особенно в Якутской области, имел влияние на эффективность системы образования. Большинство детей из-за значительных расстояний, стужи и холодов в долгие зимние месяцы вынуждены были посещать школу нерегулярно. Главной проблемой в этих условиях было отсутствие пансионатов (интернатов). Наличие при школе пансионата становится особенностью якутской сельской школы.

Первый инспектор народных училищ Якутской области С.О. Огородников писал о необходимости устройства пансионатов при школах, тогда только якутская школа будет отвечать действительной потребности края³⁸⁶. Но число их было невелико, и нехватка пансионатов послужила одной из основных причин нежелания местного населения отдавать своих детей в школу.

По данным однодневной переписи 18 января 1911 г., всего в области насчитывалось 56 начальных училищ МНП, в 17 из них были обустроены пансионаты. Пансионаты содержались за счет государственных (7 пансионатов), земских (7 пансионатов) средств и на средства родителей (всего 3). В среднем содержание 10 мальчиков в пансионатах государственной казне обходилось в 600–850 руб. в год, из земских средств на содержание такого же количества детей выделялось 850 руб. в год³⁸⁷. Само местное общество из-за нехватки средств и бедности не могло содержать пансионаты или вынуждено было сокращать расходы. Так, например, в 1887 г. Борогонская инородная управа в донесении губернатору представляла общественный приговор о разрешении им содержать при улусной школе вместо 12 пансионеров только 6 мальчиков «вследствие истощения средств от долговременных неурожаев хлеба в предшествующие годы и ныне»³⁸⁸. При этом инспектор народных училищ 1-го района В.П. Василевский учителю Чи-

³⁸⁵ НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 220. Л. 232.

³⁸⁶ Там же. Д. 27. Л. 7.

³⁸⁷ Там же. Д. 302. Л. 8-163.

³⁸⁸ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5403. Л. 1.

чимахского начального училища писал: «...старайтесь внушать родителям учеников и самому местному обществу, что на школу казна дает и так много денег, нужно что-нибудь делать и самим для своих детей, например, сделать койку для своего мальчика может каждый родитель»³⁸⁹.

Климатический фактор также влиял на организацию учебного процесса в крае. Якутские школы работали в суровых климатических условиях, нуждались в отоплении и освещении. Школы, в основном улусные, содержались в непригодных зданиях. По вступлении на должность инспектора Якутской области Огородников докладывал Главному инспектору училищ Восточной Сибири о том, что «все школьные здания малы, классные комнаты и спальни не удовлетворяют самым насущным потребностям гигиены – в них ощущается недостаток света и воздуха, а зимой – холодно и ученики должны сидеть в шубах»³⁹⁰.

Государство при содействии местного населения пыталось решить эту проблему. Например, на постройку новых зданий школ в Якутской области за 1909–1911 гг. казна выделила 15924,53 руб., из земских сборов поступило 2121,40 руб., частные лица пожертвовали 7769,46 руб. Кроме этого, на ремонт училищных зданий всего было отпущено 4032,02 руб., из которых 1578 руб. поступили из казны, 1145,90 руб. – земских сборов, 1308,12 руб. – от частных лиц³⁹¹.

В 1910 г. из 56 министерских школ 42,9% имели собственные деревянные здания; 21,4% школ – наемное здание, аренда которого обходилась в среднем в 120–150 руб. в год; 7,1% начальных училищ содержатся в домах, предоставленных попечителями, по оставшимся школам сказать трудно из-за отсутствия данных в отчете³⁹². Основными недостатками школьных помещений оставались ветхость, теснота, холод и недостаточное освещение.

В отчетах о состоянии школ содержатся следующие сведения: «...Нечего говорить, что бегать в школу из-за 6 верст ежедневно, да еще в наши зимние морозы – нечто ужасное! Бедные дети, в большинстве плохо одетые, приходят в школу совершенно зако-

³⁸⁹ НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 2. Д. 82. Л. 28.

³⁹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.

³⁹¹ Там же. Д. 442. Л. 30-31.

³⁹² Там же. Д. 302. Л. 8-163.

ченевшие от мороза...»³⁹³ При анализе численности учащихся обращает на себя внимание высокий процент тех, кто вынужден был пропускать учебные занятия из-за стужи, бездорожья и экономических причин (бедность родителей, недостаток одежды и обуви).

Вследствие низкой посещаемости учащимися занятий и трудностей в языке обучения количество оканчивающих училища не превышало 2-3 чел., составляя незначительный процент к числу поступивших в школу.

Проблема педагогических кадров была одной из главных в системе народного образования в дореволюционной России, особенно в Восточной Сибири. Постоянная нехватка учителей и их частая сменяемость, особенно в улусных школах, отрицательно сказывались на дальнейшем развитии системы народного образования. Для решения этой проблемы правительством были приняты нормативные акты, установившие определенные льготы для учителей и создавшие условия для повышения их социального статуса³⁹⁴. Отчасти эти нормативные акты способствовали решению проблемы кадрового обеспечения восточно-сибирских школ.

В Восточной Сибири первые педагогические учебные заведения появились в 1870-х гг. в Иркутске и Красноярске. В Якутской области долгое время не было учебного заведения, которое бы занималось подготовкой педагогических кадров. Ввиду отдаленности края от центра, бедного положения основной массы населения возможности выехать и получить педагогическое образование были только у единиц желающих.

Якутская учительская семинария была открыта только в 1914 г. До этого учителей для якутских школ готовила Иркутская учительская семинария, впоследствии, после открытия в крае средних образовательных заведений, учительские кадры пополнялись из числа выпускников Якутского реального училища, а также духовной семинарии, женской гимназии и

---

³⁹³ НА РС (Я). Ф. 302. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

³⁹⁴ Мамкина И.Н. Проблемы профессиональной подготовки и деятельности учителя в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: организационно-правовые основы // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2017. № 2. С. 158.

епархиального женского училища. Например, к 1 января 1909 г. всего учителей в министерских школах края было 87 чел., в том числе 17 учительниц. Из общего числа педагогических кадров законоучителей было 24 и вероучителей – 1 (мулла). Образовательный уровень учителей характеризовался следующими данными: специальное педагогическое образование имели 26 (41,9%), из них женщин – 13; среднее и начальное – 36 (58,1%), из них женщин – 4³⁹⁵. Законоучители в расчет не входили. Еще одной проблемой была частая сменяемость учительских кадров. К 1919 г. в области из 103 учителей только семеро работали в школах более 15 лет³⁹⁶, еще меньше было учителей, которые проработали на одном месте в течение долгого периода времени. Например, Д.Д. Сивцев практически был единственным сельский учитель, прослуживший в одной и той же школе непрерывно 25 лет³⁹⁷.

Труд и быт учителя на окраине страны были весьма тяжелыми. По этому поводу не раз писали в своих прошениях и отчетах губернаторы и инспектора Якутской области. Например, инспектор С.О. Огородников писал в своей докладной, что «деньги, собираемые на содержание училищ, поступают крайне неаккуратно, вследствие чего учитель своевременно не получает жалованья; ему приходится заслуженное жалованье нередко выпрашивать у писарей или доверенных инородных управ; прибегают к займам – брать в кредит продукты первой необходимости и уплачивать за них дороже их действительной стоимости; все это, конечно, уменьшает содержание учителя и унижает его достоинство»³⁹⁸.

Зарождение региональной системы среднего образования, как и начального, происходило в соответствии с общероссийскими тенденциями, но в силу геополитических факторов – более замедленными темпами. В Якутии в начале XX в. среднее образование было представлено реальным училищем и женской гимназией.

³⁹⁵ НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 220. Л. 230.

³⁹⁶ Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.) // Сб. документов и материалов. Якутск, 1968. С. 16.

³⁹⁷ НА РС (Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

³⁹⁸ Там же. Л. 7.

Необходимость открытия мужской классической прогимназии в Якутске осознавалась со стороны городского общества и была поддержана местными властями. Якутский губернатор А.Д. Лохвицкий, знакомясь в 1865 г. с учебными заведениями области, пришел к заключению, что в таком обширном крае, в котором живет 227 056 чел., одного уездного училища недостаточно³⁹⁹. Губернатор неоднократно писал о необходимости преобразования Якутского уездного училища в реальную прогимназию, т. к. местное население большей частью не имеет средств отправлять своих детей для продолжения обучения даже в ближайшую Иркутскую гимназию за 2800 верст. Он отмечал, что открытие прогимназии способствовало бы подготовке местных кадров со знанием якутского языка, в которых был большой недостаток, и тогда правительство избавится от излишней траты денег на прогоны и добавочное жалованье приезжающих из центральной России. Для покрытия части расходов на открытие прогимназии местному населению было предложено оказать содействие в этом вопросе. На 1867 г. всего было пожертвовано 12548 руб. 18 коп. Кроме этого, Якутское городское общество в течение 10 лет обязывалось вносить по полупроценту со своего капитала, что должно было составить примерно 200–300 руб. в год, общество инородцев и крестьян Олекминского округа в течение 3 лет – по 500 руб. в год, в последний год – 200 руб.⁴⁰⁰ И наконец 26 июня 1867 г. Государственный совет своим постановлением утвердил «во внимание к сделанному жителями Якутской области пожертвованию на учреждение в Якутске прогимназии, преобразовать в такое заведение тамошнее уездное училище, согласно уставу и штатам гимназий и прогимназий ведомства МНП»⁴⁰¹. Впоследствии в 1890 г. прогимназия была преобразована в шестиклассное реальное училище. Численность учащихся с каждым годом росла: в 1896–1897 уч. г. обучалось 97 чел., 1900–1901 уч. г. – 141, 1907–1908 уч. г. – 238⁴⁰². Реальное училище сыграло большую роль в подготовке местных кадров.

³⁹⁹ НА РС (Я). Ф. 486. Оп. 2. Д. 23. Л. 1,34.

⁴⁰⁰ Там же. Д. 25. Л. 36-37.

⁴⁰¹ Там же. Д. 26. Л. 40-41, 53-54.

⁴⁰² Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. С. 148.

В России становление женской средней школы относится ко второй половине XIX в. как следствие общественно-педагогического движения. В этот период женские гимназии стали открываться практически в каждой губернии. В Якутской области женская прогимназия начала работу в 1882 г., в 1900 г. была преобразована в гимназию. Женские гимназии, в отличие от мужских, занимались подготовкой выпускниц к педагогической деятельности в начальных школах. Специально для этого был организован восьмой, дополнительный педагогический класс. В Якутской женской гимназии, открывшейся в 1882 г. сначала в статусе прогимназии, дополнительный педагогический класс был открыт в 1901 г. К 1919 г. полный курс гимназии окончило 316 девушек⁴⁰³. Якутская женская гимназия стала одной из главных кузниц учителей для начальных школ области.

В средних учебных заведениях, так же, как и в начальных школах, существовали проблемы нехватки преподавательских кадров, материальные трудности, которые решались совместными усилиями властей и общества. В результате либеральных реформ 1860–1870-х гг. школа обрела такие мощные факторы для своего развития, как общественная деятельность и частная инициатива. Заметный вклад в развитие образования в крае сделала благотворительность.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в Якутской области в рамках проводимой в государстве образовательной политики стала создаваться и развиваться система общего образования, имеющая свои отличительные черты. Фактором, препятствующим распространению образования в крае, был комплекс специфических экономических, природно-климатических и социокультурных проблем. К ним можно отнести суровость природно-климатического фактора, неразвитость школьной системы в условиях крайней разбросанности местного населения, отсутствие пансионатов (интернатов) для проживания детей, низкий уровень жизни населения, менталитет якутского общества. Но несмотря на это в начале XX в. система образования в крае стала соответствовать общероссийским нормам по структурным элементам. Говоря о политике государства в сфере образования,

---

⁴⁰³ НА РС (Я). Ф. 286. Оп. 2. Д. 35. Л. 4-5.

многие исследователи используют термин «русификаторская», вкладывая в него в основном негативное толкование. На наш взгляд, учитывая существовавшие политические и социально-экономические условия того периода, правительство проводило достаточно взвешенную политику в сфере народного образования, в том числе инородческого. Главными направлениями практической реализации геополитических целей просвещения нерусских народов, осуществляемых здесь правительством, были начальное образование, подготовка кадров из числа местных жителей.

2.4. Якутский комитет общественной безопасности в контексте революционных преобразований 1917 года

Февральская революция 1917 года привела к падению самодержавия. Под нажимом и непосредственным воздействием революционного движения в стране стало проводиться реформирование государственной власти, которое сопровождалось сломом веками формировавшегося аппарата управления. В истории нашего государства второй такой радикальный слом государственного аппарата произошел в 1991 г. с распадом КПСС и разрушением СССР. Таким образом, второе десятилетие XX века, когда шли революционные преобразования в государственном устройстве нашего Отечества, дает особенно много материала для анализа неоднозначного, резко противоречивого опыта административных преобразований.

Как известно, революционный взрыв в феврале 1917 г. произошел стихийно, события развивались стремительно. Сначала – всеобщая политическая стачка рабочих в Петрограде, затем – переход армейских частей Петрограда на сторону рабочих, расстрел демонстрантов и вызванное им быстрое нарастание революционной волны. Восставшие заняли в Петрограде все правительственные учреждения, произвели аресты царских министров. Император Николай II был вынужден подписать отречение от престола за себя и своего несовершеннолетнего сына Алексея в пользу своего младшего брата Михаила, который, в свою очередь, отказался вступить в управление страной в пользу Учредительного собрания. Идея Учредительного собрания была необычайно популярна в России в то время. Предполагалось, что Учредительное собрание как орган Учредительной власти (то есть верховной власти в государстве, единственным источником и субъектом которой является народ) выработает новую

Конституцию и определит новые формы правления, иначе говоря, по существу создаст новый государственный строй.

В Петрограде после объявления манифеста об отречении великого князя Михаила Александровича был создан Временный Комитет членов Государственной думы, который объявил себя преемником власти и получил признание правительств Великобритании и Франции. Совместно с Советом рабочих депутатов Временный комитет организовал Временное правительство, которое действовало до 25 октября 1917 г. по старому стилю (чуть более полугода).

В регионах страны, поскольку были сильны традиции иерархии власти, по примеру центра создавались революционные инициативные органы – революционные комитеты, которые активизировали создание новых временных (до созыва Учредительного собрания) органов власти; в различных регионах они имели различные названия: комитеты общественной безопасности, комитеты общественных организаций, комитеты общественного порядка и безопасности и пр.

Управление Якутской областью также перешло в ведение местного комитета общественной безопасности, деятельность которого рассматривается в настоящем разделе.

Историография

История Якутского комитета общественной безопасности (далее –ЯКОБ) как часть истории демократических преобразований и первый опыт народовластия получила освещение в якутской историографии. С 1922 г. началось изучение событий революции и Гражданской войны в Якутии, вводились в научный оборот основные факты. При этом учёных и краеведов в основном привлекала политическая история. Падение самодержавия и последовавшие за этим преобразования трактовались с позиций марксистско-ленинской методологии как буржуазно-демократическая революция. Поэтому все действовавшие до октября 1917 г. органы управления назывались буржуазными, а после октября 1917 г. – реакционными. Главный административный орган Якутской области в 1917 г.

– ЯКОБ – рассматривался как площадка борьбы большевиков за влияние на массы, за идеи социалистической революции⁴⁰⁴. Политическая борьба большевиков – членов ЯКОБ как основной лейтмотив проходит также и в работах, посвященных их биографиям⁴⁰⁵.

В постсоветский период тема активно изучалась, пересматривались оценки, предлагались новые интерпретации, вводились новые факты. В 2010 г. появилась обобщающая монография В.И. Федорова (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск), в которой рассмотрены проблемы развития Якутской области в период с 1917 по 1919 годы, вопросы формирования различных органов управления. В частности, впервые раскрываются такие темы, как Якутское земство, Областной продовольственный комитет⁴⁰⁶. Монография Е.Е. Алексеева (1932–2010) (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск), посвященная национальному вопросу в Якутии, освещает также некоторые вопросы формирования органов управления⁴⁰⁷.

Изучаются отдельные аспекты темы. Экономическим аспектом деятельности органов управления (ЯКОБ, Якутское областное земство) занимается Н.И. Бурнашева (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск)⁴⁰⁸. Деятельность ЯКОБ по созданию земства рассмотрена исследователями Б.Г. Хачатуряном и Е.Б. Шиш-

⁴⁰⁴ Приведены только крупные монографические работы: Петров П.У. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск, 1952. 296 с.; Он же. Установление Советской власти в Якутии. Якутск, 1957. 297 с.; История Якутской АССР. Т. 3. М., 1963; Новгородов А.И. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969. 397 с.; Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. В 2 ч. Ч. 1. Якутия накануне и в период Февральской революции. Якутск, 1979. 280 с.; Ч. 2. Установление Советской власти. Якутск, 1980. 247 с.

⁴⁰⁵ Петров П.У. Г.К. Орджоникидзе и Якутский комитет общественной безопасности // По ленинскому пути. Якутск, 1952. № 2 (февр.). С. 22-31; Он же. Революционная деятельность Г.И. Петровского в Якутии // Полярная звезда. 1955. № 2. С. 147-159.

⁴⁰⁶ Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций. Кн. 2. 1917-1919. Новосибирск, 2010. 359 с.

⁴⁰⁷ Алексеев Е.Е. Национальный вопрос в Якутии (1917–1972). Якутск: Бичик, 2007. 422 с.

⁴⁰⁸ Бурнашева Н.И. Кризис экономики Якутии в период борьбы за власть (1917–1919 гг.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 2006. Т. 3. № 1. С. 123-126; Она же. Местное кустарное производство Якутии в условиях политических перемен (1917–1921 гг.) // Якутский архив. 2013. № 1. С. 41-46; Она же. Якутское земство и кооперация: становление отношений на принципах сотрудничества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. Т. 11. Иркутск, 2015. С. 65-70.

киной (Хабаровск)⁴⁰⁹. Павлов А.А. (ИГИиПМНС СО РАН, Якутск), исследуя историю развития школьного дела в Якутии в указанных хронологических рамках, показал участие в нём Якутского областного земства и Уполномоченного Министерства народного просвещения Временного правительства⁴¹⁰. Особенно внимание ученых привлекают общественно-политическая ситуация и расстановка политических сил в ЯКОБ⁴¹¹, а также участие политических партий в управлении территорией в 1917-1919 гг.⁴¹² Заслуживают внимания также и работы биографического характера, в которых рассматривается деятельность членов ЯКОБ В.В. Никифорова⁴¹³, М.К. Аммосова⁴¹⁴. Начато изучение деятельности окружных комитетов общественной безопасности (Вилуйский, Олекминский, Верхоянский, Колымский)⁴¹⁵.

⁴⁰⁹ Хачятурян Б.Г., Шишкина Е.Б. Организация местного управления (самоуправления) в Республике Саха (Якутия) в XX веке: к истории вопроса // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 2 (39). С. 105-112.

⁴¹⁰ Павлов А.А. Политика Временного правительства в области народного образования (на примере Якутии) // Якутский архив. 2010. № 4. С. 40-43.

⁴¹¹ Федоров В.И. Якутск в период революций 1917 г. и земского самоуправления // Город Якутск: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2007. (Улусы Респ. Саха (Якутия). С. 156-164; Он же. Революция 1917 года и вопросы власти в Якутии // Северо-Восток Сибири в контексте российской истории. XVII–XX вв.: (материалы всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию д. ист. н., проф. В.Н. Иванова, 28 мая 2010 г.). Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2011. С. 116-122; Он же. Октябрь 1917 г.: расстановка политических сил в Якутии // Современные тенденции развития науки и техники. 2016. № 8-3. С. 110-114.

⁴¹² Радченко Н.Н. Политические партии и органы власти в Якутии в 1917-1919 гг. // Республика Саха (Якутия): от автономии к современной государственности: Материалы науч. конф. Якутск, 2003. С. 170-177; Она же. Органы власти в Якутии в 1917–1919 годах // Якутский архив. 2008. № 3. С. 36-39; Она же. Участие политических партий в управлении Якутской областью в период революций и гражданской войны // Якутский архив. 2010. № 3. С. 47-50; Она же. Политические организации Якутии в период февральской революции 1917 года // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политика. Право. 2016. № 1 (01). С. 13-20.

⁴¹³ Петров П.П. Февральская революция и участие В.В. Никифорова в деятельности Якутского комитета общественной безопасности // Василий Васильевич Никифоров-Кюломнюр. Якутск: Бичик, 2016. С. 86-89.

⁴¹⁴ Павлов А.А. Политика Временного правительства в области народного образования (на примере Якутии) // Якутский архив. 2010. № 4. С. 40-43; Он же. М.К. Аммосов: работа в Совете рабочих депутатов (1917–1918) // Якутский архив. 2007. № 4. С. 24-26.

⁴¹⁵ Никитина С.Е. Организационные мероприятия по установлению новой власти в северных округах Якутии (1917-1925 гг.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 2 (11). С. 19-24; Григорьев Е.С., Ермолаева Ю.Н. Окружные Комитеты общественной безопасности в Якутской области в период революции 1917 года: формирование и деятельность // Научный диалог. 2018. № 4. С. 216-226.

Общественно-политическая обстановка в марте 1917 г. и процесс создания КОБов в Сибири (в том числе и в Якутске) показаны в ряде работ сибирских историков. С целью комплексного изучения проблем, связанных с историей образования и функционирования КОБов в Сибири, с новых позиций переоценки их сущности и значимости написана статья К.Л. Захаровой (Институт истории СО РАН, Новосибирск). На основе опубликованных источников и работ исследователей автором были изучены порядок формирования КОБов, их состав, структура, направления и результаты деятельности, а также взаимоотношения комитетов с другими элементами политической системы⁴¹⁶. Эта же тема, но на основе опубликованных и архивных источников отражена в статье В.И. Шишкина (Институт истории СО РАН, Новосибирск). Автор показал, как создавались в городах Сибири (от Урала до Якутска) комитеты общественной безопасности, как были представлены в них различные политические силы, о первых мероприятиях КОБов⁴¹⁷.

Таким образом, из сказанного выше видно, что изучены лишь некоторые аспекты темы. Среди неизученных остались такие вопросы, как структура ЯКОБ, область полномочий, методы принятия решений, организация управленческой работы и её эффективность. Также в исследовательской литературе отсутствуют сведения о том, как и когда ЯКОБ был ликвидирован.

Создание Якутского комитета общественной безопасности

Комитеты общественной безопасности (КОБы) – обобщенное наименование комитетов порядка, комитетов общественного спасения, комитетов общественной безопасности, комитетов общественных организаций и т. п. КОБы представляли собой общественные организации, создаваемые на местах в первые дни Февральской революции.

---

⁴¹⁶ Захарова К.Л. Комитеты общественной безопасности в Сибири (весна-лето 1917 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика: Сб. науч. ст. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2014. С. 3-28.

⁴¹⁷ Шишкин В.И. Февральская революция в Сибири (2-10 марта 1917 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 31-41.

По наблюдениям специалистов, общественные комитеты возникли стихийно. Комитеты не были предусмотрены в той структуре власти, которую выстраивало Временное правительство – оно считало КОБы обычными общественными организациями⁴¹⁸. Однако все исследователи, которые изучают деятельность КОБов, пишут, что в первые дни марта они стали главными органами управления на местах. По мнению В.И. Шишкина, комитеты «...создавались для содействия Временному правительству и недопущения вакуума, который мог возникнуть в процессе перехода власти из одних рук в другие...»⁴¹⁹, то есть как промежуточный орган.

В Якутске о событиях в Петрограде узнали уже 2 марта 1917 г. Глава Якутской городской думы получил телеграмму от Временного Комитета Государственной думы с сообщением о переходе в его ведение власти в стране, об аресте членов старого правительства, с предложением сохранять спокойствие и продолжать работу⁴²⁰. В еще действующую царскую областную администрацию также 2 марта поступила информационная телеграмма о восстании рабочих в Петрограде, Кронштадте, об образовании Временного правительства⁴²¹.

Важно, что Временный Комитет Государственной думы (в неземских регионах) обращался к органам городского самоуправления, возможно, предполагая опереться на уже действующие органы, имеющие опыт работы и подготовленные кадры. (В староземских губерниях обращения адресовались председателям губернских земских управ⁴²²). Однако Якутская городская дума не смогла воспользоваться моментом: Якутский революционный комитет, вооруженный конфискованным в ма-

⁴¹⁸ Власть и реформы. От самодержавия к Советской России / Редкол.: Б.В. Ананьич (отв. ред.), Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях. [2-е изд.]. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. С. 605.

⁴¹⁹ Шишкин В.И. Февральская революция в Сибири (2–10 марта 1917 г.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 36.

⁴²⁰ Алексеев Е.Е. Национальный вопрос в Якутии (1917–1972). Якутск: Бичик, 2007. С. 38–39.

⁴²¹ Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Кн. 2. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2010. С. 28.

⁴²² Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. С. 40.

газинах оружием, явился 4 марта на заседание Якутской городской думы и предложил передать полномочия ЯКОБу⁴²³. Якутская городская дума была вынуждена передать свои функции по ведению городского хозяйства Якутскому временному комитету общественной безопасности. При этом, однако, дума не препятствовала, а наоборот, выражала полную солидарность с этим предложением⁴²⁴.

Следует добавить, что городские думы с созданием КОБов недолго функционировали, так как время требовало обновления их составов. Например, в Томске городская дума самоликвидировалась 8 марта, менее чем через неделю после организации КОБа⁴²⁵.

Якутский Революционный комитет, первый временный орган управления Якутской областью, был создан в обстановке секретности в ночь с 3 на 4 марта и сложил свои полномочия на следующий день, 4 марта, когда на собрании граждан г. Якутска был избран легальный орган власти – ЯКОБ. Здесь же, на собрании, был образован Временный исполнительный комитет ЯКОБ, который в своем печатном органе опубликовал Манифест об отречении Николая II от престола и его брата Михаила Александровича – от власти и обращение к населению.

Первые выборы делегатов в ЯКОБ от населения состоялись уже 4 марта на свободном собрании якутов⁴²⁶.

5 марта пришло сообщение, что Временное правительство признало ЯКОБ как областной орган власти и утвердило избранного на собрании ЯКОБ комиссара Якутской области⁴²⁷. Передача власти от местной царской администрации состоялась днём 5 марта. Таким образом, 5 марта ЯКОБ был признан легальным органом управления Якутской областью.

---

⁴²³ Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. В 2 ч. Ч. 1. Якутия накануне и в период Февральской революции. Якутск: Кн. изд-во, 1979. С. 202-203.

⁴²⁴ Протокол Якутской городской думы 4 марта 1917 г. // Вестник ЯКОБ. 1917. № 2. С. 1.

⁴²⁵ Храмцов А.Б. Реформирование органов местного самоуправления в городах Томской губернии (март-октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 158, 160.

⁴²⁶ Ярославский Ем. Что было 9 лет назад в Якутске (О Февральской революции в Якутске) // Он же. О Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1968. С. 135.

⁴²⁷ Там же.

Представительство в ЯКОБе

Главной особенностью КОБов был их коалиционный характер и широкое представительство всех слоев населения, о чем пишут все исследователи.

Как видно из архивных документов⁴²⁸, в ЯКОБе были представлены группы лиц, работавших в одном ведомстве (почтово-телеграфное, судебное), учреждении/организации (наборщики и печатники частной типографии Семеновой, служащие Якутского казначейства, Якутского Областного Управления, Якутского окружного суда, Якутского Окружного Полицейского Управления, члены Якутской лесоустроительной партии, чины Акцизного надзора, Якутской местной команды), иногда – от разных групп служащих одного учреждения, в зависимости от квалификации (классные служащие Якутского Городского Полицейского Управления; низшие чины и вольнонаемные служащие Якутской Городской Полиции; палатные, кухонные и надворные служители Якутской Гражданской больницы; писцы и переписчицы Якутского областного управления; редакционная комиссия газет «Ленский край», «Якутские вопросы»; члены, классные чиновники, штатные и вольнонаемные служащие Якутской Духовной Консистории).

Ряд представителей шли от союзов, обществ и групп, сформированных по профессиональному признаку (корпорация врачей Якутской области Общество помощников врачей, преподаватели средних учебных заведений и Высшего начального училища г. Якутска; воспитателей приютов сирот и бедных детей, рабочих и ремесленников; союз сельских рабочих села Покровское; союз мелких торговцев; союз служащих правительственных учреждений; чернорабочих), по сословному (мещане г. Якутска; казаки Якутского городского пешего полка) и по национальному (евреи и еврейки г. Якутска, украинцы, поляки и литовцы, инородцы Якутской области и округа, мусульмане).

Своих делегатов в ЯКОБ отправляли территории: улусы (районы) Якутского округа (Татинский, Борогонский, Амгинский), а также отдельные наследи (самая маленькая административ-

---

⁴²⁸ Составлено на основе: НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 85 О ... делегировании представителей общественных организаций г. Якутска в ЯКОБ. На 102 л.

ная единица дореволюционной Якутии) (Дойдинский наслег Мегинского улуса, Кубалахский наслег Хочинского улуса, Женходинский наслег Мегинского улуса, Хоринский наслег Западно-Кангаласского улуса), селения (Мархинское, Хатын-Аринское, Техтюрское, Кильдемское, Табагинское, Саныхтахское), сельские общества (Покровское, Павловское) и слободы (Никольская Хатын-Аринского сельского общества).

Имели квоту в собрании любительские и добровольные общества (Кружок любителей музыки и литературы в г. Якутске, Якутское сельскохозяйственное общество, Якутское добровольное Пожарное общество в г. Якутске). Имели своих представителей в ЯКОБ и небольшие группы, такие как бывшие домовладельцы г. Якутска, члены родительских комитетов учебных заведений г. Якутска (женская гимназия, реальное училище), а также учащиеся г. Якутска. Могли послать своих представителей бывшие ссыльные: административно-ссыльные, ссыльные скопцы (отдельно – живущие в селениях Якутского округа, отдельно – живущие в г. Якутске), безработные, члены кредитных товариществ.

Вызывает интерес, что женщины заявляли своих представителей отдельно (гражданки Мархинского селения, женщины-якутки города Якутска, казачки Якутского городового казачьего полка, якутские ремесленницы).

Однако при таком широком представительстве всех слоёв населения существовали и ограничения. Так, в ЯКОБе как революционном органе не допускалось членство лиц, бывших «... на полицейской службе в ближайшее время до переворота...»⁴²⁹.

В связи с этим следует отметить, что российское общество с ненавистью воспринимало всё, что относилось к самодержавию, к старому порядку. Это отмечают все исследователи, изучающие период начала общенационального кризиса. Специалист по этой теме Т.А. Абросимова полагает, что «...народ видел в государственной власти преимущественно отрицательную величину, которую уже нельзя реформировать, а можно только насильственно разрушить»⁴³⁰. Так, жители Якутска считали, что с

⁴²⁹ Копия протокола заседания Комитета Общественной безопасности от 1 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об.

⁴³⁰ Абросимова Т.А. 1917 год. Ожидания и реальность // Проблемы истории и

падением самодержавия они сбросили «...с себя вековые цепи рабства, произвола и насилия»⁴³¹, что новая светлая жизнь восторжествовала «...над всеми старыми, задохнувшимися от своего удушья порядками...»⁴³². Важно, что эти настроения задавали тон формированию новой государственности.

По резолюции Исполнительного комитета, принятой в первые дни марта, в ЯКОБ не допускались лица, учреждения и общества, «...которые чинили всяческие препятствия водворению нового порядка и не могут подчиняться и ныне ... мерам по укреплению демократического строя»⁴³³.

Также было отказано в участии в работе ЯКОБ братии Якутского Спасского мужского монастыря («...в составе КОБ не должно быть представителей от чёрного духовенства»⁴³⁴).

Таким образом, в небольшом семитысячном городе в КОБе были представлены все партии, профессиональные, социальные, национальные и иные группы населения, изъявившие желание иметь представителей в главном органе власти области.

Структура ЯКОБ, полномочия

Организационно ЯКОБ сформировался в первые же дни. Элементами этой структуры были: собрание, председатель собрания, три его заместителя (президиум), секретариат собрания, Исполнительное бюро, рабочие комиссии. Позже (по-видимому, в апреле) был создан Малый комитет.

Собрание. Собрание было самым представительным структурным подразделением. В документах пока не обнаружены полные сведения о численном составе собрания ЯКОБ. В протоколах количество участников не указывалось, в самом начале документа помещалась (из протокола в протокол) такая фраза: «На заседании ... присутствовали делегаты революционных организаций гарнизона, корпораций, союзов и учреждений...»⁴³⁵.

историографии. Сб. док. межвузовской научной конференции. СПб., 2013. Т. 1. С. 104.

⁴³¹ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

⁴³² Там же. Л. 10.

⁴³³ Резолюция бюро И[сполнительного] К[омитета] 6 мар[та] // Вестник ЯКОБ. 1917. № 8. С. 2.

⁴³⁴ Протокол собрания Комитета Общественной безопасности от 10 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.

⁴³⁵ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 20, 57, 70, 82, 87.

Лишь в протоколе от 1 апреля записано: присутствовало 144 человека⁴³⁶.

В обнаруженном алфавитном списке членов (не датирован, возможно, составлен в первых числах марта 1917 г.), неполном (листы с литерами от «А» по «О», остальные листы в деле отсутствуют), перечислено 162 чел.⁴³⁷ Можно предположить, что списочный состав собрания ЯКОБ (в марте) достигал трёхсот человек. Число участников собрания ЯКОБ было большим. К примеру, количество КОБов в других городах Сибири колебалось от 80 (Красноярск) до 300 (Иркутск)⁴³⁸.

Как было сказано выше, в архивном фонде хранятся протоколы собраний ЯКОБ за следующие числа: 8, 10 марта; 1, 10, 24, 27 апреля; 1, 5, 7 мая; 6, 13 августа; 4, 9 сентября; 10 октября. Опубликованы в газете «Вестник ЯКОБ» протоколы за следующие даты: 5, 6, 8, 10 марта. Таким образом, за 8 месяцев было проведено не менее 18 собраний.

Порядок проведения собрания был таков. Сначала проходила процедура утверждения протокола предыдущего собрания. Затем оглашалась повестка настоящего собрания, которая также могла быть поправлена собранием.

Начавшись вечером после рабочего дня, в восемь или девять часов вечера, собрания заканчивались, как правило, в два-три часа ночи⁴³⁹.

На собраниях могли присутствовать все желающие, для них были отведены отдельные места. Однако нередко публика смешивалась с членами собрания, создавая суету и неразбериху при голосовании.

Председатель (и его заместители) был спикером, вёл собрание. Анализ документов показал, что председатель Исполнительного бюро стал выполнять обязанности и председателя собрания.

Первым председателем собрания ЯКОБ был избран большевик Г.И. Петровский, однако вскоре после выдвижения его

⁴³⁶ Копия протокола заседания Комитета Общественной безопасности от 1 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁴³⁷ Список членов Комитета общественной безопасности // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3.

⁴³⁸ Шишкин В.И. Указ. соч., с. 34.

⁴³⁹ Протокол от 1 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

на пост комиссара Временного правительства место председателя собрания занял меньшевик Г.О. Охнянский (6 марта). С августа, как видно по протоколам, на собраниях ЯКОБ председательствовал Комиссар Якутской области эсер В.Н. Соловьев⁴⁴⁰.

Собрание решало значительный круг вопросов. Например, вот извлечения из повестки протоколов за март-май 1917 г.: о покупке дома для бактериологической станции ветеринарного ведомства; о нормах и основах выборов в общественное самоуправление; о положении в Ново-Николаевском селении; о выборных началах для духовенства Якутской епархии; о перенесении в Якутск арестантской богадельни из Хатын-Аринского селения; об уголовных ссыльнопоселенцах, освобождённых 10 марта, дела которых находятся в стадии судебного расследования; о назначении ревизии деятельности бывшего городского головы П.А. Юшманова и секретаря А.В. Пермякова; о назначении ревизии по деятельности агронома; о засеве тюремной земли⁴⁴¹; о расформировании казачьего полка⁴⁴²; о перевозе через р. Лену⁴⁴³; об упразднении учреждений (Областное по воинской повинности присутствие, Окружное по воинской повинности присутствие, Окружной Комитет по отсрочке военнообязанным, Делопроизводства в Областном Правлении по выдаче солдатских пайков) и передаче их в Военно-Казачью Комиссию; о выборах в Городские избирательные Бюро; о прекращении дел уголовно-ссыльных, освобождённых 10 марта⁴⁴⁴; о ревизии дел Консistorии Якутской епархии⁴⁴⁵.

При этом следует заметить, что повестка эта не была исчерпана в течение полугода.

Секретариат собрания был представлен тремя лицами (в марте-апреле: А.П. Широкова А. Гомельский, М. Константинов). Каждый из них вел свои записи во время собраний, из которых затем составлялся общий машинописный черновик. Для этого

⁴⁴⁰ Протокол собрания от ЯКОБ 6 августа // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 91-97; То же от 13 августа // Там же. Л. 99-105.

⁴⁴¹ Протокол собрания ЯКОБ от 1 апреля // Там же. Л. 17 об.

⁴⁴² Протокол собрания ЯКОБ от 14 апреля // Там же. Л. 27.

⁴⁴³ Протокол собрания ЯКОБ от 28 апреля // Там же. Л. 72.

⁴⁴⁴ Протокол собрания ЯКОБ от 1 мая // Там же. Л. 82.

⁴⁴⁵ Порядок дня очередного заседания ЯКОБ 5 мая // Там же. Л. 84.

секретариат организовывал свое заседание после собрания. Черновик протокола прошлого заседания оглашался в начале нового собрания; члены собрания вносили свои поправки; собрание утверждало протокол; после этого составлялся окончательный (беловой) протокол.

В процессе работы с протоколами сделаны следующие наблюдения. В первых записях секретарей речи ораторов передавались дословно. В машинописном (сводном) варианте секретари вносили правки, смягчая формулировки. Протоколы, опубликованные в газете «Вестник ЯКОБ», проходили еще большую правку, иногда в них включались сюжеты, которые отсутствовали в протоколах секретариата.

В обязанности секретариата, кроме ведения протоколов, входило оглашение различных документов, запрошенных собранием или поступивших в адрес собрания.

Исполнительное бюро (далее ИБ) избиралось из числа членов собрания. Первое бюро было сформировано на первом собрании ЯКОБ, в него вошло семь человек – председатель, два его заместителя и четыре члена⁴⁴⁶. В первый состав ИБ вошли Г.И. Петровский, П.Ю. Пивоваров, Н.Е. Олейников, В.Н. Соловьев, М.Ф. Слепцов, М.В. Акуловский, И.М. Бланков⁴⁴⁷.

В обязанности ИБ входила подготовка собраний: формирование повестки, подготовка справок и докладов с подробным освещением рассматриваемого вопроса, а также проекты решений. Одной из обязанностей ИБ, делегированных ему собранием, был предварительный просмотр и вынесение на утверждение Собрания списков делегатов в ЯКОБ от разных учреждений, союзов и т. д.⁴⁴⁸

Собрание давало ИБ различного рода разовые поручения, например: подготовить воззвания к населению о необходимости соблюдать трезвость и об ответственности самогонщиков перед народом⁴⁴⁹; организовать празднование дня Революции, назначенное на 10 марта⁴⁵⁰.

---

⁴⁴⁶ Выборы Исполнительного Бюро // Вестник ЯКОБ. 1917. № 41 (15 апр.). С. 1.

⁴⁴⁷ Телеграмма управляющего областью // Там же. № 15. С. 2.

⁴⁴⁸ Протокол от 8 марта 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴⁴⁹ Протокол ЯКОБ от 6 марта 1917 г. // Вестник ЯКОБ. 1917. № 10. С. 4.

⁴⁵⁰ Протокол от 8 марта 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

ИБ вело переписку с Временным правительством, Иркутским областным КОБом, другими учреждениями и организациями. ИБ имело своего секретаря, который занимался делопроизводством, подготовкой документов для собрания, участвовал в собрании, оглашал содержание документов.

ИБ было наделено инициативными функциями: подавало на рассмотрение собрания важные решения (например, об аресте делегата Тодорова, якобы грозившего ЯКОБу вооруженным нападением⁴⁵¹, или об организации революционного трибунала⁴⁵²).

В случаях, когда собрание не могло решить вопрос из-за возникших разногласий, вопрос отдавался на решение ИБ (например, об амнистии заключенных Якутской тюрьмы⁴⁵³; об установлении размера оплаты за проезд на пароходах⁴⁵⁴).

ИБ независимо от собрания, без его одобрения, принимало постановления (например, об увольнении прокурора Якутского окружного суда Яворского⁴⁵⁵). (В этом случае собрание присоединялось к постановлению ИБ). ИБ самостоятельно распоряжалось финансами.

Независимое положение ИБ было продиктовано тем, что комиссар Якутской области являлся членом ИБ.

О том, какие полномочия имело ИБ и как его функции соотносились с деятельностью собрания, можно судить из речи, произнесенной председателем собрания Г.О. Охнянским (социал-демократ) во время дискуссии по этому вопросу. «На Исполнительном бюро лежит обязанность политического руководителя. ... Вся принципиально-политическая работа лежит на Исполнительном Бюро»⁴⁵⁶, «Исполнительное Бюро становится направляющим центром действительного расширения и углубления революционного движения в области»⁴⁵⁷. Таким образом, работа Исполнительного бюро не сводилась только к исполнительным функциям.

⁴⁵¹ Протокол от 10 апреля 1917 г. // Там же. Л. 20.

⁴⁵² Протокол от 5 мая 1917 г. // Там же. Л. 85 об.

⁴⁵³ Протокол от 8 марта 1917 г. // Там же. Л. 6.

⁴⁵⁴ Протокол от 27 апреля 1917 г. // Там же. Л. 61.

⁴⁵⁵ Протокол от 5 мая 1917 г. // Там же. Л. 85.

⁴⁵⁶ Протокол от 10 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 об.

⁴⁵⁷ То же. // Там же. Л. 22.

Исполнительное бюро работало ежедневно; занимало помещение в здании бывшего дома губернатора⁴⁵⁸. Члены ИБ ежедневно дежурили, принимая посетителей; график дежурств помещался в газете «Вестник ЯКОБ»⁴⁵⁹.

Когда постановлением Временного правительства в Сибири было введено земство (документ от 21 мая 1917 г.), на ИБ была возложена работа по организации выборов в земские учреждения Якутской области⁴⁶⁰ (перепись населения, разделение Якутского округа на избирательные участки, рассылка бланков). Кроме этого ИБ разрабатывало инструкции по организации выборов в земские организации (например, для улусных комиссаров)⁴⁶¹.

ИБ претерпело несколько реорганизаций. Первая произошла в конце марта-апреле, когда произошел межпартийный конфликт и из состава ИБ вышла фракция социал-революционеров⁴⁶², а социал-демократы сложили свои полномочия⁴⁶³. Решением общего собрания ЯКОБ председатель ИБ стал избираться тайным голосованием⁴⁶⁴. 14 апреля был выбран новый состав ИБ. Из ИБ были выведены четыре человека (П.Ю. Пивоваров, И.М. Бланков, М.Ф. Слепцов, Н.Е. Олейников), трое из прежнего состава были оставлены (Г.О. Охнянский, В.Н. Соловьев, М.В. Акуловский)⁴⁶⁵. Среди новых членов ИБ были Н.Е. Афанасьев, П.Ю. Перкон и Г.К. Орджоникидзе. Таким образом, из семи членов четверо были социал-демократами. Кроме этого своих представителей в ИБ делегировали собрание якутов, Якутский комитет РСДРП, Якутский комитет ПСР (партии социал-революционеров) и Совет солдатских депутатов.

Другая реорганизация произошла в мае, когда из области выехали амнистированные политические ссыльные, и в августе, после выборов в земскую думу.

Сведения о Малом комитете скудны. Впервые Малый комитет упоминается в протоколе собрания ЯКОБ за 24 апреля 1917

⁴⁵⁸ Товарищи политические ссыльные! // Вестник ЯКОБ. 1917. № 27 (28 марта). С. 4.

⁴⁵⁹ Например, в апреле см.: Вестник ЯКОБ. 1917. № 42 (17 апр.). С. 1.

⁴⁶⁰ Постановление // Вестник ЯКОБ. 1917. № 113 (14 июля). С. 1.

⁴⁶¹ Инструкция улусным комиссарам // Там же. № 65 (16 мая). С. 2.

⁴⁶² От Исп[олнительного] Бюро КРБ // Там же. № 33 (6 апр.). С. 2.

⁴⁶³ Протокол от 10 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

⁴⁶⁴ Выборы Исполнительного Бюро // Вестник ЯКОБ. 1917. № 41 (15 апр.). С. 1.

⁴⁶⁵ Телеграмма управляющего областью // Вестник ЯКОБ. 1917. № 15. С. 2.

г.⁴⁶⁶ Известно, что членами Малого комитета были делегаты собрания ЯКОБа, председателем Малого комитета был председатель собрания ЯКОБ. Протоколы Малого комитета утверждались ЯКОБом. Известен его личный состав.

Таблица 9

Табл.9. Личный состав Малого комитета ЯКОБ⁴⁶⁷

Должность	Ф.И.О.
Председатель	Охнянский Г.О.
Товарищ председателя	Соловьев В.Н.
Члены:	Акуловский М.В. Андреев В.Г. Астраханцев Н.Н. Афанасьев Н.Е. Брегель Я.С. Будищев Булкина Виленская М.М. Виленский В.Д. Волковинский А. Гаврильев К. Галин-Галер А. Голиков Н.Ф. Грибановский Н.Н. Диваев Егасов Е.М. Жуковский Иванов С. Иванов В. Карякин С.А. Комышев Краснов И.

⁴⁶⁶ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

⁴⁶⁷ Таблица составлена по архивному делу: НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Копии и черновики протоколов заседаний ЯКОБ о работе комиссий ЯКОБ 25 апреля - 4 мая 1917 г.

Кузнецов Е.
Лемзяков Д.
Никитина
Новгородов С.
Олейников Н.Е.
Павлов И.
Попов В.
Попов Дим.
Проскура В.
Рогожин И.А.
Рукавишников И.
Сахарова А.А.
Трифонов
Червинский
Шалаев
Широких А.Д.
Широкова А.П.
Эверстов В.

В архивных фондах выявлены материалы о ревизии деятельности комиссий ЯКОБ, рассмотренных на заседании Малого комитета (об этом сказано ниже). Отсутствие сведений о Малом комитете в протоколах ЯКОБ позволяет сделать вывод, что названный комитет мог быть создан только для рассмотрения деятельности комиссий.

Комиссии стали создаваться в первые же дни работы ЯКОБ; они имели различные задачи.

Пока исследователи только называли комиссии, не предлагая каких-либо классификаций. Один из членов ЯКОБ (И.Н. Эверстов) предложил такое их деление: 1) самостоятельные, 2) комиссариаты и 3) контролирующие органы тех учреждений, которые не реорганизованы⁴⁶⁸. Теперь трудно понять главный признак предложенной классификации. В зависимости от длительности их работы можно предложить делить комиссии на

⁴⁶⁸ Протокол заседания Малого комитета от 25 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об.

временные (созданные для решения неотложных временных практических задач), постоянные исполнительные (или контролирующие) (комиссариаты, бюро).

К числу временных можно отнести комиссии, созданные для приема дел от прежней администрации области: комиссия по приему дел Областного управления, комиссия по приему городского хозяйства, приемная комиссия по продовольствию⁴⁶⁹, по приему Окружного полицейского управления⁴⁷⁰.

Несколько комиссий было создано для ревизии деятельности некоторых организаций: агрономической (работала с 14 марта до 24 апреля)⁴⁷¹, по делам лесостроительной организации, по ревизии духовной консистории⁴⁷².

Ряд временных комиссий был создан в связи с объявленной 10 марта амнистией уголовно-ссыльных: по делам уголовно-ссыльных (занималась оформлением документов (удостоверений личности) и отправкой их к местам проживания)⁴⁷³; по изысканию средств для отправления уголовно-ссыльных к местам проживания (сформирована 7 мая)⁴⁷⁴.

В качестве временной комиссии было создано Бюро помощи политическим ссыльным (в конце марта – июне), оно занималось сбором денежных средств для отбывающих амнистированных политссыльных⁴⁷⁵.

Постоянно действующими комиссиями были следующие: комиссариат по врачебной части (создан в первых числах марта; издавал свои постановления⁴⁷⁶), врачебно-санитарное Бюро (занималось организацией врачебной и фельдшерской помощи населению – неотложная помощь на дому, дежурства в амбулатории⁴⁷⁷), крестьянско-инородческая, финансовая, комиссариат

⁴⁶⁹ Петровский Г.И. Первое впечатление // Вестник ЯКОБ. 1917. № 8. С. 2; Телеграмма управляющего областью // Вестник ЯКОБ. 1917. № 15. С. 2.

⁴⁷⁰ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

⁴⁷¹ Городская жизнь // Вестник ЯКОБ. 1917. № 19 (17 марта). С. 2; Постановление [Комиссии по ревизии агрономической организации] // Там же. № 53 (15 мая). С. 1.

⁴⁷² НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 2, 5.

⁴⁷³ Протокол заседания Малого комитета от 25 апреля 1917 г. // Там же. Д. 7. Л. 14 об.

⁴⁷⁴ Протокол заседания ЯКОБ от 7 мая 1917 г. // Там же. Д. 1. Л. 74.

⁴⁷⁵ Товарищи политические ссыльные! // Вестник ЯКОБ. 1917. № 27 (28 марта). С. 4.

⁴⁷⁶ Постановление № 1 Комиссариата по врачебной части // Там же. № 10. С. 1.

⁴⁷⁷ От Врачебно-санитарного бюро // Вестник ЯКОБ. 1917. № 52 (2 мая). С. 1.

по судебной части⁴⁷⁸, Бюро охраны труда (16 марта; занималось решением трудовых споров, нормированием, вопросами оплаты труда, оказанием денежной помощи рабочим и профсоюзным организациям)⁴⁷⁹.

На правах комиссариата (но временно, до выборов в Якутскую городскую народную думу) действовала временная Городская управа⁴⁸⁰ (её членами были представители ЯКОБ⁴⁸¹) и при ней – хозяйственная комиссия⁴⁸². Выборы в Якутскую городскую народную думу были проведены 18 мая, первое заседание её состоялось 21 мая. Можно предположить, что тогда же состоялась передача дел от ЯКОБ к городской думе.

Всего при ЯКОБ действовало 24 или 25 комиссий⁴⁸³.

Комиссии сами определяли сферу своего влияния. Финансовая комиссия, например, считала, что её функцией была выработка «...разного рода заключений по финансовым вопросам и в изыскании средств на нужды области из имеющихся кредитов в распоряжении разных учреждений и лиц области». Комиссия занималась сбором сведений о наличии финансовых средств в ведении разных учреждений, а также о доходах и расходах по области за 1916 г. (с целью выяснения вопроса, «...что получала Якутская область в год и что она тратила и из каких источников»⁴⁸⁴). Крестьянско-инородческая комиссия была создана для организации инородческого съезда. После выполнения задачи в недрах комиссии выработалось мнение, что комиссия «...смотрит на свою функцию как на функцию будущего земства»⁴⁸⁵.

Деятельность некоторых комиссий совпадала со сферой деятельности Якутского областного управления. Например, Финансовая комиссия стала дублировать работу бухгалтерского стола Якутского областного управления⁴⁸⁶. Строительно-техническая

⁴⁷⁸ Постановление Комиссариата по судебной части // Там же. С. 4.

⁴⁷⁹ Протокол I-го собрания Бюро труда и охраны труда, состоявшегося 16 марта ... // Там же. № 22 (21 марта). С. 1.

⁴⁸⁰ На заседании, состоявшемся 5 марта под председательством [депутата Петровского] // Там же. № 8 (8 марта). С. 2.

⁴⁸¹ Новый состав Управы // Там же.

⁴⁸² Хозяйственная комиссия // Там же. № 13. С. 5.

⁴⁸³ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 4-9.

⁴⁸⁴ Доклад Финансовой комиссии // Там же. Д. 7. Л. 18.

⁴⁸⁵ Протокол заседания Малого комитета от 25 апреля 1917 г. // Там же. Л. 17.

⁴⁸⁶ Протокол заседания Малого комитета от 25 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп.

комиссия взяла на себя часть дел Якутского областного управления⁴⁸⁷. Комиссия по делам уголовно-ссылных и тюремным повторяла сферу деятельности тюремного управления Якутского областного управления⁴⁸⁸.

Для обсуждения работы комиссий 25 апреля 1917 г. состоялось заседание Малого комитета. Малый комитет выяснил, сколько комиссий всего было создано при ЯКОБ, каков круг их деятельности, их проблемы. Было выявлено следующее:

- при создании комиссий им не давалось никаких директив, не определялись функции, сфера деятельности, права и обязанности;

- во многих комиссиях участвуют одни и те же лица, что делало их работу малоэффективной;

- работа в комиссиях не оплачивалась, члены комиссий уделяли только личное свободное время для работы в них;

- из-за отсутствия информации со стороны комиссий ЯКОБ не имел представления об их деятельности;

- большинство комиссий не имели финансирования для обеспечения их деятельности⁴⁸⁹.

В качестве одной из комиссий в составленном для ИБ списке значится Революционный трибунал⁴⁹⁰. В его задачи входила охрана «...нового политического порядка и законов, издающихся народно-революционной властью». Ревтрибунал был призван выявлять и пресекать противодействия «...революционной власти и посягательства на основы нового порядка, а также и все нарушения гражданских свобод». Ревтрибуналу передавалась вся полнота судебной власти в Якутской области. Судебное разбирательство производится Ревтрибуналом публично, при участии шести представителей от революционно-социалистических партий и 5-ю лицами, избранными ЯКОБом; решение выносится простым большинством голосов⁴⁹¹. Дела уголовные

---

1. Д. 7. Л. 14-14 об.

⁴⁸⁷ То же. Л. 4 об.

⁴⁸⁸ То же. Л. 14-14 об.

⁴⁸⁹ То же. Л. 4 об.-6.

⁴⁹⁰ Там же. Д. 27. Л. 7 об.-8.

⁴⁹¹ Общие положения Якутского революционного трибунала // Вестник ЯКОБ. 1917. № 65 (16 мая). С. 1.

и гражданские были оставлены в ведении существовавшей судебной системы (окружной суд, мировые судьи)⁴⁹².

Необходимо заметить, что, по оценкам специалистов, на момент падения самодержавия в России действовала достаточно реакционная система судебных органов⁴⁹³. Временное правительство, формируя демократическую систему административного управления, оказалось перед выбором: либо создавать радикально новую судебную систему, либо преобразовать доставшееся от самодержавия наследие в соответствии с принципами судебной реформы 1864 года. Временное правительство, по мнению ученых, не могло пойти по пути радикального изменения судебной системы и, проявив осторожность, пошло по пути как сохранения судей, назначенных еще при царе, так и многих дореволюционных законов, лишь дополняя либо изменяя их⁴⁹⁴. Реконструкции подверглась наиболее реакционная часть царской юстиции: верховный уголовный суд, особые присутствия Правительствующего Сената, особые суды с участием сословных представителей судебных палат и окружных судов⁴⁹⁵. Во всех судебных органах институт сословных представителей был заменён на институт присяжных заседателей⁴⁹⁶. Достаточно серьезным преобразованиям была подвергнута система местных судов (упразднены должности земских начальников и кандидатов на эти должности; судебные функции земских начальников переданы временным судам, а административные – уездным комиссарам Временного правительства)⁴⁹⁷.

Однако присутствие в учреждениях юстиции судей, которые работали еще при царском режиме, вызывало негативную реакцию у населения. В качестве иллюстрации можно привести выдержку из речи одного из членов ЯКОБ при обсуждении вопроса о создании Ревтрибунала. «Старые законы в области политических отношений разрушились, на их место революционный

⁴⁹² Публикуется для всеобщего сведения // Там же. С. 2.

⁴⁹³ Абдулин Р.С. Формирование и развитие судебного управления в России с 1917 до середины 1990 годов: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. С. 251.

⁴⁹⁴ Там же, с. 38.

⁴⁹⁵ Там же, с. 30.

⁴⁹⁶ Там же, с. 32.

⁴⁹⁷ Абдулин Р.С. Формирование и развитие судебного управления в России с 1917 до середины 1990 годов: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. С. 33.

народ выдвигает новый закон. ...Революция, уничтожая старую законность и старое право, творит новое право... Когда мы, народная власть, желаем провести в жизнь новые правовые начала, он указывает на Закон, и кто указывает – прокурор Яворский, который и так давно в бытность товарищем прокурора Якутского Окружного суда, ... попирает этот закон. На законные требования политических заключённых этот страж самодержавной законности отвечал презрительным молчанием. Политических заключённых в Иркутске годами держали без важных даже для старой законности оснований. Морили их голодом, разрушали их здоровье и силы, и этот жандармский приспешник указывает нам, народной революционной власти, на какой-то закон»⁴⁹⁸.

Таким образом, Ревтрибуналы были реакцией на недостаточно радикальную реформу судебных учреждений; созданный без санкции Временного правительства Якутский Революционный трибунал был фактически вне закона, но отражал взгляд российского гражданина на то, какой должна быть новая законность.

Отдельно следует сказать о продовольственных комитетах. Они, по замыслу Временного правительства, наряду с земствами и городскими думами составляли второе административное звено. Продкомитеты являлись общественно-административными органами. В их состав должны были входить представители земских и городских общественных самоуправлений, местных районных союзов, производственных и потребительных кооперативов, местных советов рабочих депутатов, советов крестьянских союзов, губернских сельскохозяйственных обществ. Полномочия губернских продовольственных комитетов включали в себя общее руководство продовольственным делом губернии и исполнение нарядов центральной власти для нужд армии и населения⁴⁹⁹.

Якутская действительность была иной. Ещё до создания Временным правительством продовольственных комиссий на комиссара области были возложены «...обязанности уполномоченного председателя особого совещания по продовольственному делу...», с передачей в его ведение всех дел по снабжению

⁴⁹⁸ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 85 об.

⁴⁹⁹ Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. док. экон. наук Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 373.

продовольствием и отпущенные государственные кредиты⁵⁰⁰. Чрезвычайная (временная) Продовольственная комиссия была создана на собрании 5 марта 1917 г. В её ведение перешли все дела, связанные с урегулированием продовольственных вопросов⁵⁰¹. Тогда же было решено, что временная Продовольственная комиссия ЯКОБ должна вобрать в себя все существовавшие прежде продовольственные комиссии: чрезвычайную продовольственную комиссию военного времени, постоянную краевую продовольственную комиссию⁵⁰². Таким образом, с первых дней Продовольственная комиссия (а позже комитет), в составе которой были только члены ЯКОБ, рассматривалась ЯКОБом как подотчетная общественному комитету единица.

Таким образом, в первые дни революции ЯКОБу перешли полномочия старой администрации (Якутское областное управление) и всех существовавших при ней общественно-государственных образований (продовольственные комиссии), а также городского самоуправления.

Управленческая идеология ЯКОБ

В качестве управленческой идеологии можно рассматривать общедемократические принципы в государственном устройстве, на основе которых строилась новая структура власти в первой половине 1917 г. В декларации, обнародованной Временным правительством 3 марта 1917 г., объявлялись широкие демократические преобразования, в том числе свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмена все сословных, вероисповедальных и национальных ограничений. В обществе важнейшими, узловыми были такие понятия, как «свобода», «социальная справедливость», «права гражданина», «свободный народ».

Собрание Якутского комитета общественной безопасности объявило себя органом народовластия. Слово «революция» было едва ли не самым часто употребляемым на собраниях ЯКОБ. Главным лозунгом дня был такой: «Да здравствует рус-

⁵⁰⁰ Телеграмма министра земледелия Комитету Общ[ественной] безопасности города Якутска // Вестник ЯКОБ. 1917. № 6. С. 1.

⁵⁰¹ Протокол ЯКОБ от 6 марта 1917 г. // Там же. № 10. С. 3.

⁵⁰² Там же // То же.

ская революция и союз освобождённых народов!»⁵⁰³. Сам КОБ воспринимался безусловно как революционный орган⁵⁰⁴, как орган революционного творчества⁵⁰⁵, как первый свободный якутский парламент⁵⁰⁶. За Комитетом Общественной Безопасности всеми признавалось право на революционное полномочие⁵⁰⁷. Поддержание революционной власти Комитета, укрепление его авторитета, единства и революционного престижа в целом члены КОБ считали своим долгом⁵⁰⁸.

На собраниях пресекались попытки критиковать работу КОБа. Так, гражданка А.П. Широкова, защищая права государственных служащих, позволила себе резко высказаться о действиях собрания КОБ по отношению к представителям Союза государственных служащих. Собрание всерьёз обсуждало вопрос о привлечении Широковой к ответственности за высказанное по адресу КОБ порицание. Широковой пришлось отказаться от выраженного КОБу и президиуму порицания и извиниться⁵⁰⁹.

Именно на укрепление престижа КОБ была направлена серьёзная борьба за чистоту его рядов. Так, тщательно рассматривались списки делегатов от организаций, союзов, учреждений, чтобы не допустить лиц, служивших в структурах старой власти.

Большинство делегатов из-за малочисленности рабочих в городе составляли так называемые обыватели – политически активная городская интеллигенция. Народ (рабочих, солдат, крестьян), как видно из протоколов заседаний, члены ЯКОБ наделяли, как и повсюду тогда в России, некоей сакральной народной мудростью. Образ рабочего идеализировался. И где раньше были нанимаемые работники, то теперь они назывались «рабочий класс»⁵¹⁰. Петроградские рабочие и солдаты получили статус мужественных и мудрых стражей русской революции⁵¹¹.

⁵⁰³ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 21.

⁵⁰⁶ Там же. Л. 57.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 21.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 21.

⁵⁰⁹ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 57-60.

⁵¹⁰ Там же. Л. 18.

⁵¹¹ Там же. Л. 35.

В речах социал-демократов создается этакий образ русского рабочего, работающего по 18 часов в сутки не покладая рук, чтобы снабдить армию необходимым продовольствием и снарядами⁵¹². «Мы, демократы и революционеры, – говорил председатель собрания социал-демократ Г.О. Охнянский, – боремся за то, чтобы армия и рабочие могли властно вмешаться в дело управления, в дела своих профессиональных организаций. В данный момент важнее всего организация демократической власти»⁵¹³. Поэтому становится понятным придание большой роли Совету рабочих и солдатских депутатов. Этот совет рассматривался как единственный орган революционной демократии. Ему отводилась роль органа революционного контроля.

Привлекает внимание идея социал-демократов, высказанная Г.О. Охнянским, о том, что революционную власть в Якутии могут создать только социалистические партии (эсеры и эсдеки), поскольку «...здесь нет демократических и революционных партий, которым могло бы быть передано дело углубления и расширения революции через органы революционного народовластия»⁵¹⁴. Очень важная мысль. Действительно, в то время ещё не оформилась партия федералистов, хотя многие из будущих её членов были в составе ЯКОБ или присутствовали на его заседаниях. Как видится, первые опыты парламентской работы убедили национальную интеллигенцию в том, что только партия реально и практически может участвовать в управлении областью.

В качестве одного из идеологических посылов можно рассматривать противопоставление понятий «старое» и «новое», где старое было безусловно плохим и подлежало слому. Так, старых членов Областного правления нужно удалить со службы⁵¹⁵; старые чиновники – это слуги, прислужники старого правительства, старого режима; очистить от них учреждения будет лучше для свободной России⁵¹⁶, старые законы разрушились, народ принимает новые законы⁵¹⁷.

⁵¹² НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

⁵¹⁵ Там же. Л. 36 об.

⁵¹⁶ Там же. Л. 37.

⁵¹⁷ Там же. 1. Л. 85 об.

Комиссар Якутской области и ЯКОБ

Должность комиссара Якутской области, в отличие от ЯКОБ, была запланирована реформой органов местной власти, которую проводило Временное правительство. Должность была введена 5-6 марта 1917 г. Комиссар (губернский и уездный), представитель центральной власти, по задуманной административной реформе должен был стать основным звеном административного управления⁵¹⁸.

В первые дни революции, когда еще действовал Временный комитет Государственной Думы, полномочиями комиссаров наделялись руководители земских и городских органов самоуправления, но эта практика не получила широкого распространения⁵¹⁹. Одновременно с этим в провинции в качестве комиссаров отправлялись члены Государственной Думы (для разрешения различных проблем, возникших в связи с революционными событиями, и организации власти на местах)⁵²⁰. При этом, как пишут ученые, когда из регионов стали поступать протесты против назначенных лиц и просьбы утвердить избранные народом кандидатуры, Временное правительство применило гибкую политику. Кандидатуры губернских комиссаров стали согласовываться с местными общественными комитетами⁵²¹.

Комиссар Якутской области одновременно был и депутатом Государственной Думы, и выбранным от жителей области лицом. Это был сосланный в Якутскую область социал-демократ Г.И. Петровский. На момент избрания он работал слесарем в одной из городских мастерских. Представляется, что горожанам Петровский был мало знаком, так как в Якутск прибыл только в сентябре 1916 г.

Ни в исследовательской литературе, ни в архивах пока не обнаружены сведения о том, каким образом в Якутске проходили выборы комиссара, были ли другие кандидатуры. По воспоминаниям самого Г.И. Петровского, при обсуждении кандидату-

⁵¹⁸ Административные реформы ... с. 393.

⁵¹⁹ Административные реформы ... с. 367-368; Тропов И.А. Местная власть в России в 1917 года: традиции и новации // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 108-109.

⁵²⁰ Административные реформы ... с. 367-368.

⁵²¹ Тропов И.А. Местная власть ... с. 109.

ры комиссара «...были очень резкие столкновения с кадетами и эсерами, но я все же был избран областным комиссаром»⁵²². Представляется, что определяющим фактором при выборах стал депутатский статус Г.И. Петровского и его опыт парламентской работы. Интересно, что в первые дни марта издаваемая Исполкомом ЯКОБ газета опубликовала телеграмму, адресованную вице-губернатору Якутской области Д.О. фон Тизенгаузену, о немедленном освобождении членов Государственной Думы, среди которых назван Г.И. Петровский⁵²³. Таким образом, якутяне были оповещены о том, что в городе есть депутат Государственной Думы.

В воспоминаниях одного из членов ЯКОБ, лидера якутской организации социал-демократов, политссыльного М.И. Губельмана (партийная кличка – Ем. Ярославский) сквозит некоторое пренебрежение к «мягкотелому» Петровскому. Однако не имеющий оконченного образования Петровский с 1912 по 1914 гг. представлял в Государственной Думе рабочую курию Екатеринославской губернии, был председателем социал-демократической рабочей фракции Думы; имел яркий ораторский талант, свыше тридцати раз выступал с думской трибуны. Позже, в ноябре 1917 г., Г.И. Петровский будет назначен наркомом внутренних дел Российской республики⁵²⁴.

Область действия губернского комиссара была сродни функциям губернатора. В инструкции от 4 апреля 1917 г. Временное правительство поясняло, что губернский комиссар – носитель власти Временного правительства в губернии, полномочия его равны полномочиям прежнего главы губернской администрации – губернатора, он олицетворяет власть Временного правительства в уезде; под его контролем проходит работа волостных КОБов. При этом указывалось, что уездный комиссар – лицо выборное⁵²⁵.

⁵²² Петровский Г.И. Накануне великих событий // О Емельяне Ярославском: Воспоминания, очерки, статьи. М.: Политиздат, 1988. 303 с. С. 91.

⁵²³ Освобождение депутатов II и IV государственных дум. Копия телеграммы Пильца Тизенгаузену // Вестник ЯКОБ. 1917. № 2. С. 1.

⁵²⁴ Кавун М. Григорий Петровский [Электронный ресурс]. Красное и черное // Gorod.dp.ua: Днепропетровский городской сайт: История города. URL : https://www.gorod.dp.ua/history/article_ua.php?article=174 (дата обращения: 16.01.2019).

⁵²⁵ Циркулярная телеграмма комиссарам // Вестник ЯКОБ. 1917. № 35 (8 апр.). С. 1.

В исследовательской литературе цитируется циркуляр главы Временного правительства Г.Е. Львова, где говорится, в частности, что на основании сообщений от волостных и уездных комиссаров глава губернии должен составлять отчеты и донесения обо всех нарушениях, замеченных в губернии (самовольная запашка, незаконная вырубка леса, волнения и забастовки, агитация против правительства, возбуждение национальной розни, правонарушения и пр.)⁵²⁶.

Якутское областное управление. Областному комиссару для ведения дел полагалась своя канцелярия. Однако, как видно из массива документов, при якутском областном комиссаре канцелярии не было. При этом деятельность Якутского областного управления (областная администрация имперской России) не была свёрнута. Как видно из протоколов ЯКОБ, в первые дни марта было решено не распускать штат областного управления, использовать его кадровый состав и отлаженное делопроизводство. Была оставлена прежняя его структура (отделения, столы). Чиновники прежней администрации, ввиду дефицита управленцев, были первоначально оставлены на своих местах. Двое из чиновников – Н.М. Берёзкин (старший советник Областного управления) и И.Д. Карпов (чиновник особых поручений) – были уволены «...за их явно реакционное отношение к свершившемуся политическому перевороту»⁵²⁷. На их места были назначены А.И. Попов (из казачьего звания, авторитетный в обществе человек, исследователь) и Г.А. Бушуев, канцелярский сотрудник⁵²⁸. Заведовал областным управлением И.Н. Эверстов⁵²⁹.

Уже в апреле 1917 г. был поставлен вопрос об упразднении Якутского областного управления⁵³⁰. Однако, как видно из публикаций газет того времени, еще в сентябре управление действовало.

Можно предположить, что Якутское областное управление подчинялось комиссару, так как в протоколах ЯКОБ не рассма-

⁵²⁶ Тропов И.А. Местная власть ... с. 109-110.

⁵²⁷ Протокол ЯКОБ от 5 марта // Вестник ЯКОБ. 1917. № 8. С. 1-2.

⁵²⁸ Протокол ЯКОБ от 8 марта 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵²⁹ НА РС (Я). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁵³⁰ Протокол заседания Малого комитета от 25 апреля 1917 г. // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 17 об.

тривались вопросы о деятельности областного управления, не делались в его адрес распоряжения. Таким образом, Областное управление могло представлять собой канцелярию комиссара Якутской области.

Социал-демократы в ЯКОБе

Как известно, до выезда амнистированных политических ссыльных в ЯКОБе и ИБ лидирующее положение занимали социал-демократы. Эта партийная группа была самой малочисленной, имела узкую социальную базу. Поэтому возникает вопрос, как получилось, что социал-демократы возглавляли ЯКОБ, заседали в Продовольственном комитете, представляли большинство в ИБ.

Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к первым дням революции в Якутске.

Как видно из ряда неопубликованных воспоминаний, первые дни революции почти не запомнились очевидцам; все происходило быстро, люди были возбуждены. Как и во многих городах Сибири, публичные лица – администрация области, самоуправления, национальные лидеры, общественные деятели, руководители самой многочисленной в г. Якутске партийной группы социал-революционеров (эсеры) – заняли выжидательную позицию, ожидая инструкций или сведений о том, что происходит в столице.

Не растерялись ссыльные социал-демократы (большевики), отбывавшие ссылку в г. Якутске. По получении информации о падении самодержавия (3 марта), по воспоминаниям одного из лидеров большевиков и члена ЯКОБ Ем. Ярославского, группа социал-демократов собралась для обсуждения плана действий. «Собрание нашей группы постановило, что мы должны немедленно выпустить обращение ко всему населению, оповестить о происходящих событиях, призвать к свержению местной царской власти, взять власть в свои руки, обратиться с воззванием к местному гарнизону, на вечер назначить общее народное собрание...»⁵³¹.

⁵³¹ Ярославский Ем. Февральская революция в Якутии // Он же. О Якутии. Якутск: Кн. изд-во, 1968. С. 190.

Большевики взяли на себя инициативу отдавать распоряжения еще до народного собрания. По воспоминаниям Ем. Ярославского, группа социал-демократов постановила предложить крупным магазинам прекратить работу в этот день. «В магазинах мы прочитывали полученную телеграмму и предлагали немедленно закрывать магазин. ... Несмотря на то, что мы всё ещё были политическими ссыльными, наши распоряжения были исполнены: магазины были закрыты»⁵³².

Днем 3 марта был митинг. Вечером публика собралась на спектакль, и в одном из антрактов выступил Ем. Ярославский. По его воспоминаниям, в первом ряду зрительного зала сидели вице-губернатор Якутской области барон Д.О. фон Тизенгаузен, чиновники областного правления, городской голова П. Юшманов, городской полицмейстер Рубцов, купцы и др.⁵³³

По воспоминаниям социал-демократа Г.И. Шергина, которому в то время было не более 20 лет, обстановка, в которой проходило выступление Ем. Ярославского, произвела на него гнетущее впечатление. «Страшным показалось то, что в зале было темно, окна завешены, а на улице был закат солнца, только на сцене на столе (без скатерти) горела керосиновая лампа и т. Ярославский Е. что-то говорил. ... Из речи ничего сейчас не помню, кроме сотый раз повторения содержания телеграфных сведений да разъяснений кто такие политические ссыльные и о значении революции»⁵³⁴.

Сам Ем. Ярославский, по его свидетельствам, среди прочего, обратившись к царской администрации, заявил: «...Вы доживаете последние часы, и власть уже не в ваших руках, власть в руках восставшего народа. Если вы добровольно не отдадите её, тем хуже для вас»⁵³⁵. Г.И. Шергин вспоминал позже, что была острая ситуация, когда «...кто-то решительный ... вскочил на сцену и, закричав на толпу: «Бараны!», предложил Рубцова (главу городской полиции. – З.Т.) арестовать и обезоружить. К этому времени опять появился свет и в полумраке услышал воз-

⁵³² Ярославский Ем. Февральская ..., с. 190.

⁵³³ Там же, с. 192.

⁵³⁴ [Шергин Г.И.] Якутский февраль 1917 года // НА РС (Я). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 1 об.

⁵³⁵ Ярославский Ем. Февральская ..., с. 192-193.

глас, что обезоружили, и спрашивали Ярославского, куда девать шашку»⁵³⁶.

Поздним вечером 3 марта социал-демократы образовали Революционный комитет из числа политссыльных (Г.И. Петровский, Е. Ярославский, К. Кирсанова, Г.О. Охнянский – социал-демократы; П.Ю. Пивоваров, В.Н. Соловьёв, К.К. Медницкий, И.М. Бланков, В.А. Панкратов, М. Сабунаев – эсеры) и местной молодёжи, членов революционного кружка (М.К. Аммосов, П.А. Слепцов (Ойунский)). Комитет обсудил вопрос о захвате власти⁵³⁷. Было решено создать временный орган управления.

Революционный комитет вел себя решительно и агрессивно. На следующий день, 4 марта, группа вооруженных людей под предводительством члена Ревкома Ем. Ярославского явилась на заседание Якутской городской думы и предложила передать полномочия ЯКОБу⁵³⁸. В ночь с 4 на 5 марта делегация Ревкома во главе с Г.И. Петровским явилась на чрезвычайное ночное заседание местной администрации с требованием передать всю власть в области. Вице-губернатор Д.О. фон Тизенгаузен объяснил, что не имеет инструкций от вышестоящего начальства.

В ожидании реакции старой власти Ревком принял ряд предупредительных мер. По договоренности с телеграфными работниками исходящие и входящие телеграммы на имя вице-губернатора стали задерживаться. Также к солдатам местной команды (в которой проходили службу около двухсот человек) были отправлены представители Ревкома с призывом поддержать новую власть⁵³⁹.

Активную позицию политссыльных один из них, В.М. Крутовский, объяснил так: «...местные люди были всё-таки осторожны, колебались и выжидали, а у «политиков» никаких колебаний не было. Им рисковать было нечем. Они смело шли на форум и заняли первые места в революционном движении»⁵⁴⁰. Ем. Ярославский считал, что «...Якутск, переживший не одну трагедию ссыльных колоний, не одну смелую попытку револю-

⁵³⁶ [Шергин Г.И.] Якутский ... Л. 1 об.

⁵³⁷ Макаров Г.Г. Указ. соч., с. 200-201.

⁵³⁸ Макаров Г.Г. Указ. соч., с. 202-203.

⁵³⁹ Ярославский Ем. Что было ..., с. 134, 135.

⁵⁴⁰ Цитируется по: Шишкин В.И. Указ. соч., с. 36.

ционеров отстаивать своё право на иную жизнь», был напуган вестью о революции⁵⁴¹.

Лидерство на ключевых постах социал-демократы отчаянно отстаивали. Так, на одном из собраний ЯКОБ председатель, социал-демократ Г.О. Охнянский, призывая к порядку, сказал: «Прошу к порядку, прошу не топтать ногами. Вы не топтали ногами ни Тизенгаузену (вице-губернатор Якутской области. – *З.Т.*), ни прочим, когда нас, революционеров, предложивших им сложить власть, называли кучкой неизвестных людей»⁵⁴². Среди депутатов собрания культивировалось отношение к ИБ как исключительному органу, без всякой критики. За публично высказанное в адрес ИБ порицание можно было лишиться депутатского мандата и быть привлеченным к судебной ответственности.

ЯКОБ и Советы

Последние исследования, посвященные деятельности Советов в 1917 году, отмечают, что термин «двоевластие» неточен⁵⁴³. По наблюдениям И.А. Тропова, «...на местах существовало гораздо больше центров, которые в той или иной мере осуществляли властные полномочия. ...претендентов на власть могло быть столько, сколько насчитывалось активных организаций и учреждений. ...Советы были одним из многочисленных инструментов выражения и реализации широкими социальными слоями своих интересов и ожиданий»⁵⁴⁴.

Этот термин был введен В.И. Лениным и означал такую систему государственного управления, при которой власть была поделена между двумя органами: Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Методологическая схема, примененная к Петросовету, была ис-

⁵⁴¹ Ярославский Ем. Что было ..., с. 132-133.

⁵⁴² Протокол собрания от 24 апреля // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

⁵⁴³ Ябурова А.В. Осмысление проблемы двоевластия в современных исследованиях // Исторический феномен революции 1917 года в России: Материалы научно-практической конфедерации молодых ученых и студентов / Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2017. С. 115. С. 115-120.

⁵⁴⁴ Тропов И.А. Особенности функционирования советской системы в России в 1917–1920 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 34. С. 34-42.

пользована историками и в описании местной истории. Однако в Якутске, по мнению советских историков, «...существовало единовластие ЯКОБ...»⁵⁴⁵. Специалист по теме Г.Г. Макаров (1917–2004) приводил слова социал-демократов Ем. Ярославского и Г.И. Петровского о том, что о создании Совета рабочих депутатов «...трудно было и думать», так как «...не из чего было создавать»⁵⁴⁶.

Первым был создан не рабочий Совет, а солдатский. Первый его состав был выбран на общем собрании солдат Якутского гарнизона 31 марта 1917 г. Как сказано в протоколе, Совет из 25 человек избирался «для наилучшего обеспечения общественного порядка, для всемерного содействия Исполнительному Бюро [Якутского] Комитета Общественной Безопасности, в целях осуществления законов и предписаний Врем[енного] Революционного Правительства»⁵⁴⁷. Совет солдатских депутатов занимался вопросами внутренней жизни якутской местной команды и не вмешивался в вопросы управления областью⁵⁴⁸.

Совет рабочих депутатов был организован 23 апреля 1917 г. Однако, как следует из протоколов ЯКОБ, социал-демократы широко привлекали в этот орган уголовные элементы⁵⁴⁹, что делало его непривлекательным для общественности.

Таким образом, Советы не были самостоятельным органом власти, не вели своей самостоятельной политики, не находились в оппозиции к ЯКОБу, не имели рычагов власти и своего управ-

⁵⁴⁵ Макаров Г.Г. Указ. соч., с. 270.

⁵⁴⁶ Там же, с. 269.

⁵⁴⁷ НА РС (Я). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2. Протоколы заседаний солдатских депутатов Якутского гарнизона. На 43 л. Л. 11.

⁵⁴⁸ Захарова Т.В. Деятельность Якутского Совета солдатских депутатов (март-июнь 1917 г.) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре (г. Нижневартовск, 24–26 октября 2013 г.). Нижневартовск: Изд. Нижневарт. гос. ун-та, 2013. С. 135-138.

⁵⁴⁹ Из протокола ЯКОБ от 4 сентября 1917 г.: «Секретарь Шадрин докладывает об отношении С[овета] С[олдатских] Д[епутатов] к С[овету] Р[абочих] Д[епутатов]: принимая во внимание: ... 2) присутствие в этом Совете (рабочих депутатов. – Т.З.) в качестве её членов лиц с несомненным уголовным прошлым, имевшим место даже в революционное время, ... – Совет Военных Депутатов считает Совет Рабочих Депутатов в настоящем его составе не соответствующим интересам революции, категорически отказывается признать за ним революционную организацию ...» // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 110 об.-111.

ленческого аппарата; они не принимали законодательных актов или управленческих решений, важных для всей области и определяющих ход событий.

Ликвидация ЯКОБ

Комитеты общественных организаций/комитеты общественной безопасности по распоряжению Временного правительства от 5 (18) июля 1917 г. подлежали самоликвидации в связи с выборами в органы местного самоуправления⁵⁵⁰. Однако в Сибири процесс ликвидации комитетов затянулся. В Томской губернии, например, они работали до осени 1917 г.⁵⁵¹

В исследовательской литературе не изучен вопрос о ликвидации ЯКОБ. Состояние источниковой базы не позволяет пока выявить точную дату. Последний номер официального органа ЯКОБ – «Вестник ЯКОБ» – вышел 8 сентября 1917 г.⁵⁵² Последний протокол собрания ЯКОБ в архивном деле датирован 10 октября⁵⁵³. Последнее объявление о собрании ЯКОБ (помещено в газете от имени ИБ) вышло 31 октября⁵⁵⁴. Последнее упоминание о ЯКОБ (как информация о текущей жизни города) выявлено в номере от 7 ноября. Это было первое объединенное заседание общественных организаций и городского самоуправления (ЯКОБ, Комитет крестьянских и военных депутатов, Национальный комитет, Якутская городская народная дума, Комитет почтово-телеграфных служащих), на котором был создан Комитет охраны революции «...для сохранения целостности государства, самоотверженности и для общего блага»⁵⁵⁵. Это была реакция на захват власти в Петрограде большевиками и объявление о переходе власти в стране к Советам рабочих и солдатских депутатов.

⁵⁵⁰ Революция и Гражданская война в России. 1917–1923: Энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Терра, 2008. С. 318. 560 с.; Чудаков О.В. Городское самоуправление и общественные силы в Сибири в период демократического этапа революционных событий (март-октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 59. С. 59-63.

⁵⁵¹ Храпцов А.Б. Реформирование органов местного самоуправления в городах Томской губернии (март-октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 159. С. 157-161.

⁵⁵² От Исполнительного бюро ЯКОБ // Вестник ЯКОБ. 1917. № 157 (8 сент.). С. 1.

⁵⁵³ НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 124-134 об.

⁵⁵⁴ Якутское обозрение. 1917. № 21 (31 окт.). С. 4.

⁵⁵⁵ Там же. № 25 (9 нояб.). С. 4.

21 ноября 1917 г. ИБ ЯКОБ объявило об упразднении в Якутском уезде волостных комитетов общественной безопасности, на смену которым пришли волостные земства⁵⁵⁶. Можно предположить, что этим объявлением упразднился и сам ЯКОБ.

Просмотр протоколов ЯКОБ за сентябрь-октябрь показал следующее. В повестке дня заседания от 4 сентября 1917 стояли вопросы: об уплате за телеграмму социал-демократической фракции; об отношении Совета военных депутатов к Якутскому Совету рабочих депутатов; жалоба Кривошапкина на Виленского; о продовольственном комитете; результаты ревизии Совета Военных депутатов⁵⁵⁷. Протокол заседания от 10 октября представляет собой подробно зафиксированную ожесточенную словесную схватку между фракциями социал-демократов и социал-революционеров⁵⁵⁸.

Вместе с тем деятельность ИБ не была прекращена, что нашло отражение в газете «Якутское обозрение», которая стала издаваться объединенными демократическими силами с 13 сентября⁵⁵⁹, после прекращения издания «Вестника ЯКОБ». Известно, что ИБ собиралось на свои заседания два раза в неделю⁵⁶⁰. ИБ публиковало списки гласных, выбранных в волостные земства Якутского уезда⁵⁶¹, давало объявления о дате выборов в Якутское уездное земство⁵⁶² и о дате проведения Якутского областного земского собрания⁵⁶³, о роспуске КОБов в Якутском уезде в связи с началом работы земских учреждений⁵⁶⁴. Таким образом, можно предположить, что ИБ проводило работу по созданию земства и с началом его работы прекратило свою деятельность. Оформление системы земских учреждений в основном завершилось к концу января 1918 г.⁵⁶⁵

⁵⁵⁶ Якутское обозрение. 1917. № 30 (21 нояб.). С. 1.

⁵⁵⁷ Протокол пленарного заседания ЯКОБ от 4 сентября // НА РС (Я). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 124-134 об.

⁵⁵⁹ Грибановский Н.Н. Периодическая печать Якутии 1887-1930: Библиогр. указ. Ч. 1, вып. 1. Газеты. Журналы. Якутск: Нац. биб. Респ. Саха (Якутия), 1993. С. 10.

⁵⁶⁰ Там же. № 10 (5 окт.). С. 1.

⁵⁶¹ Там же. № 21 (31 окт.). С. 4; Там же. № 22 (2 нояб.). С. 4; Там же. № 30 (21 нояб.). С. 1.

⁵⁶² Там же. № 31 (23 нояб.). С. 1.

⁵⁶³ Там же. № 33 (28 нояб.). С. 1; Там же. № 38 (12 дек.). С. 1; Там же. № 39 (14 дек.). С. 1.

⁵⁶⁴ Там же. № 32 (25 нояб.). С. 1.

⁵⁶⁵ Фёдоров В.И. Земство в Якутии в контексте революций начала XX в. // Алаш и независимый Казахстан: преемственность идей и позиций: Материалы междунар. науч.-

Выводы

Таким образом, ЯКОБ воплотил в себе представления граждан о народовластии. Это был коалиционный надпартийный орган, в первые весенние месяцы имевший всю полноту власти в области.

Государственные органы власти (областной комиссар) и общественные (ЯКОБ) в Якутской области фактически не имели разграничений в деятельности; более того, наблюдается их срастание.

ЯКОБ все время своего функционирования находился под контролем социалистов (социал-революционеров и социал-демократов). Управленческая деятельность ЯКОБ до мая 1917 г. основывалась на идеологии большевизма (эклектика, склонность к насилию, акцент на назревание конфликтов) и его социокультурных особенностях (эмоционально нагруженные слова, имитация массовой культуры), которая исходила от социал-демократов, политссылных, отбывавших ссылку в Якутской области. Не имея широкой социальной базы, социал-демократы как профессиональные революционеры соответствовали идеологическому посылу (революция – главный лозунг тех дней), что помогло им добиться ведущего места в руководящем ядре – Исполкоме и Продовольственном комитете. Однако отсутствие широкой поддержки делало их положение в ЯКОБ неустойчивым, что приводило к частым межпартийным столкновениям на заседаниях ЯКОБ. За первое полугодие собрание ЯКОБ смогло решить незначительное количество проблем; основная управленческая функция выполнялась комиссаром области и Исполнительным комитетом.

Создание структур ЯКОБ шло хаотично, по мере возникновения проблем; практическая работа передавалась в комиссии. Цели и задачи собственной деятельности формировались в самих комиссиях, а не диктовались необходимостью. Финансовые средства тратились неподконтрольно. Уже в конце апреля – начале мая 1917 г. деятельность комиссий была рассмотрена особым Малым комитетом, который выяснил существовавшие управленческие проблемы (неопределенность функций комис-

---

практ. конференции (Алматы, 21 ноября 2008). Алматы, 2008. С. 91.

сий, отсутствие планомерности в работе, работа одного лица во многих комиссиях). Малый комитет сделал попытку выработать дальнейшую стратегию управленческой деятельности.

Как и большинство подобных общественных комитетов России, ЯКОБ к концу лета – началу осени 1917 г. вступил в фазу ярко выраженного кризиса. По наблюдениям И.А. Тропова, комитеты этого периода характеризовались демократической по форме, но бюрократической по сути структурой, отсутствием официальных полномочий, определенного правового статуса и устойчивого финансирования, были крайне неповоротливы и внутренне конфликтны⁵⁶⁶. Эти выводы вполне подтверждаются материалами ЯКОБ. С началом функционирования избранной на основании новых избирательных законов Якутской городской народной думы влияние и роль ЯКОБ в управлении значительно ослабели. Переход функций по управлению областью в ведение земских учреждений приводит к ликвидации ЯКОБ.

---

⁵⁶⁶ Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920 гг.): Автореф. дисс. ... доктора ист. наук : 07.00.02 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2012. С. 33. 50 с.

2.5. Политические партии в Якутии: участие в реорганизации системы управления (1917–1920 гг.)

В революционный период политические партии в России играли определяющую роль в создании и функционировании новых органов власти, выработке правительственного курса, определении путей будущего развития страны. В связи с этим изучение истории деятельности партий в 1917 – 1920 гг. имеет большое значение для воссоздания объективной картины истории великой российской революции.

В 1917–1920 гг. происходили изменения системы органов регионального управления, активное участие в которых принимали социал-демократы (большевики и меньшевики), эсеры, федералисты, кадеты. Членам политических партий приходилось выстраивать систему управления Якутской областью в новых революционных условиях, приспосабливаясь к тем изменениям, которые происходили в центре России: власти Временного правительства, приходу к власти большевиков, событиям Гражданской войны, становлению Советского государства.

Участие партий в реорганизации системы управления в России рассматривается в работах, посвященных политическим партиям в целом, а также в общих трудах по истории изучаемого периода, создания и деятельности органов власти в период революции.

Степень участия представителей различных партий в реорганизации системы управления затрагивается в изданиях по истории российских политических партий⁵⁶⁷. Проблемы влияния программных положений на партийную тактику в ходе создания

---

⁵⁶⁷ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 872 с.; Политические партии России в контексте ее истории: Учеб. пособие для вузов / С.М. Смагина. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998; Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 630 с. и др.

и деятельности органов власти в период революции изучены в ряде работ, посвященных отдельным политическим партиям. Особенности тактики партии эсеров в период первой русской революции и их участие в думских избирательных кампаниях проанализированы М.И. Леоновым⁵⁶⁸. Активную роль кадетов в деятельности Временного правительства в 1917 году по созданию базовых низовых структур гражданского общества и правового государства характеризует В.В. Шелохаев⁵⁶⁹. Деятельность партийных организаций Якутии в годы революции 1917 года рассматривается в монографиях В.И. Федорова⁵⁷⁰. Автором дана характеристика местным политическим организациям и их участию в создании и деятельности революционных органов власти, проанализирована программа союза федералистов. Отдельные аспекты участия партий в реорганизации системы управления в Якутии представлены в работах Н.Н. Радченко⁵⁷¹.

В целом, проблемы государственного и регионального управления через призму деятельности политических партий и организаций в Якутии ранее не являлись предметом специального исследования. В работах отдельных авторов показано лишь участие представителей политических организаций в работе органов власти.

Первые политические партии появились в Российской империи еще в конце XIX века, однако легальная возможность для их деятельности в стране появилась только после провозглашения свободы союзов в Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года. Революционные

⁵⁶⁸ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.

⁵⁶⁹ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции / В.В. Шелохаев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 863 с.

⁵⁷⁰ Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Книга вторая / В.И. Федоров; отв.ред. А.И. Гоголев; Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2010.

⁵⁷¹ Радченко Н.Н. Деятельность политических организаций и союзов в Якутии в 1917–1920 гг. // Исследования молодых ученых. Межвузовский сборник статей. Вып. V. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. С. 67-74; Участие политических партий в управлении Якутской областью в период революций и гражданской войны // Якутский архив. 2010. № 3. С. 47-50; Проблемы государственного и регионального управления в программах политических организаций Якутии в период революции 1917 г. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 8. С. 116-119 и др.

социалистические партии действовали еще с конца XIX века. В 1898 году образована Российская социал-демократическая рабочая партия. О создании партии социалистов-революционеров (эсеров) было объявлено в 1902 году. Общероссийские либеральные партии оформились в ходе первой русской революции. Конституционно-демократическая партия народной свободы была создана в октябре 1905 года.

В Якутскую область представители партий попадали на рубеже веков в качестве политических ссыльных. По данным П.Л. Казаряна, в 1906–1917 гг. в Якутской области отбывали ссылку не менее 1100 политических ссыльных⁵⁷². В этот период среди политссыльных преобладали социал-демократы и эсеры. В 1905 году в Якутской области отбывал ссылку 231 политический ссыльный, в 1907 г. – 49, в 1910 – 420, в 1914 г. – 256. Накануне революции, в 1917 году, в области находилось 350 политссыльных⁵⁷³.

Накануне февральской революции 1917 года в ссылке в Якутской области находились социал-демократы (большевики и меньшевики), эсеры. Действовали местные партийные комитеты, велась работа среди молодежи.

Революция 1917 года предоставила партиям возможность принять участие в сломе старой государственной системы и реорганизации системы управления в России. В ходе революционных преобразований в Якутской области была отстранена от власти царская администрация, сформированы новые органы управления. Ссыльные социал-демократы и эсеры сформировали Якутский комитет общественной безопасности, большевик Г.И. Петровский стал областным комиссаром. В отличие от других регионов, не либералы, а социалисты оказались у власти в Якутии уже в марте 1917 года.

В процессе реорганизации системы управления в Якутии в 1917 – 1920 гг. условно можно выделить четыре основных этапа, в ходе которых активную роль сыграли политические партии. К первому этапу можно отнести период с марта 1917 по июнь 1918

---

⁵⁷² Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России 1826–1917 гг. Якутск, 1998. 496 с. С. 384.

⁵⁷³ Там же. С. 341.

гг., от падения монархии до установления Советской власти в Якутске 1 июля 1918 года.

В результате Февральской революции 1917 года в России произошло падение монархии, в регионах страны на смену царской администрации приходили революционные органы власти. В Якутии власть перешла в руки областного комиссара и Якутского комитета общественной безопасности. На этом этапе реорганизации системы управления местные органы власти действовали, подчиняясь Временному правительству, в рамках демократической политической системы, сложившейся после падения монархии.

Россия в 1917 году стала самой свободной страной в мире, политические партии в новых демократических условиях активизировали свою деятельность. Вчерашние политссыльные весной 1917 года в Якутске развернули работу по распространению своей политической идеологии, привлечению новых членов, проводили собрания, митинги, начали издавать печатные органы.

Председателем Якутского комитета РСДРП оставался Г.И. Петровский, секретарем был Зелинский. Якутский комитет РСДРП располагался в здании клуба приказчиков, в бывшей столовой. 18 марта 1917 года вышел первый номер партийной газеты «Социал-демократ».

Партийная печать отражала позицию партии по насущным вопросам революции и освещала деятельность организации. В первом номере Г.И. Петровский в заметке «Моя радость и мое желание» поздравил якутское население с появлением первого социалистического печатного органа, выразил радость от того, что «с днями свободы якутское население будет впитывать в себя и социалистическую мысль – ту мысль, которая должна создать равенство и обеспечить массы беднейшего населения от эксплуатации капиталистами и кулаками»⁵⁷⁴.

На страницах партийной печати комитет агитировал население вступать в РСДРП. Желающие присоединиться к социал-демократической организации могли подать заявление Г.И. Петровскому. 18 марта 1917 года состоялось народное собрание,

---

⁵⁷⁴ Социал-демократ. 1917. 18 марта. № 1.

посвященное годовщине Парижской Коммуны. Собрание было многолюдным, открылось пением Интернационала. Г.И. Петровский произнес краткую речь, отметив значение Коммуны. На собрании также выступили члены партии Е.М. Ярославский, А.Д. Красносельский, Г.О. Охнянский. Была направлена телеграмма в Петроград члену Государственной Думы Муранову для передачи ЦК РСДРП с приветствием Франции и французскому рабочему за подписью Г.И. Петровского. В тот же день в 11 часов ночи состоялось собрание членов РСДРП для обсуждения вопроса о необходимости устройства социалистической конференции комитетов РСДРП и партии эсеров.

В воскресенье, 19 марта, в клубе приказчиков состоялось собрание, на котором Ем. Ярославский разъяснял и комментировал программу партии. На собрании прозвучала и критика в адрес партии. В заметке «Социал-демократа» о собрании говорилось, что гражданин «Новгородов в конце привел собравшихся в очень веселое настроение своей неуклюжей и непрошенной защитой партии с-ров, заявив, что в Якутске не может быть партии с.-д. до тех пор, пока не проведена железная дорога»⁵⁷⁵.

22 марта 1917 года в клубе общества приказчиков прошло партийное собрание. Присутствовало больше 100 членов партии. Г.О. Охнянский прочел доклад «Движущие силы и перспективы русской революции», после чего состоялся оживленный обмен мнениями. Благодаря постоянным выступлениям представителей партий на народных собраниях в организации привлекались новые члены, удавалось утвердить свое влияние в профсоюзах. Мархинские рабочие обратились к Якутскому комитету РСДРП с просьбой организовать постоянную социал-демократическую работу в селе Марха, обращение подписали 19 рабочих и 10 работниц.

Таким образом, Якутский комитет РСДРП после революции развернул активную политическую деятельность, проводились народные собрания, началось издание партийного органа, старались привлечь новых сторонников. Весной 1917 года в объединенной организации в Якутске, по данным газеты «Социал-демократ», насчитывалось более 100 членов.

---

⁵⁷⁵ Социал-демократ. 1917. 24 марта. № 2. С. 6.

После открытия навигации большинство политссыльных покинуло пределы Якутской области. Впоследствии многие из них принимали участие в революционных событиях в центре страны. В советскую историю России внесли свой вклад большевики Г.И. Петровский, Ем. Ярославский, С. Орджоникидзе.

После отъезда политссыльных областным комиссаром был избран эсер В.Н. Соловьев, председателем ЯКОБ – меньшевик П.Ю. Перкон. Якутский комитет партии эсеров также активизировал свою деятельность после падения монархии. Председателем Якутского комитета партии эсеров был П.Ю. Пивоваров. Секретарем комитета являлся М.И. Антонов.

22 марта 1917 г. вышел в свет печатный орган Якутского комитета партии социалистов-революционеров «Социалист» под лозунгом «В борьбе обретишь ты право свое». В выпуске газеты активное участие принимали П.Ю. Пивоваров, П.А. Куликовский, И.М. Бланков. Со страниц газеты эсеры обращались к крестьянам, объясняли им свою аграрную программу.

Партии много внимания старались уделить работе среди солдат. 9 марта 1918 года казармы посетил П. Куликовский, выступил перед солдатами с речью, рассказал о событиях Первой русской революции, об истории партии «Народная воля». Эсеры отдавали дань памяти народников, эсеров, погибших в борьбе за дело революции. П.А. Куликовский выступил с речью на могилах павших бойцов, в частности, с особым чувством он вспоминал эсерку Л.П. Езерскую⁵⁷⁶.

Якутские социалисты после февральской революции планировали установить памятник Н.Г. Чернышевскому. Якутский КОБ образовал комиссию по подготовке памятника Н.Г. Чернышевскому. Комиссия собирала воспоминания, фотографии и другие материалы, связанные с его именем.

Первое общее открытое собрание Якутской организации партии социалистов-революционеров прошло 17 марта и постановило приветствовать Е.К. Брешко-Брешковскую и партию социалистов-революционеров. 25 марта на совещании крестьянских представителей выступил председатель собрания В.Н. Соловьев. Одним из ключевых вопросов российской действительно-

---

⁵⁷⁶ Социалист. 1917. 22 марта. № 1. С. 1-2.

сти был аграрный вопрос. Эсеры отстаивали идею «социализации земли».

Эсеры также приняли участие в собрании 18 марта, посвященном памяти Парижской Коммуны, с речами выступили В.Н. Соловьев, П.А. Куликовский. 22 марта 1917 г. Якутский комитет партии эсеров провел народное собрание-чествование убитых в Якутске в 1889 г. в доме Монастырева. Председателем собрания был П.Ю. Пивоваров⁵⁷⁷.

Весной 1917 года регулярно проводились собрания организации эсеров. Так, 28 марта в 19 часов в Общественном собрании прошло общее собрание действительных членов Якутской организации партии социалистов-революционеров под председательством П.А. Куликовского.

С первых дней революции численность эсеровской организации в Якутии росла. В марте 1917 г. была создана местная организация эсеров в Витиме численностью до 70 членов, организовалась также группа социалистов-революционеров в Среднеколымске. В мае 1917 г. образовались партийные группы эсеров в Олекминске и на Маче⁵⁷⁸.

Численность эсеровской организации в Якутской области после Февральской революции составляла, по данным К.К. Медницкого, двести человек⁵⁷⁹. С учетом членов эсеровских групп в Витиме, Олекминске, Среднеколымске, на Маче численность эсеров в Якутской области весной 1917–1918 гг. можно оценить как превышающую триста человек. Из общероссийских партий эсеровская организация в Якутии была самой популярной. Это отражало общероссийскую тенденцию весны-лета 1917 г.

Итак, местная организация партии социалистов-революционеров в 1917 году стала влиятельной политической силой в Якутской области, пользовалась поддержкой и национальной интеллигенции.

В демократических условиях партии должны представлять интересы граждан в выборных органах власти. Для Якутска первым опытом свободных политических выборов стали выборы в город-

⁵⁷⁷ Социалист. 1917. 28 марта. № 2. С. 3–4.

⁵⁷⁸ Там же. 12 июля. № 10. С. 7.

⁵⁷⁹ Голос труда. 1920. 7 марта.

скую думу. Был образован социалистический блок, в который вошли эсеры, социал-демократы, представители союза «Свобода», союзов учителей, приказчиков, почтово-телеграфных служащих, столяров, казаков, еврейской и мусульманской общин. Состав блока показывает, что в первые месяцы революции в обществе царил удивительная атмосфера народного единения, в блок вошли представители организаций, сформированных не только по политическому, но и по профессиональному, социальному, национальному, религиозному признакам. Социалистическому блоку противостоял список кандидатов, выдвинутый союзом домовладельцев и союзом женщин, в который были включены в качестве кандидатов социал-демократы, эсеры, члены союза «Свобода», не дававшие на это согласия.

18 мая 1917 года прошли выборы в городскую думу, на которых победу одержал социалистический блок, 21 мая 1917 года на первом заседании председателем избран Г.В. Ксенофонтов. В руководство городской думы вошли в основном эсеры и члены «Свободы». С этого момента начал формироваться союз между эсерами и национальной интеллигенцией, окончательно утвердившийся у власти летом 1917 года.

Особенностью политической ситуации в Якутской области было то, что либералы в период февральской революции не принимали активного участия в реорганизации системы управления. Якутский отдел партии народной свободы заявил о себе в июне 1917 года. Членами отдела были чиновники, учителя, преподаватели, купцы. Секретарем отдела был М.П. Николаев, служивший до революции управляющим третьим отделением Якутской областной управы. Всего нами выявлены имена двадцати трех членов Якутского отдела партии народной свободы. Среди них – чиновники Н.М. Чагин, Н.С. Карякин, преподаватель, историк Г.А. Попов, купец Г.В. Никифоров, учитель С.И. Алексеев, священник И. Потапов.

В июне 1917 г. был создан Якутский трудовой союз федераллистов. На съезде был заслушан и принят проект программы, а также устав партии. На конференции был избран Центральный комитет партии, в который входило 9 человек. Председателем Центрального комитета был избран А.Д. Широких, секретарем – Р.И. Оросин.

К концу лета 1917 г. эсеры и федералисты в Якутской области приобрели преобладающее влияние в местных органах власти, получили большинство в реорганизованном Якутском комитете общественной безопасности (ЯКОБ). Председателем ЯКОБ стал эсер М.В. Сабунаев, выдвинутый партией федералистов⁵⁸⁰.

На смену сотрудничеству эсеров и социал-демократов в первые месяцы революции летом 1917 года пришел союз эсеров и федералистов. В сентябре 1917 года обострился конфликт между эсерами и социал-демократами, а 10 октября меньшевик Н.Е. Олейников на заседании ЯКОБ заявил о том, что интересы фракции в комитете неоднократно игнорировались, социал-демократы отказались оставаться в ЯКОБ, пока на повестку его заседания не будет поставлен вопрос о его председателе М.В. Сабунаеве, и покинули зал.

Таким образом, вектор политического развития Якутской области осенью 1917 года совпадает с общероссийским. Большевики в это же время порвали с революционной демократией, покинув 7 октября Предпарламент. Особенностью ситуации в Якутске было то, что меньшевики действовали сообща с большевиками и даже лидировали в противостоянии с эсерами.

Осенью 1917 года главным событием в жизни области становится подготовка к выборам во Всероссийское Учредительное собрание. Политические организации выдвинули своих кандидатов. По списку № 1 от Якутского трудового союза федералистов был выдвинут Гавриил Васильевич Ксенофонтов. От Якутской организации эсеров кандидатом в Учредительное собрание был выдвинут Василий Семенович Панкратов, один из лидеров эсеровской партии, отбывавший ссылку в Якутии. Социал-демократы кандидатом в Учредительное собрание выдвинули меньшевика, уроженца Якутии Михаила Трофимовича Попова. Якутский отдел партии народной свободы выставил кандидатом в Учредительное собрание Дамиана Афанасьевича Кочнева.

Проведение выборов в области началось в ноябре, а завершить их планировали к февралю 1918 г. Выборы проводились по избирательным участкам, на которые разделили волости и уезды, и должны были продолжаться не менее трех дней на

---

⁵⁸⁰ НА РС (Я). Ф.-Р. 1, оп. 1, д. 91, л.71.

каждом участке. Победу на выборах одержали Г.В. Ксенофонов и В.С. Панкратов. Итоги выборов показали, что союз федералистов и эсеров пользуется поддержкой населения Якутской области.

По итогам выборов в Учредительное собрание В.С. Панкратов направил телеграмму из Тобольска: «Приветствую. Все лучшие ваши начинания буду настойчиво проводить в жизнь для расцвета окраины и жду только ее мандата. Панкратов»⁵⁸¹.

Якутский трудовой союз федералистов пользовался в области большой популярностью. В партийной газете отмечалось, что «идея организации захватывает все слои улусного населения. Объединяются якуты и крестьяне. Программа ЯТСФ встретила самое широкое сочувствие. На местах организуются комитеты союза. По последним сведениям ЦК общее число комитетов 19, 1 окружный, а всего в союз записалось 1198 человек. При организации союза ЦК, основываясь на практике других политических организаций в Якутске, выпустил 1000 экземпляров программы. Программы эти разошлись давным-давно, требования же с мест о высылке программ поступают непрерывно. Ввиду того, что изданные в сентябре ЦК 1000 экземпляров программы распроданы, ЦК выпустил 1270 экземпляров.

И вот, в целях объединения деятельности своих членов в деле строительства народной жизни ... Центральный комитет принял на себя издание этой газеты в полной уверенности, что она будет одним из тех культурных звеньев, объединяющих нашу деятельность... ЦК призвал всех членов союза объединиться вокруг своего печатного органа и поддерживать его»⁵⁸².

Политическую ситуацию в России коренным образом изменил приход большевиков к власти в октябре 1917 года. 25 октября в Якутск поступила телеграмма Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, в которой говорилось о том, что Петросовет захватил власть за три недели до Учредительного собрания, начал братоубийственную войну, в ней также содержался призыв не верить обещаниям Петросовета⁵⁸³.

⁵⁸¹ Социалист. 1918. № 1. 9 янв. С.7.

⁵⁸² Якутский голос. 1917. № 1. 7 нояб.

⁵⁸³ НА РС (Я). Ф. 389, оп. 1, д. 12. Л. 5.

29 октября 1917 года соединенное заседание Якутского национального комитета, ЦК ЯТСФ и правления культурно-просветительного общества «Саха-Аймах» вынесло резолюцию, в которой большевистский переворот был расценен как 1) попытка сорвать созыв Учредительного собрания; 2) предательство страны войскам немецкого императора; 3) измена делу революции. Собрание единогласно постановило всемерно поддержать Временное правительство Российской Республики в его беспощадной борьбе с большевизмом⁵⁸⁴. Местная печать, включая газету «Социал-демократ», редактором которой был меньшевик В.И. Бик, критически оценила действия большевиков.

Якутские эсеры осудили большевистский переворот. В газете «Социалист» анализировался текущий политический момент. Ленина, Троцкого и их единомышленников эсеры называли «предателями социализма, узурпаторами народной власти». Центральный комитет партии предостерегал от активной революционной борьбы.

«Но слишком быстро замолкло революционное слово на устах наших товарищей Чернова, Гоца и др.: силе слова большевизм противопоставил тюремные стены, расстрелы, разгромы типографий...». Гражданская война уже началась, и «мы не имеем права уклоняться от участия в этой гражданской войне». Местные эсеры были готовы в этот исторический момент призвать к вооруженной борьбе против большевиков, созданию боевых дружин, даже несмотря на то, что позиция ЦК была им неизвестна⁵⁸⁵.

Отрицательно к провозглашению советской власти в России отнеслись и якутские кадеты. По мнению кадетской печати, «политика социалистов привела к тому, что большевики оказались у власти. Партии, находившиеся у власти, упивались победой над кадетскими министрами, «занимались рассуждениями о демократии», в результате петроградские рабочие и гарнизон перешли к ленинцам». Кадеты были возмущены захватом власти большевиками в Петрограде и призывали «всех граждан не признавать власти насильников, не подчиняться их распоряжениям»⁵⁸⁶.

⁵⁸⁴ НА РС (Я). Ф. 389, оп. 1, д. 12. Л. 5.

⁵⁸⁵ Социалист. 1918. № 1, 9 янв.

⁵⁸⁶ Народная свобода. 1918. № 4. 19 янв.

После разрыва с социал-демократами политика местных властей стала более умеренной, эсеры и федералисты оказались готовы к сотрудничеству с кадетами. 6 декабря 1917 года Якутский отдел партии Народной свободы направил в ЯКОБ десять своих представителей, среди них – Н.А. Аверенский, Г.В. Никифоров, М.П. Николаев, Г.А. Попов⁵⁸⁷.

К концу 1917 года внутри эсеровской организации в Якутске наметился некоторый раскол, выделилась рабочая группа. 6 декабря 1917 года прошло собрание членов рабочей группы эсеров в помещении кинематографа Приютова. На собрании выступили Медницкий, Поповская, Геллерт, Свицерский. Речи ораторов сводились к вопросу о необходимости создания Совета рабочих депутатов путем прямого, равного и тайного голосования от всего рабочего населения Якутска. Меньшевик Н.С. Ершов предложил избирать представителей в Совет от профсоюзов, так как именно в них находится самая активная часть рабочих. Представители группы рабочих эсеров не поддержали это предложение⁵⁸⁸.

30 декабря 1917 года в помещении комитета партии эсеров прошло общее собрание членов рабочей группы эсеров. Избран новый президиум группы. В состав президиума вошли Виноградов, Поповская, Качалов, Толстобров и Медницкий.

Интересной особенностью реорганизации системы управления в Якутии стало введение в области уже в период революции земского самоуправления. Земская реформа была проведена в России в период правления Александра II, однако земства не были введены в Сибири, на национальных окраинах. Революция 1917 года дала возможность реализовать идею введения местного самоуправления в форме земств и там, где их раньше не было. В Якутской области с большим запозданием были созданы земские учреждения, в период революции и Гражданской войны они оказались не к месту. В земствах наиболее активную роль играли федералисты.

В печатном органе федералистов – газете «Якутский голос» отмечалось: «В трех округах Якутской области произошли и происходят выборы гласных в волостные и уездные земства.

⁵⁸⁷ НА РС (Я). Ф.-Р. 1, оп. 1, д. 93, л. 2.

⁵⁸⁸ Голос труда. 1918. № 1. 8 янв.

Многие из членов нашего союза избраны гласными, и таким образом, призваны осуществлять на деле те принципы, какие они исповедуют. Для наилучшего же проведения в жизнь всех улучшений и усовершенствований необходимо, чтобы работа шла по одному общему плану и получала широкую гласность»⁵⁸⁹.

18 декабря 1917 года открылось Якутское уездное земство, председателем уездной управы был избран федералист А.Д. Широких. 30 января 1918 года начало свою работу Якутское областное земство, которое возглавил В.В. Никифоров.

В начале 1918 года в Якутской области сложилась нестандартная политическая ситуация. Триумфальное шествие советской власти не затронуло регион в силу его удаленности, слабости позиции местных большевиков. В результате местный правящий эсеро-федералистский блок оказался вне правового поля новой петроградской власти.

В таких условиях для Якутии возросло значение Сибири в качестве альтернативного центра притяжения. В конце 1917 года на Чрезвычайном Сибирском областном съезде была учреждена Временная Сибирская областная дума. Создание Сибирской областной думы приветствовали эсеры, выступавшие за свободную всероссийскую федерацию. От Якутской области в Сибирскую думу были направлены: от Национального комитета – Г.В. Ксенофонтов, от Трудового союза федералистов – М.В. Сабунаев, от городского самоуправления – И.Н. Эверстов, от Совета военных и крестьянских депутатов – П.А. Куликовский, И.М. Бланков и крестьянин Чекурского селения Якутского округа Попов⁵⁹⁰.

В начале 1918 года участились попытки оказать влияние на ситуацию в Якутской области извне. Поступали телеграммы в адрес Якутского Совета рабочих депутатов, но он не обладал реальной властью. В таких условиях было решено реорганизовать систему управления.

9 февраля 1918 г. был создан Якутский Областной совет, в который вошли представители областного земства, городской думы, Совета солдатских депутатов, Совета казачьих депутатов, от союза рабочих – якутов, якутской еврейской общины. Пред-

⁵⁸⁹ Якутский голос. 1917. № 1. 7 нояб.

⁵⁹⁰ Голос труда. 1918. № 1. 8 янв.

седателем Областного Совета, провозглашенного высшим революционным органом в области, был избран эсер В.В. Попов. Большинство организаций приветствовали создание Областного совета, однако часть их во главе с Советом рабочих депутатов выступили против.

Якутские социал-демократы отнеслись к созданию Областного Совета отрицательно. В газете «Социал-демократ» отмечалось, что правые эсеры дискредитировали социал-демократов – большевиков за их тактику вмешательства в сферу деятельности правительственных учреждений и местных самоуправлений, однако якутские правые эсеры и федералисты, разрешая вопрос о кризисе власти, сами совершили большевистский акт. Якутские политики объявили Якутскую область самостоятельной, независимой, хотя и до образования общепризнанной власти, такое решение, с точки зрения социал-демократов, выгодно только буржуазии, которая хочет стать независимой. Ход революции привел к тому, что власть перешла в руки рабочих и крестьян, поэтому буржуазия окраин стала стремиться к федеративному отделению, к самостоятельности. Однако самостоятельное существование области невозможно, так как продовольствие, товары можно получить только из-за пределов региона⁵⁹¹.

Председатель Совета рабочих депутатов, меньшевик Н.Е. Олейников направил в центр телеграмму следующего содержания: «В Якутске власть принадлежит эсерам правого толка в блоке с федералистами и буржуазией. Совет рабочих, за отсутствием квалифицированного рабочего, а также вследствие реакции – бессилён»⁵⁹². Эсеры откликнулись на телеграмму негативным отзывом в газете «Социалист». Н.Е. Олейников был раскритикован как «торгаш, провокатор, агент ленинского большевистского агентства»⁵⁹³.

Весной 1918 года политическая ситуация в Якутской области обострилась. У власти находился Областной Совет, состоявший из эсеров и федералистов, не признавший советской власти. Социал-демократы и левые эсеры поддерживали идею перехо-

⁵⁹¹ Социал-демократ. 1918, № 3. 15 (28) марта.

⁵⁹² Социалист. 1918. № 1. 9 янв.

⁵⁹³ Там же.

да власти к Советам. 21 марта 1918 года в Якутске состоялись выборы в Совет рабочих депутатов. В них участвовало 11 профсоюзов: союз печников, каменщиков и штукатуров, союз труда, союз женщин-работниц, союз металлистов, союз работников печатного дела, союз пожарников, союз столяров, союз извозчиков, союзы больничных служащих, грузчиков, разночинцев. В новый состав Совета рабочих депутатов вошли большевики, меньшевики, левые эсеры. Председателем Совета был избран меньшевик Н.С. Ершов. Центросибирь признала Совет рабочих депутатов центральной властью в области. Областной Совет признал Якутский Совет рабочих депутатов организацией не классовой, а политической, поставившей своей целью захват власти, и принял решение об аресте тридцати рабочих депутатов, в том числе Н.С. Ершова, М.К. Аммосова, Л.Н. Аммосова. 16 (29) марта 1918 года двадцать семь членов Совета рабочих депутатов были арестованы, а Областной Совет запретил устройство собраний, заседаний и митингов, шествия, манифестации, сборища на улицах Якутска⁵⁹⁴.

Летом 1918 года в ситуацию в области вмешалась Центросибирь. По инициативе П.А. Слепцова (Ойунского) была создана комиссия по организации советской власти в Якутской области, сформирован красноармейский отряд под командованием А.С. Рыдзинского. 26 июня 1918 года был занят Олекминск, 29 июня без боя был занят Покровск. Продвижение к Якутску продолжалось. 30 июня отряд также без боя занял Табагу. К двум часам утра 1 июля 1918 г. Якутск был занят красноармейцами при поддержке сторонников советской власти в самом городе.

Таким образом, советская власть в Якутске была установлена вооруженным путем, насильственно привнесена из Сибири, так как сторонников новой власти в области было немного, и они не смогли бы самостоятельно осуществить переход власти к Советам, а массовой опоры в Якутии Советы не имели.

Итак, летом 1918 года система управления регионом претерпела очередной этап реорганизации. Изменения, вызванные в стране приходом большевиков к власти, с помощью отряда А.С.

---

⁵⁹⁴ Фёдоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919): в двух книгах / В.И.Федоров. 2-е изд.; Ин-т гуманитар. исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. 676 с. С. 474-475.

Рыдзинского дошли и до Якутии. Однако местных сторонников советской власти в регионе в этот период было немного, исход Гражданской войны был еще неясен, и потому власть Совета рабочих депутатов была слаба и продержалась совсем недолго. Второй этап реорганизации длился чуть более месяца, проходил в чрезвычайных условиях экстренной советизации и не успел привести к радикальным переменам.

Власть перешла к Якутскому Совету рабочих депутатов, в который входили представители большевиков, меньшевиков и левых эсеров. Таким образом, Якутский Совет функционировал как многопартийный коалиционный орган. Возглавил его левый эсер Л.Н. Аммосов. Однако советская власть в Якутске продержалась чуть больше месяца, так как летом 1918 года ситуация в Сибири изменилась, чехословацкий мятеж привел к падению советской власти от Поволжья до Дальнего Востока. В результате белогвардейский отряд поручика Гордеева на пароходе направился вниз по Лене. 2 августа 1918 года белые взяли Олекминск, Гордеев предъявил ультиматум Якутскому Совету рабочих депутатов. 5 августа красноармейцы и советские работники оставили Якутск и на двух пароходах отплыли вниз по Лене⁵⁹⁵.

После падения советской власти в Якутске были восстановлены органы земского и городского самоуправления. Областной Совет не был восстановлен в связи с тем, что после создания Временного Сибирского правительства возобновление его деятельности стало нецелесообразным.

Политические организации также возродили свою деятельность. Эсеры анализировали текущий момент, ими отмечалось, что за прошедший год революции произошло много событий, одна власть сменяла другую. Деятельность Областного совета оценивалась ими критически, его власть ничего не дала населению. Советская власть, опирающаяся на штыки, не имела поддержки населения и повторила судьбу предшествующей власти под напором новой силы, продвигающейся из центра⁵⁹⁶.

Начавшаяся в России Гражданская война оказала большое влияние на политические организации Якутии. Если после фев-

⁵⁹⁵ Слепцов-Ойунский П.А. 1918 год // За советскую власть в Якутии (Воспоминания). Якутское книжное издательство. Якутск, 1957. С. 134.

⁵⁹⁶ Социалист. 1918. № 2. 12 авг.

раля 1917 года вступление в ряды политической партии означало потенциальное участие в процессе демократизации страны, избирательных кампаниях, общественной жизни региона, то с началом Гражданской войны партийная принадлежность предопределяла выбор стороны вооруженного конфликта. В связи с этим сокращается число активных членов политических партий.

Третий этап участия партий в реорганизации системы управления в регионе приходится на август 1918 – декабрь 1919 гг. В этот период были восстановлены прежние органы власти, кроме Областного Совета, ситуация в регионе напрямую зависела от того, кто находился у власти в Сибири. Якутская область находилась в подчинении Временного Сибирского правительства, а потом – правительства А.В. Колчака. У власти остались, в основном, те же лица, что и до установления советской власти в Якутске, среди них были эсеры, федералисты, но при этом партийная деятельность стала менее активной. Эсеры – руководители области даже не вошли в реорганизованную партийную организацию.

Так, после падения советской власти в Якутске проведена была реорганизация комитета партии эсеров, в этот период наиболее активную позицию заняли представители рабочей группы. 18 августа 1918 года проведено было общее собрание организации эсеров, на котором деятельность комитета и его руководителей была подвергнута критике. В официальном органе эсеров – газете «Социалист» было объявлено о реорганизации партийного комитета, но вскоре инициатива по возрождению организации окончательно перешла к рабочей группе и ее печатному органу – газете «Голос труда». Со 2 сентября в помещении редакции газеты «Голос труда» начал свои ежедневные заседания организационный коллектив по созыву местной партийной организации эсеров⁵⁹⁷.

В результате деятельности оргколлектива было принято решение распустить якутскую эсеровскую организацию и создать новую. Первое общее собрание членов организации состоялось 11 сентября 1918 г. На нем была принята резолюция: «Общее собрание объявляет организацию партии социалистов-револю-

---

⁵⁹⁷ Голос труда. 1918. 5 сент. № 7. С. 4.

ционеров после ее роспуска вновь создавшейся»⁵⁹⁸. В новую организацию вошло около тридцати человек. 12 сентября председателем организации и комитета был избран Д.Ф. Клингоф, секретарем – Л.М. Тверской. Якутский комитет партии эсеров подчинялся Всесибирскому краевому комитету партии эсеров. Осенью 1918 года продолжали действовать мачинская и олекминская группы эсеров.

Руководством комитета были сформулированы очередные задачи Якутской организации эсеров: работа в профсоюзах, в крестьянстве, среди местного инородческого населения, издание партийной газеты⁵⁹⁹. Реорганизованный комитет осудил эсеров, занявших посты в руководстве области без его санкции. Тем самым можно констатировать, что эсеры, входившие в органы власти области с осени 1918 года, не отражали уже позицию Якутской организации партии эсеров. При Колчаке эсеры были вынуждены уйти в подполье и сотрудничали с большевиками в борьбе за восстановление советской власти. Эсеры также вступились за арестованных социал-демократов и левых эсеров. Якутский губернский комитет эсеров направил 17 сентября в Томск телеграммы с просьбой настоять на отмене высылки председателю Сибирской областной думы Якушеву, в Бюро фракции эсеров и Всесибирский Краевой комитет. Д.Ф. Клингоф также направил письма поручику Гордееву с просьбой пересмотреть решение по делу высланных сторонников Советов. Хотя ответ Гордеева был принят во внимание, эсеры продолжали следить за судьбой высланных.

Таким образом, эсерам удалось возродить деятельность своей политической организации осенью 1918 года, но число членов значительно сократилось. Эсеры Якутии осенью-зимой 1918–1919 гг. оказались разделены на три группы: правые эсеры, стоявшие во главе управления областью и организационно не входившие в реорганизованный комитет; Якутский губернский комитет партии социалистов-революционеров, восстановленный благодаря членам рабочей группы; левые эсеры, подвергнутые ссылке за поддержку советской власти летом 1918 г.

⁵⁹⁸ Голос труда. 1918. 19 сент. № 10. С. 3.

⁵⁹⁹ Там же. 4 сент. № 9. С. 3-4.

После провозглашения А.В. Колчака Верховным правителем России условия для деятельности политических партий еще более осложнились. Местные власти приветствовали Колчака. Якутское областное земство направило ему приветственную телеграмму. А.В. Колчак назначил В.Н. Соловьева управляющим Якутской областью.

Управление областью в 1918–1919 гг. сосредотачивалось в руках земств. Введенные в Якутии в период революции земства не пользовались поддержкой местного населения, не желающего вносить земские платежи.

В 1918–1919 гг. распространилось антиземское движение, выступления против земства проходили в Намской волости, Богорогонском, Батурусском и других улусах⁶⁰⁰. Земские подати собирались с трудом. 18 января 1919 года областной комиссар В.Н. Соловьев предписывал управляющим уездами и начальникам милиции принять меры к взысканию земских платежей.

Партийная деятельность федералистов в 1919 году, при А.В. Колчаке, постепенно сходилась на нет. Последний номер печатного органа союза федералистов – газеты «Якутский голос» – вышел 26 января 1919 г.

Деятельность Якутского трудового союза федералистов имела очень большое значение для области. Регион не оказался в стороне от общего хода политического развития страны. В Якутии, как и в других национальных областях России, была создана политическая партия, ставившая своей целью федеративное устройство государства и автономии Сибири в нем.

В 1919 г. прекратилась и деятельность Якутского отдела Партии народной свободы. Якутский отдел кадетов был немногочисленным, непопулярным в области, о чем свидетельствуют итоги выборов в Учредительное собрание. Последний номер печатного органа якутского отдела кадетов – газеты «Народная свобода» – вышел 1 декабря 1918 г. После этого издание газеты прекратилось. Якутские кадеты в 1919 году принимали участие в деятельности Якутской городской думы. Деятельность старого состава думы продолжалась недолго, были проведены новые выборы, и 22 сентября 1919 года состоялось первое заседание

⁶⁰⁰ Макаров Г.Г. Северо-восток РСФСР в 1918–1921 гг. Якутск: Кн. изд-во, 1988. 304 с. С. 64.

вновь избранной думы, в руководящий состав которой не вошли представители партий.

Якутский отдел Партии народной свободы был организован слишком поздно, когда либеральные идеи не пользовались популярностью в обществе. В отдел входили представители умеренных, даже консервативных сил, противники революционных потрясений. Якутские кадеты не сыграли активной роли в реорганизации системы управления, лишь отдельные их представители принимали участие в работе некоторых органов власти.

В конце 1918-1919 гг. политическая деятельность умеренных партий, не готовых к участию в вооруженном противостоянии Гражданской войны, постепенно сходила на нет. Политические деятели, вошедшие в состав органов власти в 1917 году, при А.В. Колчаке продолжали участвовать в работе системы регионального управления, но при этом они уже чаще всего не представляли направившие их партии, а старались действовать в соответствии с указаниями вышестоящих инстанций и в интересах края.

Эсеры в Сибири восприняли режим А.В. Колчака отрицательно. Якутский губернский комитет эсеров также занял антиколчаковскую позицию, они открестились от областного комиссара В.Н. Соловьева и начальника якутской городской милиции В.В. Петрова, официально объявив, что последние не являются членами местной эсеровской организации. В 1919 году эсеры позиционировали себя в качестве «третьей силы» в Гражданской войне. В 1919 году эсеровская печать подверглась гонениям, в частности со стороны областного комиссара, бывшего эсера В.Н. Соловьева, который издал Распоряжение 5 января 1919 года о приостановлении издания газеты «Голос труда», в результате чего тираж газеты был конфискован. Редактору газеты, председателю Якутского губернского комитета партии эсеров Д.Ф. Клингофу было предъявлено обвинение, и его выслали из области⁶⁰¹. Эсеры возобновили издание своего печатного органа под названием «Голос социалиста», редактором которого стал Л.М. Тверской.

---

⁶⁰¹ Голос социалиста. 1919. 4 апр. № 14. С. 3.

Весной 1919 года эсеры выразили протест против празднования годовщины революции. На торжественном собрании 12 марта 1919 года эсеры высказали протест по поводу происходящего, осудили эсеров – городского голову В.А. Панкратьева и секретаря И.М. Рукавишника, на собрании они были исключены из партии⁶⁰².

За публикацию оппозиционных статей и принятых резолюций распоряжением местных властей было запрещено издание газеты «Голос социалиста». Последний, № 14 издания якутского комитета эсеров вышел 4 апреля 1919 г. По предложению прокурора Якутского окружного суда 18 апреля 1919 г. было начато уголовное дело против Якутского комитета партии социалистов-революционеров, обвиняемого по 6 п. 1 ч. 129 ст. Уголовного Уложения. Для того, чтобы избежать уголовного преследования, эсеры решили объявить о роспуске своих партийных организаций. На заседаниях 25 апреля и 1 мая 1919 г. постановлением Якутского губернского комитета эсеров все партийные организации в пределах области были объявлены распущенными. Несмотря на официальный роспуск, нелегальная деятельность комитета продолжилась, ряд эсеров поддержали большевиков в их борьбе за советскую власть. Следствие по обвинению Якутского губернского комитета эсеров Якутский окружной суд 18 октября 1919 г. постановил прекратить за не обнаружением виновных. 2 декабря 1919 г. дело было окончательно закрыто⁶⁰³.

Таким образом, единственная политическая организация, которая в конце 1918–1919 гг. пыталась продолжать активную деятельность – Якутский губернский комитет эсеров – была подвергнута гонениям за критику режима А.В. Колчака. В таких условиях более умеренные партии практически отказываются от активной политической деятельности. Большевики и левые эсеры встали на путь подпольной борьбы с режимом.

В конце 1918 – начале 1919 г. оформилось ядро подпольной большевистской организации. 8 февраля 1919 г. на квартире Ф.Я. Лебедева состоялось первое общее собрание подпольщиков, созванное по инициативе Ф.Я. Лебедева, Б.М. Чижика, П.П. Кочнева. На собрании присутствовало около десяти человек,

⁶⁰² Голос социалиста. 1919. 15 марта. № 13. С. 5.

⁶⁰³ НА РС (Я). Ф. 192-и, оп. 20, д. 37, л.13.

было принято решение создать подпольную большевистскую организацию и начать подготовку к восстановлению советской власти в области. Левые эсеры, не согласные с политикой белых в Сибири, поддержали большевиков. Среди них были Л.М. Тверской, Т.З. Винокуров, К.К. Медницкий и другие.

В результате вооруженного восстания в Якутске 15 декабря 1919 года была восстановлена советская власть. Подобные антиколчаковские восстания в этот период происходили по всей Сибири. Власть перешла в руки Якутского военно-революционного штаба Красной армии во главе с большевиком Х.А. Гладуновым⁶⁰⁴. До середины 1920 г. управление областью фактически находилось в руках коалиционных органов, состоящих из большевиков и левых эсеров.

16 декабря 1919 г. прошло собрание большевиков, на котором во время регистрации все участники переворота были записаны членами Якутской организации коммунистов-большевиков. Председателем комитета организации в это время был Ф.Я. Лебедев, членами – М.В. Ксенофонтов и С.М. Аржаков.

После декабрьского переворота и эсеры восстановили свою организацию, 25 декабря 1919 года прошло организационное собрание партии, на котором было принято решение о делегировании представителей эсеров в ряд органов новой власти. Председателем комитета после выхода организации из подполья являлся К.К. Медницкий, секретарем – Л.М. Тверской.

Восстановление советской власти в Якутске привело к очередной реорганизации системы управления, в первое время после переворота четвертый этап реорганизации был осуществлен местными большевиками и эсерами самостоятельно, так как еще отсутствовала связь с центром. Интересным фактом является то, что в первые месяцы советской власти были сохранены многие старые учреждения: отделы Областного управления, казначейство, земское и городское самоуправление. Были закрыты лишь старые судебные канцелярии, городская дума.

Наиболее активные представители прежних органов власти были арестованы. Революционный трибунал, созданный 19 февраля 1920 года, вынес смертные приговоры тринадцати бывшим

---

⁶⁰⁴ Макаров Г.Г. Указ. соч. С. 83.

руководителям области, в том числе были расстреляны В.Н. Соловьев, П.А. Юшманов.

Большевики и эсеры продолжали сотрудничать в 1920 году. 30 декабря 1919 года на собрании Якутской организации коммунистов – большевиков была принята резолюция о готовности сотрудничать с социалистическими партиями и группами г. Якутска и области, стоящими на платформе советской власти.

Местные эсеры в начале 1920 года присоединились к группе сибирских автономистов, восстановили свою организацию, как Якутский комитет Сибирской группы левых социалистов-революционеров. 7 марта 1920 года эсеры возобновили издание газеты «Голос труда». Вскоре Сибирская группа левых эсеров приняла решение о слиянии с коммунистами, якутские эсеры не решились последовать примеру соратников по партии, видимо, свою роль сыграли имеющиеся противоречия в отношениях с местными коммунистами.

3 марта 1920 года Сибревком назначил М.К. Аммосова уполномоченным по организации советской власти в Якутии. Ревштаб был распущен, создан временный Губревком, в который входили большевик Х.А. Гладунов, левые эсеры Т.З. Винокуров, М.И. Соловьев⁶⁰⁵. В марте система управления областью подвергается более масштабной реорганизации, упраздняются земства, национализируется имущество крупных фирм.

Политическая ситуация в Якутской области изменилась после приезда в Якутск уполномоченного Сибревкома по организации советской власти и группы советских работников. 5 июня 1920 года был создан Якутский районный (областной) ревком в составе председателя М.К. Аммосова и членов Х.А. Гладунова и П.А. Слепцова. Была проведена перерегистрация организации РКП(б), после которой осталось только 24 члена и 4 кандидата в члены партии. Тем самым в Якутске была впервые создана организация большевиков (коммунистов) как низовой ячейки РКП(б).

В Советской России постепенно складывалась однопартийная диктатура, в политической системе страны не было места для других партий. 5 июня 1920 г. был издан последний номер

---

⁶⁰⁵ Макаров Г.Г. Указ. соч. С. 95.

эсеровского печатного органа – газеты «Голос труда». С середины 1920 г. деятельность эсеровской организации на официальном уровне практически прекращается. Отдельные левые эсеры продолжали работать в советских органах и идентифицировать себя в качестве эсеров, но организованной партийной деятельности в это время уже не наблюдается. Таким образом, в середине 1920 г. завершился недолгий период истории деятельности политических партий в Якутии после Февральской революции и до установления политической монополии РКП(б).

Итак, после декабрьского переворота началось становление советской политической системы в Якутии, этот процесс был сложным, длительным, сопровождался вооруженными столкновениями Гражданской войны, он привел к провозглашению государственности и созданию ЯАССР.

В 1905–1920 гг. происходила реорганизация системы органов регионального управления. Можно признать, что никогда ранее и никогда позднее политические партии в России не играли столь активной роли в формировании органов власти, определении пути их развития. Это было время, когда органы власти формировались не централизованно, по указанию сверху, а снизу, в результате прямой демократии, выдвижения от различных организаций, выборов.

В марте 1917 г. на смену царской администрации пришли революционные органы власти, в деятельности которых принимали активное участие представители политических партий: социал-демократы (большевики и меньшевики), эсеры, федералисты, кадеты. Членам политических партий приходилось выстраивать систему управления Якутской областью в новых революционных условиях, приспосабливаясь к тем изменениям, которые происходили в центре России: власти Временного правительства, приходу к власти большевиков, событиям Гражданской войны, становлению советского государства.

По инерции, заданной в марте 1917 года, органы власти в Якутской области действовали до лета 1918 года, когда в результате деятельности Центросибири и похода отряда А.С. Рыздинского была установлена советская власть. Наиболее влиятельным в области осенью 1917 – весной 1918 гг. был эсе-

ро-федералистский блок. Социал-демократы (большевики и меньшевики) перешли в оппозицию правящему блоку, и при их поддержке в Якутске 1 июля 1918 года была установлена советская власть.

В результате того, что летом 1918 года Гражданская война в Сибири приобрела широкий размах, советская власть в Якутске пала уже в начале августа, а с осени 1918 года область находилась под властью А.В. Колчака. В этот период у власти находились по-прежнему эсеры и федералисты, действовало земское самоуправление. При этом в условиях Гражданской войны партийная деятельность постепенно сходила на нет. Для представителей партий, находившихся у власти, на первый план вышли проблемы обеспечения области, выживания в условиях военного положения, а не вопросы политической деятельности. Видные эсеры, руководители области практически порвали с партийной организацией, которую возглавили рабочие, левые эсеры, вставшие в оппозицию режиму А.В. Колчака. Федералисты сосредоточились на работе земств, которые население не хотело поддерживать из-за финансовых проблем. Якутские кадеты не принимали активного участия в управлении областью.

В 1919 году силы местных сторонников красных окрепли, большевики, меньшевики и левые эсеры организовали подпольную деятельность и в результате вооруженного восстания восстановили в области советскую власть. Декабрьское восстание стало отправной точкой формирования советской политической однопартийной системы, на 70 лет покончившей с российской многопартийностью.

Заключение

На протяжении XVII – начала XX вв. Якутия оставалась осваиваемой территорией. Принимая во внимание решающую роль административно-управленческого фактора в процессе присоединения и освоения Россией новых территорий, особенно восточнее Уральских гор, авторы коллективной монографии учитывали региональные особенности Якутии: сложные экстремальные климатические условия, обширную территорию, этнокультурное многообразие, разбросанный характер местожительства сравнительно малочисленного населения, слабость коммуникаций, повлиявшие на управление краем, на территории которого в силу вековой инерции традиции причудливо переплетались с новациями. Все создаваемые здесь органы управления, особенно на раннем этапе, несли печать особенности, а государственная политика отличалась гибкостью применительно к местным реалиям.

В ходе исследования было выявлено три этапа в развитии изучаемых явлений и процессов, в соответствии с которыми сформирована структура книги. Первый, самый длительный этап характеризуется формированием предпосылок будущего устойчивого областного административного устройства края. Его начало было положено в последней четверти XVIII в. В этот период в общих чертах оформилась конфигурация территории региона, которая мало изменилась до современности, были выделены главные административные окружные центры, которые также до настоящего времени не утратили своего значения, оформилась «география» власти, которая, минуя краткий провинциальный период с 1775 по 1783 гг., приняла областную форму со своим аппаратом управления.

Была выстроена стабильная иерархия власти над иноверческой/инородческой системой самоуправления, повсеместно утвержденная в последней четверти XVIII в. Русское население

края в этот период было организовано в крестьянские волости в сельской местности, в городах оно находилось под управлением комиссаров, позднее – окружных исправников.

Это был переходный период превращения ясачных зимовий в города со статусом центра уездов и комиссарств (Алдан, Оленск, Зашиверск и Жиганск), вскоре упраздненных и включенных, с подчиненными им уездами, в состав Якутского, Верхоянского и Среднеколымского округов.

В краткий период так называемой Первой Якутской области её управление усложняется за счет внедрения предусмотренных областной реформой 1775 г. органов власти, в том числе областного коменданта, Верхней и Нижней расправ, Якутского нижнего земского суда. И хотя время их существования было недолгим, утвердилась пятичленная окружная территориальная структура управления. На местах же утверждается власть сельских заседателей областных и окружных судебных органов власти, улусных голов и наследных старост.

С начала XVIII столетия территория бывшего Якутского уезда в церковно-административном отношении вошла в состав Иркутской епархии, самой обширной по территории епархии РПЦ, что обусловило необходимость организационного оформления деятельности православных учреждений и установления контроля над духовенством. В монографии определена примерная дата создания Якутского духовного правления (сер. XVIII в.), что соответствует завершению процесса политико-административного структурирования региональной церковной организации и переходу к хозяйственному освоению новых территорий.

Когда в результате перемен, введенных Павлом I в период с 1796 по 1805 гг., Якутия потеряла статус области, а вместе с ним и внутреннюю административно-территориальную структуру, данный негативный опыт со всей очевидностью продемонстрировал целесообразность областной формы управления.

После восстановления в 1805 г. Якутской области произошло закрепление установившейся ранее административно-территориальной системы с пятью округами во главе с исправниками. Постепенно сформировался окружной штат

управления, окончательно закрепленный реформой Сперанского. Установились номенклатура и состав инородческих улусов и наслегов в составе Якутского, Вилюйского, Олекминского, Верхоянского и Колымского округов. Окончательно обособилась от Якутского областного управления система управления Охотским Приморским округом и Камчаткой, где также предпринимались попытки ввести областное управление. Якутск как центр области и отдельного округа был отнесен к категории средних городов, а окружные центры – Олекминск, Вилюйск, Верхоянск и Среднеколымск – к малолюдным городам.

В этот период происходит формирование приходских общин в Якутии. Преобладали инородческие приходы, расположенные на значительной территории и довольно многочисленные, в городских и сельских приходах также большинство прихожан были инородцами.

На территории Якутии ввиду огосударствления церкви не было выборности клира и его подотчетности перед паствой. Клир, находившийся на государственном обеспечении, не зависел от прихожан. Сокращенные функции имели церковные старосты. Местные условия – обширность территории, кочевой и полукочевой образ жизни населения – заставляли приходское духовенство большую часть своего служения находить в разъездах по территории приходов.

В середине XIX в. в Якутской области был введен институт губернатора, имевшего более широкие полномочия по сравнению с областным начальником, отвечавшего за вверенную ему область, её снабжение, общественное хозяйство, призрение, здравоохранение и т. д. Помимо председательства в областном правлении, губернатор был председателем целого ряда других учреждений, и после упразднения коллегиальных органов власть первого лица областного управления – губернатора, несмотря на зависимость от генерал-губернатора, значительно усилилась. Губернатор стал главным звеном местного управления, и в условиях удаленного географического положения области и неразвитости путей сообщения многое стало зависеть от его личных качеств и способностей решать многочисленные проблемы развития области.

В этот период уже определились важнейшие направления государственной политики хозяйственного освоения Якутии: перевод инородцев на оседлость, распространение хлебопашества, развитие товарно-денежных отношений и торговли, ремесел и промыслов. Эффективным средством решения проблем стала организация кредитной поддержки местного населения. Главными проводниками начинаний выступили якутское областное правление во главе с губернаторами. При областном правлении была создана ссудная касса якутов, разработан «Устав» сельскохозяйственных ссудных касс, а также ссудо-сберегательные товарищества Якутской области. Инициативы губернатора В.Н. Скрипицына впервые в Сибири позволили провести работу по экономическому реформированию хозяйственной жизни области.

К началу XX в. в области происходит зарождение региональной системы среднего образования путем открытия реального училища и женской гимназии. В целом система образования в крае по своим структурным элементам была приведена в соответствие с общероссийской. Большая заслуга в этом принадлежит якутским губернаторам. Так, якутский губернатор А.Д. Лохвицкий еще в 1865 г. поставил вопрос о необходимости преобразования Якутского уездного училища в реальную прогимназию, затем 1890 г. она была преобразована в шестиклассное реальное училище. В 1882 г. открылась женская прогимназия с педагогической направленностью.

Опыт исследований двух кейсов, связанных с революционным реформированием в Якутской области в начале XX в., показывает, как происходило фактическое слияние государственных органов власти (областного комиссара) и общественных (ЯКОБ) в начальный период послереволюционного переустройства. Несмотря на преобладание социал-демократов данные органы власти еще не имели поддержки в массах. Властные структуры носили коалиционный характер, и решение управленческих вопросов зачастую не было вызвано объективной необходимостью и передавалось на усмотрение комиссий. Революционный процесс начала XX в. вызвал активность политических партий и организаций, претендовавших на участие в управлении. В Яку-

тии в марте 1917 г., после отстранения от власти царской администрации, к управлению областью пришли революционные органы власти в составе представителей политических партий: социал-демократов (большевики и меньшевики), эсеров, федералистов и кадетов, вынужденных преобразовывать систему управления областью с учетом изменений, происходивших в центре России.

С марта 1917 до осени 1918 года у власти поочередно находились эсеро-федералистский блок и Советы, набирало силу земское самоуправление. В условиях начавшейся Гражданской войны партийная деятельность постепенно утрачивала свое значение и находившиеся у власти представители политических партий решали в первую очередь проблемы обеспечения области и выживания в условиях военного положения. Руководившие в этот период областью эсеровские лидеры утратили связь со своей партийной организацией, якутские кадеты отказались от активного участия в управлении областью, а федералисты сосредоточились на работе земств.

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, в Якутии в имперский период сложилась своеобразная система управления. Она стала итогом ряда преобразований 1775, 1822, 1860-х гг., когда правительство стремилось учитывать возникающие проблемы местного характера и отвечать на вызовы времени. На протяжении веков система управления имела свои местные особенности, что и составляло основу её устойчивости. Даже в условиях революционного реформирования «у руля» оказывались те политические силы, которые учитывали данное своеобразие регионального управления.

Результаты настоящего исследования согласуются с выводами авторов одной из новейших фундаментальных работ, посвященных истории управления Сибири, по мнению которых устойчивость данного сложно организованного пространства «объяснима именно с позиций поливариантности властных структур, многообразия правовых, институциональных управленческих форм, асимметричности связей различных народов и территориальных образований. И чем больше правительство добивалось успехов на путях централизации и унификации (к чему

оно, несомненно, стремилось), тем более оно теряло гибкость и становилось неповоротливым, неспособным эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую и социально-экономическую конъюнктуру, отвечать на национальные и модернизационные вызовы»⁶⁰⁶. Успешность областного управления в его практической деятельности определялась в том числе и административными решениями, учитывающими местную специфику.

---

⁶⁰⁶ Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Указ. соч. С. 324–325.

Summary

During the XVIII – beginning of XX century Yakutia remained a developed territory. Taking into account the decisive role of the administrative and managerial factor in the process of accession and development of new territories by Russia and, especially, east of the Ural Mountains, the authors of the collective monograph took into account the regional characteristics of Yakutia: difficult extreme climatic conditions, vast territory, ethnocultural diversity, the scattered nature of the residence of a relatively small population, weak communications, which influenced the particularity of managing the region, on whose territory due to centuries the traditional traditions were intricately intertwined with innovations. All the governing bodies created here, especially at an early stage, bore the stamp of singularity, and public policy was flexible in relation to local realities.

The study revealed three stages in the development of the studied phenomena and processes, in accordance with which the structure of the book is formed. The first, longest stage is characterized by the formation of the prerequisites for a future sustainable regional administrative structure of the region. Its beginning was laid in the last quarter of the XVIII century. During this period, the general configuration of the region's territory took shape, which has not changed much to the present, the main administrative district centers have been identified, which have still not lost their significance, the “geography” of power has taken shape, which, bypassing the brief provincial period from 1775 to 1783, took a regional form with its management apparatus.

During this transitional period, the Yasak winter huts became cities with the status of the center of counties and commissars (Aldan, Olensk, Zashiversk and Zhigansk), which were soon abolished and included, with the counties subordinate to them, into the Yakutsk, Verkhoyansk and Srednekolymsky districts.

In a short period, the so-called First Yakutsk Region, its management is complicated by the introduction of the authorities envisaged by the regional reform of 1775, including the regional commandant, the Upper and Lower *Rasprava* (Justice), and the Yakutsk Lower *Zemsky* Court. And although the time of their existence was short-lived, a five-member district territorial management structure was established. On the ground, the authority of rural assessors of regional and district judicial authorities, *ulus* heads, and elders is approved.

From the beginning of the 18th century, the territory of the former Yakut *Uyezd* in church-administrative terms became part of the Irkutsk province, the largest in the territory of the Russian Orthodox Church diocese, which necessitated the organization of the activities of Orthodox institutions and the establishment of control over the clergy. The monograph sets the approximate date for the creation of the Yakut Spiritual Government (mid 18th century), which corresponds to the completion of the political and administrative process and the transition to the economic development of new territories.

When, as a result of changes introduced by Paul I in the period from 1796 to 1805, Yakutia lost the status of a province (*oblast*), and with it the internal administrative-territorial structure, it clearly demonstrated the feasibility of a regional form of government.

After the restoration of the Yakutsk province in 1805, there was a consolidation of the previously established administrative-territorial system with five districts headed by police officers. The district administrative staff was finally formed and fixed by reform of Speransky. The nomenclature and composition of aliens *uluses* and lodges was established as part of the Yakutsky, Vilyui, Olekminsky, Verkhoyansk and Kolyma districts. Yakutsk as the center of the region and a separate district was classified as medium-sized cities, and the district centers - Olekminsk, Vilyuysk, Verkhoyansk and Srednekolymsk - as low-populated cities.

During this period, the formation of parish communities in Yakutia takes place. Foreign parishes prevailed, located on a large territory and quite numerous, in urban and rural parishes also the majority of parishioners were aliens.

In the territory of Yakutia, in view of the ongoing stateization of the Church, there was no election of the clergy and their accountability

to the flock. The clergy, who was on state support, did not depend on parishioners. Reduced functions were the churchwardens. Local conditions: the vastness of the territory, the nomadic and semi-nomadic way of life of the population forced the parish clergy to spend most of their ministry traveling along the territory of their parishes.

In the middle of the XIX century in the Yakutsk province, the institution of a governor was introduced, having broader powers than the regional head, who was responsible for the area entrusted to him, its supply, public services, charity, healthcare, etc. In addition to the chairmanship of the regional government, the governor was the chairman of a number of other institutions and, after the abolition of collegial bodies, the power of the first person of the regional governor, despite his dependence on the governor-general, significantly increased. The governors became the main link in local government, and in the context of the remote geographical position of the region and the underdeveloped means of communication, much began to depend on their personal qualities and abilities to solve the numerous problems of the development of the region.

During this period, the most important directions of the state policy for the economic development of Yakutia were already determined: the transfer of aliens to settled areas, the spread of tillage, the development of commodity-money relations and trade, crafts and crafts, and the organization of credit support for the local population became an effective means of solving problems. The main conductors of the undertakings were the Yakutsk regional government, headed by governors. Under the regional government, a Yakut loan office was created, a “Charter” for agricultural loan offices was developed, as well as loan and savings partnerships in the Yakutsk region. Initiatives of governor V.N. Skripitsyn for the first time in Siberia allowed to carry out work on economic reform of the economic life of the region.

By the beginning of the 20th century in the region, the regional secondary education system is emerging through the opening of a real school and a female gymnasium. On the whole, the education system in the region, in terms of its structural elements, was brought into line with the all-Russian one. A great merit in this belongs to the

Yakut governors. So, the Yakut governor A.D. Lokhvitsky in 1890 achieved the establishment of a six-year real school in Yakutsk.

The research experience of two cases related to revolutionary reform in the Yakutsk region in the early XX century shows how the actual merger of state authorities (regional commissar) and public (*YKOB* – Yakot committee of public security) in the initial period of the post-revolutionary reconstruction. Despite the predominance of the Social Democrats, these authorities did not yet have support among the masses. The power structures were coalitional in nature and management decisions were often not caused by objective necessity, and were transferred to the discretion of the commissions. The revolutionary process of the beginning of the XX century caused the activity of political parties and organizations that claimed to participate in the administration. In Yakutia in March 1917, after the tsarist administration was removed from power, revolutionary authorities came to control the region, consisting of representatives of political parties: social democrats (Bolsheviks and Mensheviks), Socialist-Revolutionaries, Federalists and Cadets, who were forced to transform the system of managing the region taking into account changes taking place in the center of Russia.

From March 1917 until the fall of 1918, the Socialist-Revolutionary-Federalist bloc and Soviets were alternately in power, and *Zemstvo* self-government was gaining strength. In the conditions of the outbreak of civil war, party activity gradually lost its significance and the representatives of political parties in power resolved primarily the problems of ensuring the region and survival under martial law. The Socialist-Revolutionary leaders who led the region during this period lost contact with their party organization, the Yakut cadets refused to actively participate in the administration of the region, and the federalists concentrated on the work of the *zemstvo's* (local selfgovernment).

According to the results of the study, in Yakutia in the imperial period, a peculiar management system developed. It was the result of a series of transformations of the 1775s, 1822s, 1860s, when the government sought to take into account emerging local problems and meet the challenges of the time. Over the centuries, the management system had its own local characteristics, which formed the basis of

its sustainability. Even under the conditions of revolutionary reform, those “political forces” who took into account this peculiarity of regional governance turned out to be “at the helm”.

The results of this study are consistent with the findings of leading Siberian researchers, according to whom the stability of this complexly organized space is “explainable precisely from the standpoint of the multivariance of power structures, the diversity of legal, institutional and administrative forms, the asymmetry of relations between different peoples and territorial entities. And the more the government achieved success on the paths of centralization and unification (to which it undoubtedly strove), the more it lost flexibility and became clumsy, unable to respond effectively and adequately to the rapidly changing political and socio-economic conditions, to respond to national and modernization Challenges” (D.M. Shilovsky, M.V. Shilovsky). The success of the regional administration in its practical activities was determined, inter alia, by administrative decisions that take into account local specificity.

Список принятых сокращений

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

МНП – Министерство народного просвещения

НА РС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РПЦ – Русская православная церковь

РС (Я) – Республика Саха (Якутия)

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

ЯКОБ – Якутский комитет общественной безопасности

Именной указатель

- Абросимова Т.А., 193
Аверенский Н.А., 233
Акуловский М.В., 197, 198, 199, 200
Александр I, 8
Александр II, 138, 233
Александр III, 168
Алексеев Е.Е., 187
Алексеев С.И., 229
Аммосов Л.Н., 236, 237
Аммосов М.К., 188, 215, 236, 244
Андреев В.Г., 200
Антоний (Стаховский), 90
Антонов М.И., 227
Аргунов А., 61
Аргунов И., 69
Аржаков С.М., 243
Архипов А., 76
Астраханцев Н.Н., 200
Атласов Д., 65
Афанасьев В.Ф., 165
Афанасьев Н.Е., 199, 200
Ащепков Е.А., 79
Баженов И., 102
Бахрушин С.В., 55
Башарин Г.П., 11, 21, 37, 42, 65
Бекетов П.И., 54, 55, 56, 57, 76, 83
Белов М.И., 79
Берг Н.В., 71, 72, 73
Берёзкин Н.М., 212
Бик В.И., 232
Бланков И.М., 197, 199, 215, 227, 234
Бодиско В.К., 147
Брегель Я.С., 200
Брешко-Брешковская Е.К., 227
Бриль А., 65
Броневский С.Б., 127
Бугдюков Ючекан, 41
Будищев, 200
Булкина, 200
Бурнашева Н.И., 187, 212
Бушуев Г.А., 212
Вагин В.И., 126
Василевский В.П., 178
Вениамин (Багрянский), 96
Виленская М.М., 200
Виленский В.Д., 200
Виленский, 219
Вилков О.Н., 79
Винокуров Т.З., 243, 244
Виноградов, 233
де Витте В.П., 150, 151, 154
Волковинский А., 200
Волконский И., 58
Врангель Ф.П., 50
Габышев А., 97
Гаврильев К., 200
Гадзяцкий П.П., 174
Галин-Галер А., 200
Галкин И., 56, 57, 66
Ган А.А., 135
Геденштром М.М., 78
Гладунов Х.А., 243, 244
Геллерт, 233
Глебов М., 57, 100
Голицын А.Н., 115
Головин П.П., 54, 57, 100, 101
Голиков Н.Ф., 200
Гомельский А., 196
Гордеев поручик, 239
Горемыкин А.Д., 140
Гориула, 66
Горновский С., 35
Горохов городничий, 60
Горохов купец, 78

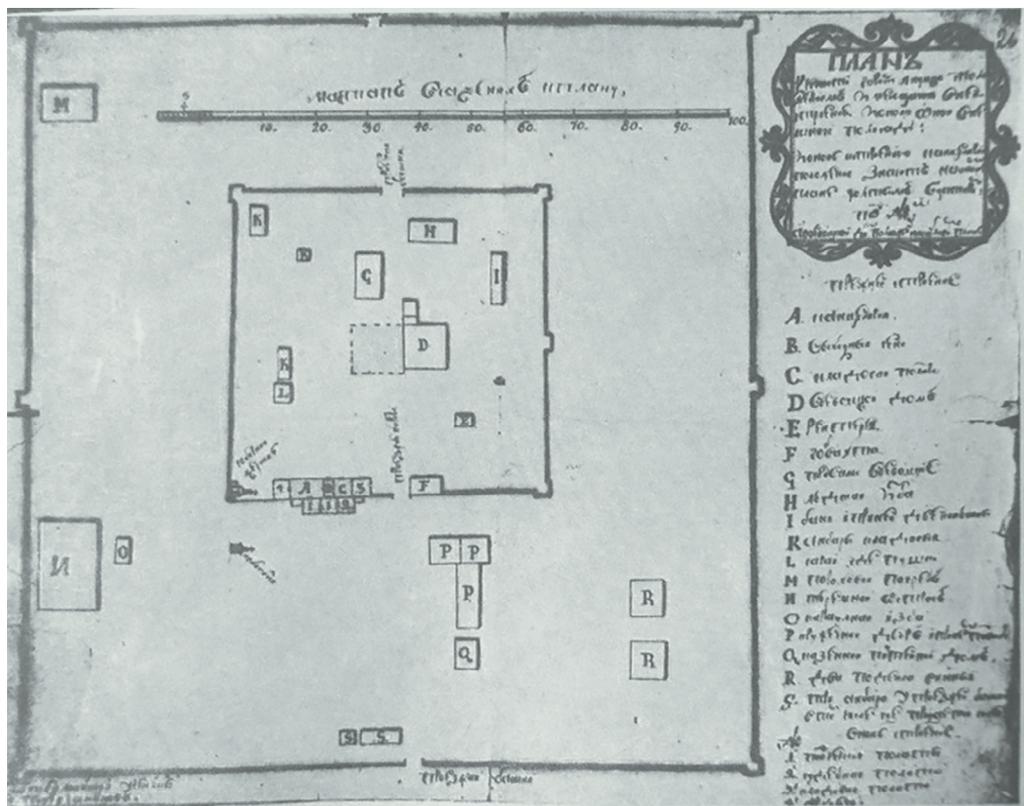
Гоц, 232
Грибановский Н.Н., 200.
Григорьев К.Н., 135, 136
Громов, 114, 115
Гурвич И.С., 38.
Дамешек И.Л., 121, 167
Дамешек Л.М., 10, 87, 88, 126,
164, 167.
Дежнев С., 7
Диваев, 200
Долгих Б.О., 65, 79
Егасов Е.М., 200.
Езерская Л.П., 227
Екатерина II, 33, 34, 84, 90.
Елизавета Петровна, 93.
Ерошкин Н.П., 12, 22.
Ершов Н.С., 233, 236
Жуковский, 146, 200
Зайончковский П.А., 12
Захарова К.Л., 189
Зелинский, 225
Зиновьев П.П., 59.
Иванов В., 200
Иванов В.Н., 55, 57, 58
Иванов М.С., 72
Посник Иванов, 66
Иванов Посничко, 66
Иванов С., 200
Ильминский Н.И., 166, 174
Иннокентий (Вениаминов), 117
Иннокентий (Кульчицкий), 91
Иннокентий (Нерунович), 101,
102, 104
Иннокентий, 67, 103, 115
Ионова О.В., 55
Казарян П.Л., 78, 224
Кабузан В.М., 24
Калашников А.А., 38
Канаев, сын боярский, 67
Каппелер А., 14
Кардашевский И.Г., 35, 97
Кардашевский Г.Р., 72
Карпов И.Д., 212
Каргапольцев Н.Я., 129
Карякин С.А., 200
Карякин Н.С., 229
Качалов, 233
Килтюгэ, 66
Кириллов И.К., 67, 84
Кирсанова К., 215
Кисилев П.Д., 138, 144
Климовский, 158
Клингоф Д.Ф., 239, 241
Кожевин Е., 77
Козьмин И., 83
Коленко В.З., 170
Колчак А.В., 238, 239, 240, 241,
242, 246
Комышев, 200
Константинов М., 196.
Конюхов А., 113.
Корсаков М.С., 154
Кочнев Д.А., 230
Кочнев П.П., 242
Краснов И., 200
Красносельский А.Д., 226
Крафт И.И., 171, 176
Кривошапкин, 219
Кровков М.А., 59
Крутовский В.М., 215
Ксенофонтов Г.В., 229, 230, 231,
234
Ксенофонтов М.В., 243
Кузнецов Е., 201
Кузьмина О.В., 162
Куликовский П.А., 227, 228, 234
Куракин, 75
Куршева Г.А., 163
Лантцев Г.В., 14
Лебедев Ф.Я., 242

Леберия Баигин, 34
Лебратовский Г., 94
Левенталь Л.Г., 9
Лемзяков Д., 201
Ленин В.И., 216, 232
Леонов М.И., 223
Лохвицкий А.Д., 147, 182, 250
Лугинин В.Ф., 148
Лугинин С.Ф., 148
Львов Г.Е., 212
Макаров Г.Г., 217
Максимов Д., 146
Мамкина И.Н., 164, 174.
Матханова Н.П., 128
Медницкий К.К., 215, 228, 233,
243
Микитин О., 66
Миницкий М.И., 42, 126
Мироненко С.В., 12
Михаил Александрович
(Романов), 186, 191
Михаил Федорович, 56
Муравьев Н.Н., 129, 130, 131, 135,
136, 138
Муранов, 226
Мухоплев К., 65
Мягков Н., 106
Нагель Л., 75
Налабардин Н.А., 135
Нарохин Арчинь
(Самуил Алексеев), 103
Неустроев Н.Д., 165
Неустроева А.Н., 165
Никитина, 201
Никифоров В.В., 67, 188, 234
Никифоров Г.В., 229, 233
Николай II, 185, 191
Николаев М.П., 229, 233
Нил (Исакович), 101, 105
Ничко, 66
Новгородов, 226
Новгородов С., 201
Огородников С.О., 168, 175, 178,
179, 181
Олейников Н.Е., 197, 199, 201,
230, 235
Орджоникидзе Г.К., 199
Орджоникидзе С., 227
Оросин Р.И., 229
Охлопков, 114
Охнянский Г.О., 196, 198, 199,
200, 209, 215, 216, 226
Павел I, 34, 69, 75, 248
Павлов А.А., 188
Павлов И., 201
Панкратов В.А., 215
Панкратов В.С., 230, 231
Панкратьев В.А., 242
Перкон П.Ю., 199, 227
Пермяков А.В., 196.
Перовский Л.А., 135
Пестель И.Б., 70
Иванов-Губарь П., 68, 69, 76, 77,
79.
Иванов посник, 66
Петр I, 7, 20
Петров В.В., 241
Петров И., 96
Петровский Г.И., 195, 197, 210,
211, 215, 217, 224, 225, 226, 227
Пивоваров П.Ю., 197, 199, 215,
227, 228
Пирожков, 61
Пирс Р.А., 14
Поздняков А.Н., 163
Попов, 234
Попов А.И., 212
Попов В., 201
Попов В.В., 235
Попов Г.А., 229, 233

Попов Дим., 201
Попов М.Т., 230
Попов С., 71, 75
Поповская, 233
Поротов И., 65
Порфирий, 101
Потапов И., 229
Поярков Е., 7
Преловский И., 95
Приклонский И., 59, 101
Приютов, 233
Проскура В., 201
Протопопов Д., 95
Пугачев Е., 74
Рабцевич В.В., 10, 60
Раев М., 14
Радченко Н.Н., 223
Рафиенко Л.С., 10
Ребров И., 77
Ремезов С.У., 56, 76, 77, 80, 81
Рогожин И.А., 201
Ромадин Е.Ф., 71, 72, 73, 74
Рубцов И.А., 214
Рудаков И.Д., 129
Рукавишников И., 201
Рукавишников И.М., 242
Рыдзинский А.С., 236, 237, 245
Сабунаев М.В., 215, 230, 234
Санников Л., 67
Свербеев Н.Д., 135
Санников А.П., 93, 98, 101, 109, 113
Сафронов Ф.Г., 11, 43, 55, 56, 65, 72, 73, 79, 82, 121
Сахарова А.А., 201
Свидерский, 233
Селиванов А.Н., 171
Селифонтов О., 35
Семенова, 192
Сивцев Д.Д., 181
Симеон, монах, 100
Скрипицын В.Н., 137, 158, 159, 250
Слезкин Ю., 14
Слепцов М.Ф., 197, 199
Слепцов П.А. (Ойунский), 215, 236, 244
Соловьев В.Н., 196, 197, 199, 200, 215, 227, 228, 240, 241, 244
Соловьев М.И., 244
Софроний (Кристалевский), 101, 104
Сперанский М.М., 8, 9, 10, 14, 15, 63, 70, 78, 86, 105, 123, 126, 130
Стадухин М., 76, 81
Старостин Петр, 34
Стефан, 101
Стефанов, 114
Столыпин П.А., 171
Струве Б.В., 135
Сукнев И.А., 103
Сыранов Софрон, 36
Тарлыков А., 94
Тверской Л.М., 239, 241, 243
Тизенгаузен Д.О., 211, 214, 215, 216
Тодоров, 198
Токарев С.А., 11, 55
Толстобров, 233
Толстой Д.А., 137
Толстой И.Н., 128.
Томский Николай, 75
Трескин Н.И., 70, 106
Трифонов, 201
Тропов И.А., 216, 221
Троцкий, 232
Трусевич М.И., 137
Турчанинов И., 74
Уваровский А.А., 70

Федоров, окружной исправник, 106
Федоров, титулярный советник, 74
Федоров В.И., 187, 223
Федоров М.М., 10
Хачатурян Б.Г., 187
Хабаров А., 80
Хабаров Е., 7
Цыпин В., 98
Чагин Н.М., 229
Червинский, 201
Чернов, 232
Чернышевский Н.Г., 227.
Черняев Г.Ф., 151, 152, 168, 174, 176
Чижик Б.М., 242
Шадрин Илья, 34
Шалаев, 201
Шапошников В., 94
Шахов В., 67
Шелохаев В.В., 223
Шергин Г.И., 214
Шиловский Д.М., 13
Шиловский М.В., 13
Широких А.Д., 201, 229, 234
Широкова А.П., 196, 201, 208
Шишкин В.И., 189, 190
Шишкина Е.Б., 188
Шульце-Делич., 148
Шперк Ф., 72
Щербатов М.М., 61
Эверс И., 35
Эверстов А.И., 54
Эверстов В., 201
Эверстов И.Н., 201, 212, 214, 234
Юшманов П.А., 196, 214, 244
Яворский, 198, 206
Яковенко И.Г., 135
Яковлев Л., 76
Ярославский Ем. (Губельман М.И.), 211, 213, 214, 215, 217, 226, 227

Приложения

1. План Якутской крепости (середина XVIII в.)

2. Здание Якутской воеводской канцелярии

3. Генеральная карта Иркутской губернии, содержащей в себе Иркутскую, Якутскую и Удинскую провинции.
Сост. Н. Трескот. 1776 г.

Якутия
в условиях реформирования системы
управления имперскими окраинами
(XVIII – начало XX вв.)

Коллективная монография

Авторский коллектив:
канд. ист. наук А.И. Архипова,
д-р ист. наук А.А. Борисов,
д-р ист. наук Н.И. Бурнашева,
канд. ист. наук Т.В. Захарова,
канд. ист. наук А.И. Макарова,
канд. ист. наук П.П. Петров,
канд. ист. наук Н.Н. Радченко,
д-р ист. наук И.И. Юрганова

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 9.11.2020 г.
Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 15,41. Уч.-изд. л. 11,36.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 205.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru